

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

МАРТ 2009

МАРИНА ВЛАДИ: «ЗНАКОМСТВО С НЕОРДИНАРНЫМИ ЛЮДЬМИ – ЭТО САМЫЕ БОЛЬШИЕ ПОДАРКИ СУДЬБЫ»

СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ
ДВОЙНАЯ ОККУПАЦИЯ
ИМЕНЕМ ИОАННА ДАМАСКИНА
НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор, руководитель
информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Главный художник
Александр КУЧЕРОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Обозреватель
Светлана БАБАЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Сергей ГУБИН
Василий ЖУРАВЛЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Людмила ЛУНИНА
Вера МЕДВЕДЕВА
Евгения МИХАЙЛОВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Владимир ТИХОМИРОВ
Иван ХАЙЛАРОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гlamur-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гардаровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40
Телефон: (495) 980-25-65
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Фото на обложке:
Итар-Тасс

Смотреть не только в прошлое

Недавно почти не замеченной прошла годовщина, 55-я, включения Крыма в состав Украины. Не очень заметной эта дата была в России, что в общем-то понятно: отношения двух стран, «благодаря» некоторым действиям высших украинских политиков, оставляют желать лучшего. В то же время в самом Крыму недостатка в отмечаниях не было: кто-то просто вышел на очередную демонстрацию в защиту русского языка, кто-то, совместив иноземную игру дартс с портретом Никиты Хрущева, при котором, собственно, и состоялась передача Крыма в состав тогда Украинской ССР, пытался таким образом выразить свое возмущение тем, как повернулась история. Большинство крымчан, да и россиян тоже, по сей день считают, что повернулась она в этом вопросе к России не очень-то справедливо.

Иные политики в России сегодня пытаются в той или иной форме «ставить» крымский вопрос. Однако никаких последствий, кроме раздражения официального Киева и ответных обвинений в том, что, дескать, Москва вынашивает агрессивные планы, это не вызывает. Да и официальная позиция России была и остается неизменной: Крым она признает неотъемлемой частью Украины.

Ну а что касается «справедливости» Ее Величества Истории, то дама эта никогда не отличалась велиодушием. Но она же учит, что надо смотреть не только в прошлое, но и в будущее. Вон в той же Европе едва ли не каждая страна может предъявить всем своим соседям аж по пачке счетов насчет «справедливости-несправедливости». Однако ж былая вражда противоречий ныне снята – на качественно новом уровне интеграции. Прежде всего потому, что в ее основе лежит общность культуры, общность европейской цивилизации.

Именно по этой же причине можно быть уверенными сегодня и в том, что в свое время на новом уровне будут сняты и нынешние трения между Москвой и Киевом – на основе общей славянской культуры, общей славянской цивилизации.

Редколлегия

ФОНД РУССКИЙ МИР

Состав попечительского совета фонда «Русский мир»

ВЕРБИЦКАЯ
Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета,
президент Международной ассоциации преподавателей
русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского
государственного университета

АМВРОСИЙ
(ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)
Викарий Московской епархии,
епископ Бронницкий

ИГНАТЕНКО
Виталий Никитич
Генеральный директор
ИТАР-ТАСС

БОГДАНОВ
Сергей Игоревич
Председатель наблюдательного
совета Российского общества
преподавателей русского
языка и литературы, декан
филологического факультета
СПбГУ

КОСТОМАРОВ
Виталий Григорьевич
Президент Государственного
института русского языка
имени А.С. Пушкина

ДЗАСОХОВ
Александр Сергеевич
Член СФ РФ – представитель
в СФ РФ от исполнительного
органа власти Республики
Северная Осетия-Алания

ЛАВРОВ
Сергей Викторович
Министр иностранных дел
Российской Федерации

ДОБРОДЕЕВ
Олег Борисович
Генеральный директор
ФГУП «Всероссийская
государственная телевизионная
радиовещательная компания»

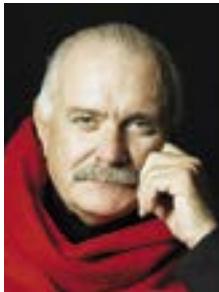
ЛИПСКЕРОВ
Дмитрий Михайлович
Писатель, ответственный
секретарь Ассоциации
учащейся молодежи
Российского союза молодежи
«Содружество»

МИТРОФАНОВА
Элеонора Валентиновна
Руководитель Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ

ПОЛЛЫЕВА
Джахан Реджеповна
Помощник президента Российской Федерации

МИХАЛКОВ
Никита Сергеевич
Президент Российского фонда культуры

ФУРСЕНКО
Андрей Александрович
Министр образования и науки РФ

НАРОЧНИЦКАЯ
Наталья Алексеевна
Руководитель Парижского института «Демократии и сотрудничества», президент фонда «Исторические перспективы»

ЮРКОВ
Евгений Ефимович
Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ

Состав правления фонда «Русский мир»

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич
Исполнительный директор правления, президент фондов «Политика», «Единство во имя России»

МОРГУНОВ Сергей Евдокимович
Первый заместитель исполнительного директора правления фонда «Русский мир»

КАЛИНА
Исаак Иосифович
Заместитель министра Минобрнауки РФ

ПРОКОФЬЕВ
Павел Алексеевич
Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД РФ

ШАРКОВ
Анатолий Сергеевич
Начальник департамента Референтуры Президента РФ

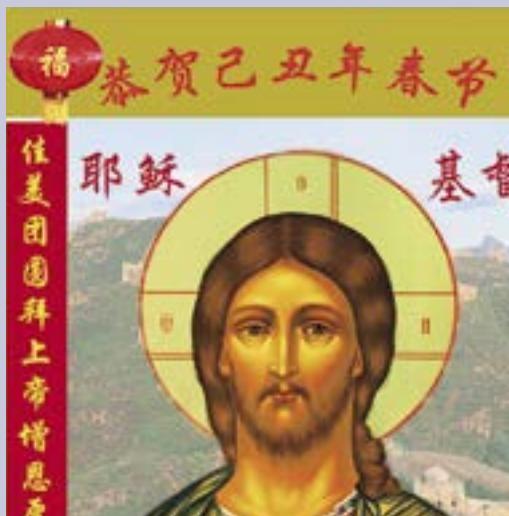
13

Photos/Alamy

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРРИТОРИИ,
КЛИМАТА И ВЫБОРА

20

«ОЛОСЫ», или РУССКИЕ В КИТАЕ

31

«В МУЗЕЕ, КАК В МЕДИЦИНЕ,
ГЛАВНОЕ – НЕ НАВРЕДИТЬ»

36

СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК

8

НАДЕЖДА НА
САМООЧИЩЕНИЕ

ДИАСПОРА

20

«ОЛОСЫ», или РУССКИЕ
В КИТАЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

13

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ТЕРРИТОРИИ, КЛИМАТА
И ВЫБОРА

СИТУАЦИИ

26

ДВОЙНАЯ ОККУПАЦИЯ

31

«В МУЗЕЕ, КАК В МЕДИЦИНЕ,
ГЛАВНОЕ – НЕ НАВРЕДИТЬ»

ИСТОРИЯ

36

СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

НАСЛЕДИЕ

46

ВСЕМУ ПЕТРОГРАДУ ПУСТЬ
БУДЕТ ИЗВЕСТНО

52

ПУПЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

60

СЕМЬ ДОЛГИХ И СВЕТЛЫХ
НЕДЕЛЬ

46

ВСЕМУ ПЕТРОГРАДУ ПУСТЬ БУДЕТ ИЗВЕСТНО

62

ИМЕНЕМ ИОАННА ДАМАСКИНА

76

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

92

РЫВОК В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

КУЛЬТУРА

62

ИМЕНЕМ ИОАННА ДАМАСКИНА

70

«ЗНАКОМСТВО С НЕОРДИНАРНЫМИ ЛЮДЬМИ – ЭТО САМЫЕ БОЛЬШИЕ ПОДАРКИ СУДЬБЫ»

74

ТРОЛЛЬ – РАЗРУШИТЕЛЬ ИМПЕРИИ ЗЛА

75

С ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКОВ НА ПОДИУМ

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

82

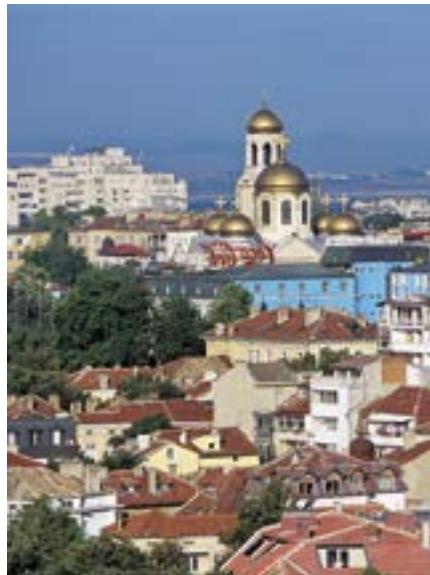
НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

92

РЫВОК В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЦЕНТР НА БАЛКАНАХ

Photos/Alamy

5 февраля в нашей стране стартали Год Болгарии в России, фактически приняв эстафету у Года России в Болгарии, прошедшего в 2008 году. В своей речи на торжественном мероприятии, посвященном этому событию, президент РФ Дмитрий Медведев подчеркнул, что с Болгарией «нашу страну связывают поистине глубокие, основанные на совместном историческом опыте отношения дружбы, культурно-духовной близости и общности».

Примечательно, что за 10 дней до этих событий фонд «Русский мир» торжественно открыл Русский центр в Варненском свободном университете имени Черноризца Храбра. В церемонии открытия Русского центра участвовали заместитель министра образования и науки Республики Болгария Ваня Добрева, заместитель министра иностранных дел страны М. Керимидчиев, мэр города Варна К. Йорданов, губернатор областного административного центра Варны адмирал Х. Контров, Генеральный консул Российской Федерации в Варне А. Щелкунов, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, директор европейских программ фонда Алексей Громыко и другие.

Российской делегации устроили экскурсию по университету, во время которой продемонстрировали современную и хорошо оснащенную библиотеку университета. Непод-

дельное удивление у россиян вызвало количество выписываемых библиотекой периодических изданий на русском языке – около 150 единиц!

Состоявшееся затем торжественное заседание Академического совета преподнесло еще один сюрприз: по предложению кафедры общественных наук исполнительному директору фонда «Русский мир» Вячеславу Никонову было присуждено звание «Почетного профессора Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра».

Выступившая на заседании ректор Варненского свободного университета профессор Анна Недялкова проинформировала гостей об особенностях работы одного из первых негосударственных университетов Болгарии, имеющего государственную и международную аккредитацию, о сотрудничестве университета с коллегами из десятков стран и совместных международных проектах. Анна Недялкова особо подчеркнула в своем выступлении, что открытие Русского центра в Варненском свободном университете станет хорошим стартом Года Болгарии в России.

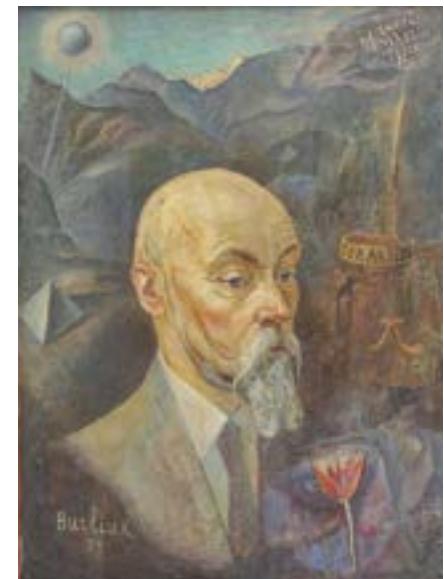
В ответной речи глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов отметил: «Мы открываем первый Русский центр не только в Болгарии, но и на Балканах вообще. Со своей стороны мы готовы оказывать всю необходимую помощь и поддержку в развитии этого центра, в

реализации той достаточно интересной программы, которая отражает весь широкий спектр отношений между Россией и Болгарией. Этот центр, безусловно, поможет болгарским студентам действительно лучше узнать и русский язык, и русскую культуру». Вячеслав Никонов также выразил признательность представителям болгарской стороны, благодаря которым состоялось открытие Русского центра.

Отметим, что на церемонию открытия Русского центра в Варненский свободный университет съехались русисты со всей Болгарии. Для них, а также для преподавателей и студентов университета исполнительный директор фонда «Русский мир» прочитал лекцию «Внешняя политика России в XXI веке». Судя по тем вопросам, которые были заданы г-ну Никонову после лекции и на последовавшей после нее пресс-конференции, Россия и происходящие в ней события вызывают искренний интерес в Болгарии. Это подтвердила и заместитель министра образования и науки Республики Болгария Ваня Добрева, которая на торжественной церемонии открытия Русского центра особо подчеркнула: «Создание центра на Балканах исключительно важно в новом контексте политических реалий и во взаимоотношении культур, и для православной общности наших держав». ■

Сергей ИВАНОВ

КАК ДОМБРОВСКИЙ СТАЛ ГРЭХЕМОМ

Итар-Тасс

19 февраля в корпусе Бенуа Русского музея открылась выставка «Американские художники из Российской империи» из цикла «Искусство русской эмиграции».

На выставке представлены произведения живописцев и скульпторов, уехавших в США из Российской империи и Советского Союза до конца 1930-х годов. Экспозиция включает около 100 произведений из 40 музеев, галерей и частных коллекций США, большая часть которых привезена в Россию впервые, а также произведения из собрания Русского музея и Третьяковской галереи. Выставка проводится совместно с Фондом международного искусства и образования (Вашингтон) при поддержке фонда «Русский мир» и ряда других спонсоров.

«Российские художники оказали значительное влияние на изобразительное искусство США, особенно в XX столетии, – рассказала корреспонденту «Русского мира.ru» заместитель директора Русского музея Евгения Петрова. – Весь мир знает имена таких гениальных американских художников, как Давид Бурлюк, Марк Ротко, Джон Грэхем, Арчил Горки, Макс Вебер, Павел Челищев, Николай Фешин, – а они наши, русские!».

Для большинства любителей живописи современной России будет большим открытием имя Марка Ротко. А этот великолепный американский сюрреалист родился в Латвии и ранее был Маркусом Ротковичем.

Ведущий теоретик и создатель абстрактного экспрессионизма Джон Грэхем – не кто иной, как украинец Иван Домбровский. Лучшим другом и участником розыгрышней и мистификаций Грэхема был Арчил Горки – бежавший от турецкого геноцида Воздник-Анук Адоян. Под запретом в нашей стране было и имя футуриста Давида Бурлюка. В начале XX века «исход» художников из России в Америку в поисках лучшей жизни был значителен. Среди них были такие будущие известные художники, как братья Сойер, Луис Лозовик, Бен Шан, Питер Блюм и другие. Невероятным успехом пользовался в Америке Николай Фешин, о судьбе которого рассказали в своей книге «Одноэтажная Америка» Илья Ильф и Евгений Петров. По-разному складывались жизнь и творчество российских эмигрантов. Поначалу приехавшие в США художники писали картины на русские темы. Однако и Борис Григорьев, которого называли в Америке «живописным сказителем русского террора», и Сергей Судейкин с его русскими праздниками и народными гуляниями, не смогли войти в американскую художественную жизнь. Остались не вполне понятыми как в Америке, так и в России Павел Челищев и Борис Марго. Особое место в американском искусстве 1930–1940-х принадлежит Максу Веберу и Бен Шану. Работы этих мастеров во многом имели свое начало в еврейско-российском происхождении авторов:

в метафоричности образов и прямом обращении к библейским мотивам, в воспоминаниях детства и юности.

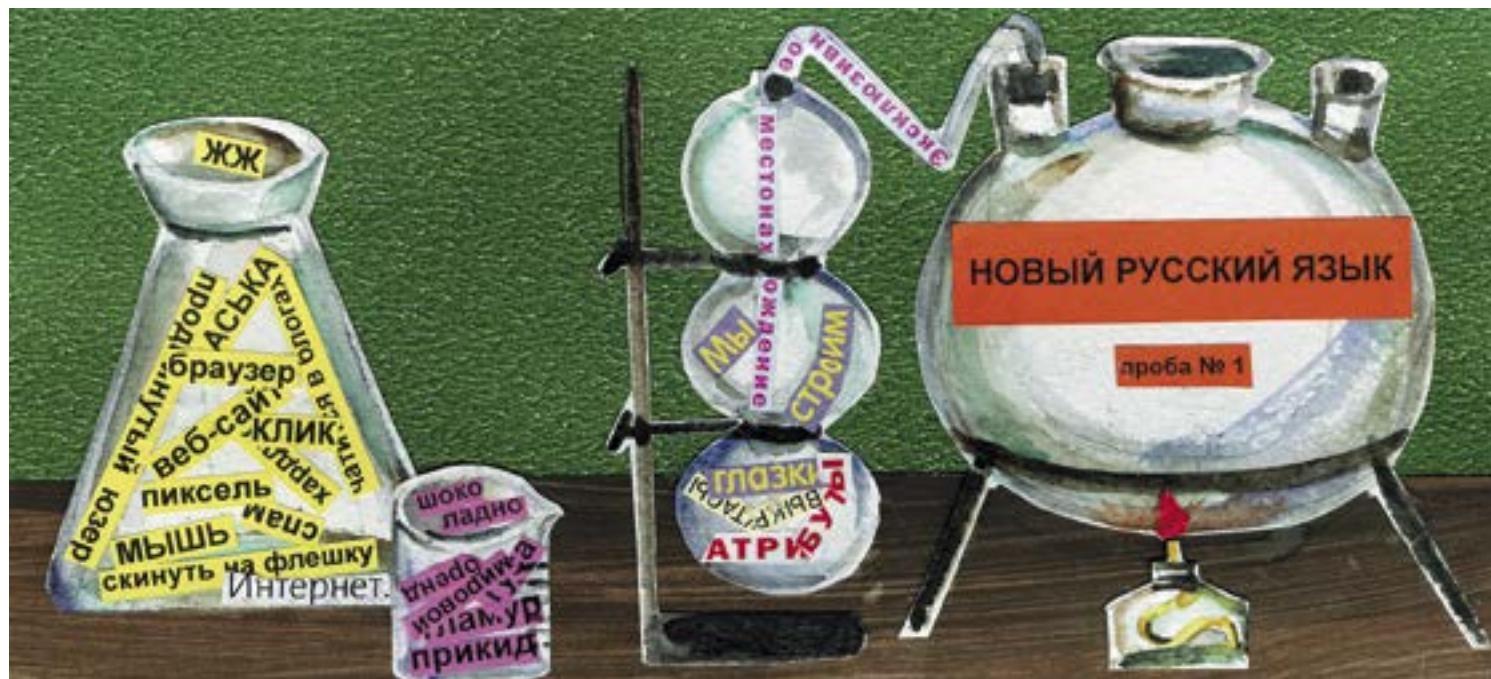
«Русские корни» многих классиков американской живописи, продемонстрированные на выставке «Американские художники из Российской империи» в Fred Jones Jr. Museum of Art Университета Оклахомы в Норманне с 4 октября 2008 года по 11 января 2009 года, взбудоражили общественность США. Завершающим аккордом выставки стала специальная конференция по русской культуре в Оклахоме. Дело дошло до того, что Университет Оклахомы объявил Год русской культуры, организовав специальный факультет для занятий по русскому языку и литературе.

Оклахома передала эстафету Петербургу. На открытие выставки в город на Неве прибыла впечатительная американская делегация. По словам президента Фонда международного искусства и образования (США) Грегори Гуроффа (Gregory Guroff), еще 40 лет назад в России невозможно было даже подумать о выставках работ американских художников, русских по происхождению.

После завершения показа в Русском музее и Государственной Третьяковской галерее выставка «Американские художники из Российской империи» переедет в Музей искусства в Сан-Диего.

Наталья ШЕРГИНА
Санкт-Петербург

НАДЕЖДА НА САМООЧИЩЕНИЕ

Леонид КРЫСИН*

Два характерных процесса происходят в современном русском языке. Это, во-первых, жаргонизация литературной речи и, во-вторых, усиление заимствования иноязычных слов. Оба влияют на литературный язык колossalно.

Кто сел на иглу жаргонов

Проникновение в литературную речь жаргонных слов и выражений, их употребление (крутое (парень), разборка, беспредел, отморозок, балдеть, крыша поехала и т.д.) становится едва ли не нормой. Почему так происходит?

Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых активно используют в речевой практике разного рода жаргоны и другие формы нелитературной речи. Кроме того, отход в области социальной жизни от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свобод сказывают-

ся, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов. То, что раньше считалось принадлежностью социально не престижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. Не последнюю роль в усилении влияния жаргонизмов играют миграционные процессы: перемешивание разных слоев населения, отток сельских жителей в города, усложнение социального состава горожан, интенсификация общения между представителями разных, в том числе языковых, групп.

Роль жаргонов как средства общения в прошлом недооценивалась. До недавнего времени в отечественной науке о русском языке считалось, что жаргоны не имеют социальной базы. У этой точки зрения были резоны. Так, развитое в дореволюционное время нищенское арго к середине XX века как будто утратило социальную базу. Арго бес-

призорников, впитавшее в себя элементы воровского жаргона и бывшее активным в 20-е годы, позднее угасает, не имея устойчивого контингента носителей. Однако в конце XX века оба арго возрождаются в новом социальном и языковом обличье, поскольку множатся ряды нищих и беспризорников. Эти два арго составляют лишь часть многоцветной палитры современных социальных жаргонов и арго: они существуют наряду с такими языковыми образованиями, которыми пользуются уголовники, мафиози, проститутки, наркоманы, фальшивомонетчики, карточные шулера и другие социальные группы современной России. Эти жаргоны и арго по большей части несамостоятельны, «перетекают» друг в друга. Например, в области лексики и фразеологии жаргоны наркоманов, проституток, нищих имеют много общего. У студенческого жаргона обнаруживается общность со сленгом хиппи, «челночками» активно использовали торговое арго и т.д.

Как воспитать хороший языковой вкус, не отвергая неизбежное обновление речи?

Евгения Гладкая

В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он формировался в социально пестрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала деревоэвакуационного воровского арго, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им пользовался. С ним были знакомы, его употребляли как «воры в законе», «домушники», «медвежатники», «скокари», «щипачи» и прочие представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, студенты, рабочие, актеры, журналисты, поэты, крестьяне, врачи – все, кто составлял многоомиллионное население сталинских лагерей.

В современных условиях тюремно-лагерный жаргон находит себе новую «среду обитания». Им пользуются, например, бизнесмены, журналисты, политики. Он модифицирует-

ся, пополняясь новообразованиями и меняя значения традиционно используемых лексических единиц. Например, *напарить* – обмануть, *капуста* – деньги (первоначально только о долларах – из-за их зеленого цвета), *поставить на счетчик* – ежедневно увеличивать проценты от неуплаченного вовремя долга и т.д.

Сначала жаргонизация проявлялась в устной речи, затем – в языке СМИ и в публичных выступлениях политиков, депутатов и писателей. Хорошо это или плохо? Несомненно, плохо, если рассматривать процесс жаргонизации литературной речи с позиций языковой нормы, не допуская мысли о неизбежном обновлении языка. Как показывает изучение развития русского литературного языка, процесс обновления всегда происходил в борьбе «архаистов» и «новаторов». Но всегда для этого процесса был характерен тщательный отбор новшеств, «взвешивание» их свойств с точки зрения пригодности для коммуника-

тивных нужд культурного общества. Элементы такого отбора можно наблюдать и сейчас: в потоке жаргонных слов и оборотов взгляд тех, кто наделен языковым чутьем и вкусом, различают некоторые, отдельные особенности емкие, выразительные слова и обороты, которые могут быть употреблены и в литературной речи. Разумеется, с определенной стилистической окраской и главным образом в непринужденном общении, например слова *стукач*, *крутой*, *беспредел*, *тусовка* отмечены в речи образцовых носителей литературного языка.

Многие из жаргонных элементов утрачивают свою социальную прикрепленность, становятся хорошо известными в разных социальных группах носителей русского языка, а некоторые получают развитие в литературном языке. К примеру, фразеологизм *сесть на иглу*, попав из речи наркоманов на страницы газет, «обрастает» производными: «Область села на дотационную иглу»; «Нельзя все

время сидеть на игле инвестиций» и т.п.

Чем ремейк лучше переделки

Для развития почти каждого языка характерен процесс заимствования слов из других языков. Тем не менее и к самому этому процессу, и к иноязычным словам носители языка часто относятся подозрительно: зачем что-то брать у других, если есть свое? Зачем нам имидж, если есть образ? К чему саммит, если мож-

лексики. Вот некоторые из этих условий. Значительная часть россиян осознает свою страну как часть цивилизованного мира; в идеологии объединительные тенденции преобладают над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества Западу; происходит переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, в области

фикация общения носителей русского языка с носителями иных языков. Так в русской речи – сначала в профессиональной среде, а затем и за ее пределами – появились термины, относящиеся к компьютерной технике. Само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и многие другие названия, например видов спорта (новых или по-новому именуемых) – *виндерфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фри-*

легко выбрать!

но сказать *встреча в верхах*? Чем модный в кинематографии *ремейк* лучше обычной *переделки*? И разве консенсус прочнее *согласия*?

Кстати, в конце 40-х годов, во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом», даже устоявшиеся в русском языке технические термины пытались заменить на исконно русские: не *бульдозер*, а *тракторный отвал*, не *грейдер*, а *струг*... Но бывают в истории общества и другие времена. Таким временем можно считать конец прошлого столетия и начало нынешнего, когда возникли политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию иноязычной

экономики, политики и культуры имеет место ориентация на Запад. Это легко проиллюстрировать сменой названий в структурах власти. Верховный совет давно стал именоваться *парламентом*, совет министров – *кабинетом министров*, его председатель – *премьер-министром* или *премьером*, а его заместители – *вице-премьерами*. В городах появились *мэры*, *вице-мэры*, *префекты*, *супрефекты*, советы уступили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями* и *пресс-атташе*, которые выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, организуют *брифинги* и *эсклюзивные интервью* своих *шефов*...

То есть произошла интенси-

тайл и др. Английские пробиваются бреши и в старых системах наименований. Так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей все чаще именуется *оvertime*, спортивное состязание на выбывание из дальнейших соревнований одной из команд – *плей-офф* и даже традиционное боец в кикбоксинге заменяется англизмом *файтер*.

У всех на слуху многочисленные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибутор*, *инвестиция*, *ипотека*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты* и т.п. Многие из них были заимствованы давно, но использовались в основном среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими

терминами, становились актуальными для общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды. Активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики происходит и в менее специализированных областях человеческой деятельности: достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *бренд*, *имидж*, *презентация*, *номинация*,

рое семантическое размежевание «своего» и «чужого» слов: *презентация* – это торжественное представление фильма, книги и т.п.; *эксклюзивным* чаще всего бывает *интервью*, а сказать о ком-нибудь *эксклюзивный тупица* или воскликнуть: «*До чего же эксклюзивная у вас колбаса!*»! – едва ли можно.

Ощущаемый многими больший социальный престиж иноязычного слова, по сравнению с исконным, иногда вызывает яв-

чающего процесс умирания. И даже итальянское *puttana*, оказавшись в русском языке, обозначает не всякую проститутку (как в итальянском), а главным образом валютную.

Как относиться к тому, что иноязычные слова нередко вытесняют из употребления слова исконные? Может, необходимы запретительные меры, не позволяющие, скажем, журналисту или диктору телевидения употреблять иноязычное слово, ес-

Цены указаны с учетом всех скидок

лучшее предложение!

99 ₽
СУПЕР скидка!

59 ₽
скидка 25%

Если хочется чего-то особенного – то мы можем красиво оформить любую Вашу покупку в соответствии Вашему Вкусу и Пожеланию!!!

таймспендергейм

капучинопара
ориджинал

болл

Умная Эмаль

Евгения Гладкова

спонсор, видео, шоу (и их производные: видеоклип, видеотехника, видеокассета, видеосалон; шоубизнес, ток-шоу, шоумен), триллер, хит, дискотека, диск-жокей и множество других.

Среди причин, которые способствуют массовому проникновению иноязычных неологизмов в наш язык, определенное место занимают причины социально-психологические. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка. *Презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление*, *эксклюзивный* – лучше, чем *исключительный*, *топ-модели* – широкнее, чем *модели*. Хотя намечается и некото-

ление, которое может быть названо «повышение в ранге». Так, во французском языке слово *boutique* значит «лавочка, небольшой магазин», а будучи заимствовано нашими модельерами и коммерсантами, оно приобрело значение «магазин модной одежды». Примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами, преимущественно западного производства (обычный продмаг никто *шопом* не назовет). Английское *hospice* («приют, богадельня») превращается в *хоспис* – дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфорта, облег-

ли есть равнозначное русское? Прежде чем ответить на эти вопросы, посмотрим, какие сферы общения в наибольшей степени подвержены иноязычному влиянию.

Чаще всего новые иноязычные слова можно встретить в СМИ, например на телевидении, в передачах, посвященных экономической или политической жизни, моде, музыке, кино, спорту. В устной публичной речи, например в радио- и телевьювью на бытовые темы, в выступлениях на заседаниях парламента – употребление иноязычных слов-неологизмов часто сопровождается оговорками типа: «так называемый монетаризм», «как теперь принято выражаться, электорат» и т.п., поскольку

ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает связь с ним более остро, нежели автор статьи. Некоторые из заимствований употребляются не только в прямых своих значениях, но и переносно, метафорически: *телевизионный марафон, ренамиация российской экономики, ангажированная пресса, политический бомонд, рейтинг вранья* и т.п. Однако обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов. Что понятно: будучи по большей части словами книжными или специальными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи.

Наблюдаются и социальные различия в отношении к иноязычным словам, особенно новым. Люди старшего поколения в среднем менее терпимы к «чужой» лексике, чем молодежь; с повышением уровня образования освоение заимствований происходит легче; представители технических профессий меньше останавливают свое внимание на том, какое слово они видят в тексте или слышат – русское или иноязычное, чем представители профессий «гуманитарных». Но это в целом. Возможно и более сложное отношение к иноязычным словам. Например, профессионал может не замечать «чужезычности» терминов, которые употребляются в его профессиональной сфере, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения.

По поводу резкого роста иностранных заимствований паниковать не стоит. Нередко говорят и пишут об «иноязычном потопе», заливающем русский язык, о засилье иностранщины, под гнетом которой он гибнет. Такие высказывания рождают чувство безысходности. Растворенное влияние английского языка также может наводить на мысль о сужении сфер использования русского языка, о его функциональном угасании. Действительно, с масштабом и темпами распространения английского в сферах политики, международных контактов, в науке русский

язык, надо прямо сказать, состояться не может. Но коммуникативное пространство далеко не ограничивается политикой и наукой. И разве можно сбрасывать со счетов сотни миллионов людей, для которых русский язык – родной и которым совершенно нет необходимости – ни сейчас, ни в будущем – переучиваться и полностью переключаться на другой язык, например на английский? Словарь нашего языка и в особенности его грамматика представляют собой устойчивую систему, способную эффективно обслуживать коммуникативные нужды и говорящих по-русски с детства, и тех, кто только изучает русский язык, обслуживать в разных областях человеческой деятельности, начиная с бытового общения и кончая сферами образования, науки, законотворчества, судопроизводства.

При этом не нужно забывать, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. Язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного. Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. Кто из наших современников знает, например, кто такой *проприетер* и что означает слово *индигестия*? Что имел в виду Гоголь, когда в «Мертвых душах» писал о даме, с которой приключилось «небольшое инкомодите»? Кто такой *супирант*? Какой смысл вкладывали наши предки в слово *суспиция*? И что они имели в виду, когда считали, что театральный актер излишне *фарсирует*? Сейчас не всякий словарь даст нам ответы на эти вопросы, и мы узнаем, что *проприетер* – это собственник, *индигестия* – «несварение желудка», что *инкомодите* означает по-русски просто неудобство, неловкость, что *супирантом* называли поклонника, вздыхателя, а *суспицией* – подозрение, недоверие к кому-либо, что *фарсирюющим* считали актера, который достигает комического

эффекта чисто внешними приемами игры.

Конечно же, никто не издавал указов, предписывавших изгнать эти слова из русской речи. Они устарели, были вытеснены из употребления как нечто ненужное. А с другой стороны, много ли добились туристы прошлого, призывая запретить употребление таких слов, как *эгоизм* (вместо этого предлагалось *ячество*), *цитата* (предлагались в качестве синонимических замен *ссылка*, *выдержка*), *поза* (взамен изобреталось *телоположение*), *компрометировать* (вместо этого рекомендовали говорить: *выставлять в неблагоприятном виде*), *игнорировать* (Владимир Иванович Даль считал, что это «слово непозволительное») и др.?

Разумеется, чрезмерное или неуместное употребление иноязычных слов недопустимо, но неумеренность и неуместность вредны и при использовании любого слова. Конечно, ни ученые-лингвисты, ни журналисты и писатели не должны сидеть сложа руки, бесстрастно наблюдая, как засоряется иноязычием родная речь. Но запретами здесь ничего сделать нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой – воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус – главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как заимствованных, так и исконных. ■

* Автор – доктор филологических наук, профессор Института русского языка РАН.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРРИТОРИИ, КЛИМАТА И ВЫБОРА

Он профессор отделения проблем национальной безопасности Адъюнктуры Военно-морских сил США в Монтерее, Калифорния. Выпускник Гарварда и... бывший москвич. Половину жизни Михаил Цыпкин провел в СССР, половину — в США. Как все, кто покидал в те годы Советский Союз, он полагал, что никогда не сможет вернуться туда... Сейчас Михаил часто бывает в России, оброс новыми русскими друзьями. И, окруженный на работе американскими профессорами и слушателями, имеет все основания считаться человеком, принадлежащим к двум культурам. И сравнивать их, размышляя, похожи ли русские и американцы или они — жители двух разных планет.

На ваш взгляд, русские и американцы больше похожи, как считают многие, или больше не похожи? Они антиподы или схожие нации?

— Антиподами я бы их, конечно, не назвал, но различий очень много. Сходства связаны в основном с размером обеих стран. Соответственно, это размах, просторы. А различия связаны прежде всего с американской привычкой к самодостаточности и склонности во всех своих неудачах винить себя. Это создает достаточное напряжение в жизни, иногда люди винят себя больше, чем и надо бы. Но если ты чего-то не добился в Америке, значит, виноват сам. Здесь нет привычки сваливать неудачи на кого-то. Даже на объективные обстоятельства. Это не прилично, не поощряется.

— Склонность винить себя может привести к тому, что руки опустятся и человек просто не найдет в себе сил что-то сделать или исправить. Тут вроде уж недалеко до российских черт — самокопания, созерцательности. Возможно, они дают глубину, но не заряжают, не порождают желания сделать что-то вопреки, добиться, доказать. А у американцев наоборот.

— Потому что привычка во всем винить себя сталкивается с другой чертой американского характера — оптимизмом. Американцы поразительно способны начинать что-то новое. Сколько раз я видел, как люди меняли профессию в середине жизни; в 60 лет вдруг шли в колледж дополучать степень, которую

Из личного архива

когда-то по каким-то обстоятельствам не получили. Поразительный оптимизм и уверенность в собственных силах. Не у всех. Но считается, что это должно быть. Иногда это не просто, бывают срывы. Некому пожаловаться. В воспитании заложено: нельзя навреждать других людей своими проблемами.

— А как же знаменитая американская взаимопомощь?

— Взаимопомощь проявляется в достаточно специфических ситуациях. Приведу пример. Я живу в маленьком городке на Западном побережье. Когда я по-настоящему встретил своих соседей? Когда в 1989 году было сильное землетрясение. Не было электричества, не работали телефоны. И все вдруг вышли на улицу, стали предлагать друг другу еду, поддержку.

— Получается, взаимопомощь возникает, когда постигает общая беда?

— Везде по-разному. Скажем, в Новой Англии ежедневной контактности больше, чем я вижу в Калифорнии. Мои друзья рассказывают, что в Техасе люди очень склонны помогать друг другу. Полагаю, это во многом относится к местам, где живут в традиционных ценностях, где принято ходить в церковь и т.д. Не знаю, хотел бы я сам жить там, где какая-то, пусть и очень добрая, норма навязывается, но обратная сторона — там тебя и не оставят одного.

Photos/Alamy

– Разве Новая Англия еще придерживается традиционных ценностей? Там должна быть, с одной стороны, в меру напыщенная аристократия, с другой – космополитичные настроения иммигрантов полутора веков. Это вроде уже не совсем традиционный сегмент Америки.

– Люди в маленьких городах очень дружелюбны и более склонны к общению, чем в Калифорнии, как мне показалось. Может, потому, что погода хуже? В Калифорнии всегда тепло, зачем идти общаться к кому-то, когда можно пойти погулять на океан. А когда живешь в холода, то дождь, то снег, то жара...

– ...Тогда в России все должны бесконечно общаться друг с другом!

– Так и общаются!

– Ну, как общаются, если большинство не знает, кто у него сосед. И не прилагают никаких усилий, чтобы узнать.

– Соседи оказались соседями зачастую вынужденно. Или, наоборот, благодаря удаче. В общем, это некий заданный фактор. Общаются не с соседями, а с друзьями. Да, общения стало меньше, чем, скажем, в 60–70-е годы, когда я рос. Но думаю, это связано с тем, что тогда люди были просто не так заняты. Не было никаких развлечений, на Багамы или в Эмираты поехать было нельзя, предел мечтаний – Черное море... Ресторанов была, дай бог, дюжина на Москву. Поэтому главным источником развлечений, поддержки были сами люди.

Это, кстати, еще одно важное различие между русскими и американцами: в Америке, в принципе, все работает. Если тебе государство что-то должно, оно тебе это даст, и человек знает это. В России ни-

когда нельзя было ни на что рассчитывать. Поэтому без друзей, без этой поддерживающей человеческой сети было не обойтись.

– В Америке дружат?

– Дружат, конечно, но понятие дружбы несколько другое. Во-первых, люди общаются реже, и того, что ты можешь ожидать от друзей в России, не следует автоматически ожидать от друзей в Америке. Например, что они будут выслушивать твои проблемы. Или вот взять мужское общение: не стоит ожидать, что друзья-мужики будут помогать, скажем, переезжать из дома в дом или из квартиры в квартиру. Никто не будет дарить дорогущих подарков.

– А про женщин поговорить, собравшись?

– Знаете, я работаю в колледже, так часто мы даже не знаем, есть ли у коллег семьи, дети.

– Ну, хорошо, президента обсудить?

– Это можно. Конечно, люди и разговаривают, и сплетничают. Просто не нужно ожидать серьезного участия другого человека в твоей жизни. Это бывает. Когда мы только приехали в Америку, мы дружили с одной парой. Они должны были прийти к нам на обед, как вдруг у нас залило квартиру. Они пришли, посмотрели на потоп и вместо того, чтобы сказать «ну ладно, ребята, вы тут разбираетесь, в другой раз встретимся», сказали: «Так, берите все необходимое, поехали к нам». Это достаточно необычно, лучше на такое не рассчитывать.

– На что можно рассчитывать?

– На приятно проведенное время. Ко мне люди приходили добры и помогали более, чем я мог рассчиты-

East-news/Masterfile

вать. Но, возможно, мне повезло, и я просто умел правильно общаться с американцами.

— **Это как?**

— Не грузил их своими проблемами, но давал понять, что на меня можно рассчитывать. Мои американские знакомые могут рассказать мне что-то и даже пожаловаться, что вряд ли стали бы рассказывать собрату-американцу. Они знают, что я представитель другой культуры и не посмотрю косо, если со мной понять или поплакать. Потому что с моей точки зрения это допустимо.

— **Вы сказали, знакомство в России заменяет некоторым образом неработающие официальные структуры. Но Америку многие называют если не страной блаты, то страной знакомств и рекомендаций. Многое держится на связях еще с колледжа. Оттого элита считается замкнутой кастой, не любящей пускать кого-то со стороны.**

— Я бы все же не назвал это блатом. Да, Вашингтон – классический пример – город, где знакомство жизненно важно, потому что здесь распределяются куски пирога. Но это происходит достаточно ясно и открыто. Вот, скажем, система политических назначенцев президента. Все знают, как это происходит. Например, ты работал на кампанию, тебе за это могут дать какую-нибудь позицию, а могут, кстати, и не дать.

Система рекомендаций, да, очень важна. Но это иного рода рекомендации. К примеру, очень своеобразна система рекомендательных писем. Несколько раз я помогал европейским коллегам, которым нужно было написать письмо для Америки. В Европе так, как у нас, не пишут. Вот, скажем, универси-

тетская система: рекомендательные письма – ключевой элемент, без них тебя никто не возьмет. Но ведь часто я не знаю людей, которые пишут письма. Следовательно, что я смотрю? Где они работают, в каком университете. Например, если человек учился в университете N и не получил письма от своего научного руководителя, уже начинает звонить: что-то не так. Никакого «ты мне – я тебе» нет. Ну что может иметь профессор с молодого человека, которому он дал рекомендательное письмо? И я ничего не буду иметь с молодого человека, которого найму на работу. Но все вместе мы имеем то, что хотим: чтобы система найма людей оставалась качественной. Люди озабочены своей репутацией, дать хорошее письмо плохому человеку – значит испортить репутацию.

— **Вы упомянули политических назначенцев. Предположим, президент назначает на высокие посты 10–20 человек, известных только ему, с которыми он работал. Что произойдет? Американская элита скажет «нет, мы не согласны»? Будет скандал?**

— Во-первых, эти люди должны, как правило, подтверждаться Конгрессом. Если что, человека просто не утвердят; у президента возникнут проблемы с заполнением постов, не будет действовать аппарат, и это навредит прежде всего самому президенту.

— **Штат Белого дома не проходит Конгресс.**

— То же самое. До первой экстремальной ситуации. Если назначенец с ней не справится – это покажет, что в команде президента работают люди, не способные оперативно и компетентно решать проблему.

— **В английском языке есть слово «блат»?**

— Нет. Есть слово «коррупция». В иных случаях – но это совсем другое – есть понятие legacy. Это система потомственных связей. Очень распространена в старых именитых университетах. Если вы посмотрите форму, которая там заполняется при поступлении, в ней написано: были ли ваши родители выпускниками нашего университета? Это дает определенное преимущество при поступлении. Большинство университетов частные, и они надеются на то, что достаточное число родителей – люди состоятельные, следовательно, будут помогать университету, потому что заинтересованы в том, чтобы он процветал и дальше, для их детей, внуков, правнуоков.

Я знаю людей, которые поколениями учились в Йеле или Гарварде. Конечно, они будут склонны жертвовать большие деньги. Население не очень знает об этой системе, впервые ее стали широко обсуждать при президенте Буше-младшем. Он учился в Йеле. Как он туда попал, ведь учился средне? Потому что несколько поколений Бушей там учились! Если бы мой сын хотел учиться в колледже, он бы имел преимущества при поступлении в Гарвард...

— **Поговорим о высоком. Как отличаются идеалы, высокие цели у американцев и русских?**

— Я не знаю, какие сейчас цели у российского поколения...

— **Возможно, денег больше заработать...**

— Я не думаю, что это станет постоянной ситуацией. Деньги и все, с ними связанное, – это но-

Photos/Alamy

вая вещь, раньше никогда не было, потому такой ажиотаж. Думаю, с течением времени это смягчится. Что касается американцев, в них достаточно много идеализма: они занимаются общественной работой, помогают бедным, едут в Африку. Но чтобы быть идеалистом, нужно происходить из богатой страны. Нужно иметь тыл, чтобы позволить себе не думать, «как буду выживать лично я».

Все американцы склонны заниматься филантропией. В прошлом году у нас на работе – а институт входит в систему федерального правительства – проходило благотворительное мероприятие, и вдруг я обратил внимание, сколько собрали денег! Счет шел на десятки тысяч долларов, притом что нас немного. То есть, с одной стороны, тобой не будут интересоваться, но деньги на добрые дела собирают в огромных количествах.

– Чем вы это объясняете?

– Это своего рода традиция всеобщей обязанности не рассчитывать на государство и помогать делать жизнь лучше. Помогать бедным.

– Почему же нужно помогать бедным, если каждый опирается на собственные силы и в своих неудачах должен винить себя?

– Это один из парадоксов. Тебе лично никто, может, сто долларов не даст, впрочем, ты и не попросишь... Но дадут на таких, как ты, через какую-то организацию. Я знаю многих людей, которые каждое Рождество, каждый День благодарения идут в ночлежки, кормят людей, помогают и т.д. Они знают: в этот день нужно отдать от себя десятину. Даже в Западной Европе не собирают столько денег на разные благотворительные цели. Причем это могут быть очень разные вещи: не только помочь бедным, но и, скажем, сбор пожертвований в исследовательские фонды.

– Некоторые считают, что американцы дают деньги, чтобы задобрить страны третьего мира.

– Нет. Есть четкое ощущение: если люди будут лучше жить, значит, всем будет лучше. Ведь если ты кому-то даешь, значит, ему будет лучше, он будет создавать меньше проблем, значит, лучше станет всем. Да, ты никому ничего не должен. Но если ты состоялся в этой жизни, ты должен обществу. Поэтому что это поможет ему стать лучше, поможет, возможно, кому-то еще пробиться в жизни. Но – помогут тому, кто помогает сам себе.

– Вы сказали, в разных штатах живут очень по-разному. Как и в России. Почему в Америке не слышно разговоров про угрозу распада, преодоление угрозы распада и т.д.?

– Никому это в голову не приходит. Распад один раз был, всем хватило той Гражданской войны 1861–1865 годов... Но знаете, если бы такие разговоры шли в Америке, скажем, в 1872 году, это было бы немножко серьезнее... Конечно, регионализм остался, но резко уменьшился благодаря массовым коммуникациям. Телевидение уничтожает даже региональный акцент, плюс люди постоянно переезжают из одного места в другое.

Россия только что пережила распад того, что каждый считал частью страны. Когда ездили отдохнуть в Ялту или Пицунду, кто считал, что за границу поехал?! Кто в 1985 году думал, что Советский Союз развалится? Да и у нас тут никому это в голову не приходило. Когда в 1989 году мой коллега Питер Реддевей написал маленькую статью, что Советский Союз может развалиться, а потом в какой-то форме восстановиться, реакция была однозначна: «Да откуда он это взял!» Единственное, что думали: ну, может, прибалты отделятся. Они всегда делили свою мировую историю на «до советской катастрофы» и «после». Но и в России, я счи-

Eastnews/Masterfile

таю, эти разговоры сейчас уже не имеют под собой почвы, потому что никто не хочет распадаться.

– Как бы вы оценили понятие свободы в России и в Америке?

– По-моему, Россия еще ищет свое определение свободы. Для американца же свобода – это прежде всего свобода говорить, что он хочет, и свобода самоорганизации.

– А зачем какому-нибудь фермеру в Техасе или Айдахо нужна эта «свобода говорить»? Он что, картофелю будет что-то говорить?

– Он будет говорить, например, президенту, что пошлины, которые тот намерен ввести, его, фермера из Айдахо, не устраивают. Поэтому для американцев свобода – это прежде всего возможность продвигать свои интересы. Для этого нужна как раз свобода слова и самоорганизации.

Когда 31 год назад я начал жить в Америке, эта способность к самоорганизации меня поразила больше всего. И, кстати, к самодисциплине. Считается, что американцы индивидуалисты, каждый тянет в свою сторону, но одновременно они невероятно способны к самоорганизации.

Приведу пример: четыре года мы с женой были тьюторами в Гарварде, в одном из колледжей. Ребята 19–20 лет, в общем, дети, конечно... Нужно устроить, скажем, вечеринку. Собирается собрание. Шум стоит жуткий, все кричат, хохочут. Но постепенно, в процессе этого хохота вырабатываются решения, голосуются, выбираются ответственные лица. И после этого не нужен никакой цербер, который будет всех гонять и заставлять. Всё сами делают. Потому что *не сделать стыдно*.

Другой пример – ужасное землетрясение 1989 года. Я ощущал, как дрожит мой дом, притом что в Калифорнии все здания с сейсмозащитой. Ко-

нечно, нам регулярно говорят: у всех должны быть электрические фонарики, запасы еды, воды. И конечно, ни у кого этого нет. Все побежали в магазин, а там темень, зайти невозможно. И знает, что сделали продавцы? Обычные молодые ребята, не владельцы, никакой связи с центральным офисом... Они подогнали две свои машины и направили внутрь фары. А все необходимо во время землетрясения, – выставили ближе к входу, чтобы люди не блуждали по темноте.

– Многие опросы в России показывают, что люди с готовностью поменяли бы свободу на достаток...

– Надеюсь, этот эксперимент не придется ставить... Но я хотел бы напомнить, что самый ужасный случай, когда люди отдали свои свободы при минимальном давлении, был не в России, а в цивилизованной Германии... В России большевики все же взяли власть после двух лет ожесточенных боев. Так что, я считаю, российская политическая культура не является экстремальным случаем.

Американцы же железно считают, что свобода и достаток связаны. Таков их исторический опыт. Поэтому вторжение государства в экономическую сферу не приветствуется. Мы видим, как сейчас вливания во все эти провалившиеся банки вызывают большое раздражение публики. Вроде все понимают: без этого не обойдешься, но государство *не должно влезать в экономику*. Это нехорошо.

И в Америке ни одному президенту не приходило в голову попытаться отобрать основные свободы в обмен на какое-то благосостояние. Вообще, такая постановка вопроса маловероятна, потому что, если человек такое предложит, ему вряд ли поверят. Скажут, вы только всё испортите...

— **Что можно назвать самым уязвимым местом американской нации и российской?**

— Наши недостатки есть продолжение наших достоинств... У американцев это излишний оптимизм. Классический случай — война в Ираке. Здесь ведь тоже присутствовало убеждение: все каким-то образом получится. Почему получится? Потому что должно получиться. Почему должно получиться? Потому что всегда получается.

У россиян, мне кажется, это покорность и знаменитое российское долготерпение. Иногда оно очень помогает, но иногда некоторые вещи терпеть и не нужно, а люди все равно терпят. Всему нужно знать меру.

— **Вы привели в пример Ирак, но подобные ситуации были и прежде.**

— Конечно. И во Вьетнаме было ощущение, что все получится. Мне кажется, этот тип оптимизма (когда дело доходит до возможности создать демократию в других культурах) накладывается на изоляцию от других культур, потому что Америка по сути своей — островная нация. Люди не сталкиваются каждый день с другими культурами. Европейцам, чтобы попасть на пляж, нужно подчас три страны проехать. Россияне в этом отношении, кстати, как американцы, потому что большинство за границей не были, да что там за границей, большинство и в союзных республиках-то не были никогда! Что потом создало шок и проблемы, потому что люди не очень понимали, что такое национализм и откуда он взялся.

В этом отношении большие страны похожи, в этом их сила и их уязвимость. С одной стороны, большая масса населения, которая идентифицирует себя со своей страной, со своим правительством; с другими же культурами и цивилизациями соприкасается крошечный сегмент элит. Они могут понять друг друга, но они живут в странах, где играет роль общественное мнение. Пойди вот объясни своему общественному мнению про другую страну, когда оно ничего про нее не знает. Тут открываются огромные возможности для демагогии...

— **Вы полагаете, в России есть общественное мнение?**

— До некоторой степени общественного мнения боялись все правительства. Никому неохота иметь дело с активно недовольным населением. Поэтому нужно что-то делать, чтобы население идентифицировало себя с целями правительства. Даже Сталин об этом помнил при его-то возможностях террора. А сейчас, конечно, приходится об этом думать.

— **Новый американский президент пришел на волне колossalной поддержки. Такой настоящий «народный президент». Нет ли здесь опасности излишнего популизма в угоду широким массам избирателей?**

— Он не воспринимается как популист: в Гарварде учился, говорит культурно. Как ни смешно, популистский имидж был у Буша из-за его техасского акцента, хотя на самом деле он выходец из самой что ни на есть элитной семьи. Дедушка сенатор, папа президент, сам учился в Йеле, потом в Гарварде. Уж ничего элитнее не придумаешь. Обама — выхо-

дец из обычного среднего класса. В Америке, кстати, у многих вызывает раздражение, если политики «быть умные». «Он что, лучше, чем я?» – думают люди.

А что касается нового президента, посмотрим. Недавно он снова сказал, что намерен реформировать систему социального и медобеспечения. Она чудовищно давит на бюджет, но одновременно считается «электрическим рельсом» американской политики, потому что сразу начинается крик, не тронь! Обама хочет ее изменить без того, чтобы что-то урезать. Затем нужно решать проблемы колossalного бюджетного дефицита. Во-первых, может просто не получиться, Конгресс, например, не одобрит планы. Или сам испугается, что не выберут на второй срок. Посмотрим.

– Как-то в разговоре вы сказали, что однажды Америка может зажить как обычная страна, постепенно уйдя от статуса супердержавы. Вы полагаете такие страны, как Россия, Америка, могут стать, скажем, Канадой? Особенно с учетом общественного мнения и куража элит.

– Люди в Америке не так давно привыкли к тому, что внешняя политика является постоянной и неотъемлемой частью жизни. До Второй мировой войны внешняя политика была другой: американцы нигде не держали войск, занимались только Южной Америкой, немного Тихим океаном.

Вообще, если посмотреть на опросы, что любит наше население, то, как ни смешно, оно любит международные организации. Почему? Люди считают, что Соединенные Штаты не должны тянуть на себе весь воз, пусть остальные тоже участвуют.

– Мне кажется, российские граждане другие. Конечно, они не готовы поддержать отправку войск куда-либо за пределы России, это опросы показывают. Но вот бессознательное желание лидировать, быть первыми и единственными, чтобы «все боялись и уважали», присутствует очень явно.

– Это привычка, которую десятилетиями вбивали в голову. Но, что точно, никто в России ничего делать для этого не хочет. Это все разговоры.

– Вы считаете, это отголоски советского восприятия?

– Сознание меняется медленно, к тому же свою роль играет политика. Есть еще момент: в опросах люди часто повторяют то, что слышат по радио, по телевизору, что говорит политическое руководство. Особенно когда нет собственного мнения по той или иной теме и нет, скажем, неправительственных организаций, которые помогают формировать мнение, отличное от государственного.

У нас тоже, когда речь заходит о внешней политике, политики могут повлиять на общественное мнение больше, чем в вопросах внутренней политики. Люди понимают, когда повышаются цены, сокращаются рабочие места. А вот когда доходит до внешней политики, они в большей степени полагаются на «мнение руководства»...

Я считаю, американская роль после Второй мировой войны была уникальной. И период был уникальный. Америка – в силу своих размеров, экономики – может долго еще оставаться ведущей страной. Но от кого сейчас спасать мир? Советского Союза нет. Бороться с террористами, как оказы-

вается, эффективнее с помощью полиции. Сейчас угрозы другого порядка – угроза хаоса, расположения оружия массового поражения, ощущение, что, если что-то произойдет, ситуация может выйти из-под контроля...

– Так чтобы этого не произошло, тем более нужен контролер.

– В одиночку это сделать невозможно, у нас тоже уже понимают, что нужно работать с другими странами, уроки из событий последних лет, думаю, извлечены.

– Как вы полагаете, меняются ли русские, приезжающие в Америку? И если да, то в какую сторону?

– Каждый в свою. Кто становится лучше, кто хуже. Я не очень много знаю приехавших недавно. Но если брать ту, советскую эмиграцию, то первый контакт с Америкой очень напоминал российско-американские отношения сейчас – взаимное раздражение и непонимание. Помню, сколько приехавших повторяли, что все американцы – тупые!

– Вот откуда это взялось? До сих пор в России многие убеждены: все американцы – тупые. Даже если они в жизни не видели ни одного живого американца!

– Термин приклеился, он удобный. На самом деле имеется в виду, что они – другие.

– И все-таки, какие бы вы могли назвать худшие характеристики американцев?

– Мне не очень нравится излишний pragmatism и склонность излишне держаться за свою копейку. Хотя при этом же американцы могут быть очень щедрыми. Большой проблемой стало сутяжничество, слишком многое делается через суды, причем иногда это приобретает не столько формы восстановления справедливости, сколько формы шоу или заработка. Например, юристы невероятно наживаются на разводах. Если бы эту склонность судиться разделить пополам и половину отдать россиянам, было бы хорошо и тем, и другим. Потому что россиянам помогло бы, если бы они серьезнее относились к законам.

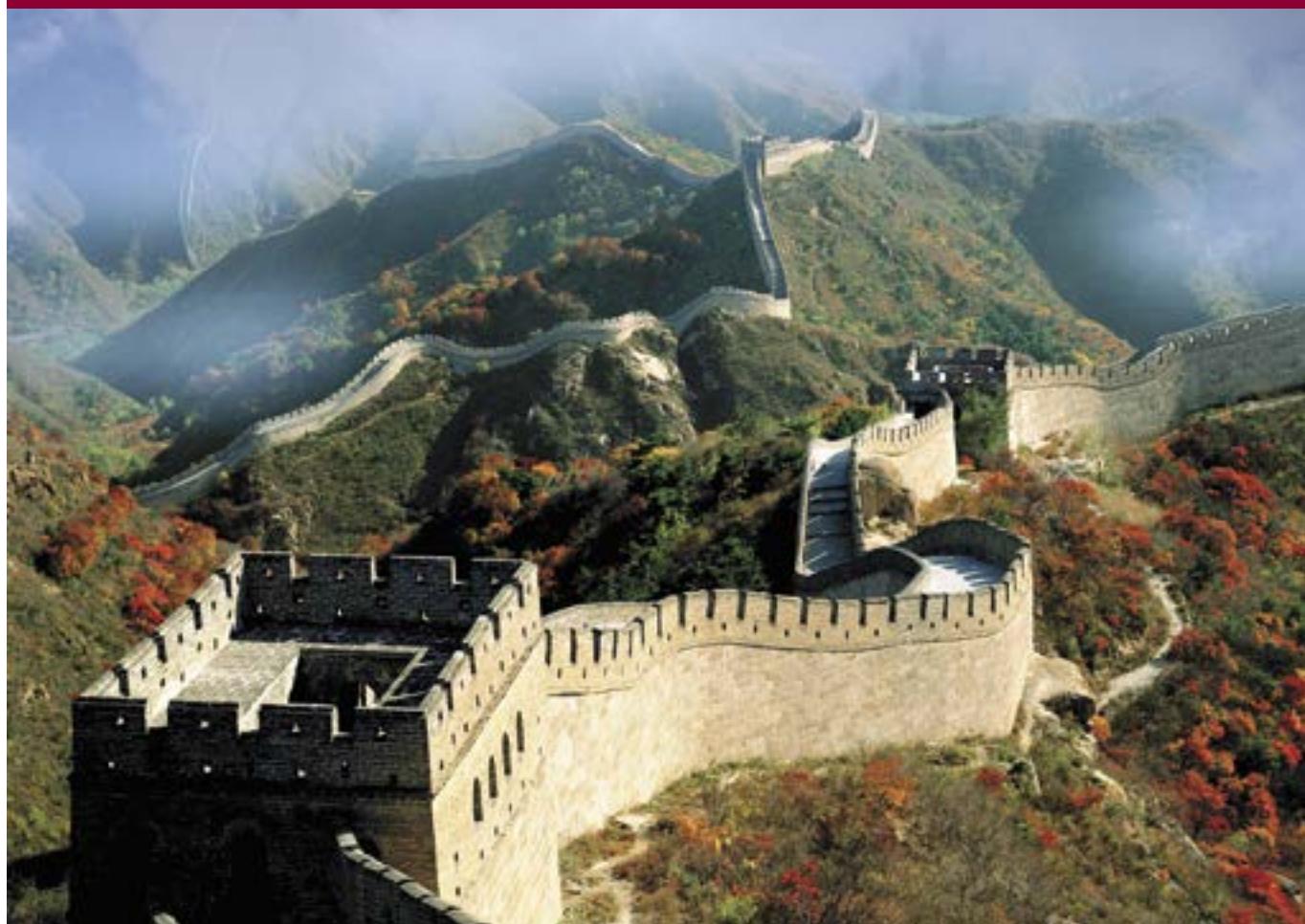
– Невзирая на разное отношение к законам, смотрите, сколько всего формально похожего вы назвали: территория, войны, угроза распада, пусть и в разные периоды. Тем не менее американцы остаются американцами, а русские – русскими. Могли бы вы назвать что-то определяющее, что делает нас такими? Территория, климат, вера, институты?

– Вы правильно сказали, для американцев это институты. Ты становишься американцем, когда принимаешь присягу и подписываешься эти институты защищать. Это не европейская концепция того, что делает француза французом, а англичанина англичанином. Можете вы себе представить, чтобы в какой-нибудь другой стране на ключевых государственных постах были люди типа Киссинджера или Бжезинского? Оба родились не в США, один иммигрировал из Германии, другой из Польши, оба говорят с акцентом.

Россия в первую очередь это страна русских, с их культурой, исторической памятью. Она многонациональна, но все же ближе к европейскому понятию идентичности. Ты не можешь стать русским по выбору. Ты должен им родиться. Американцем можно стать по выбору.

Светлана БАБАЕВА

«ОЛОСЫ», ИЛИ РУССКИЕ В КИТАЕ

Photos/Alamy

«Одна семья – пятьдесят шесть народов» – широко распространенный в Китае лозунг, подчеркивающий многонациональность страны. Для многих откровением является то, что одно из официальных национальных меньшинств КНР – русские. Или, как говорят китайцы, «олосы».

Иван ХАЙЛАРОВ

Пекин

Ио данным официальной статистики КНР, численность русского меньшинства в стране не превышает 13 тыс. человек. Сразу оговоримся: имеются в виду русские, укоренившиеся в Китае, то есть граждане КНР, проживающие относительно компактно и имеющие признаки национального меньшинства. Речь не идет ни о перебравшихся в КНР в последние годы россиянах, занимающихся бизнесом, ни о десятках тысяч наших эмигрантов, осевших в 20–30-х годах прошлого

века в легендарных «русском» Шанхае и «русском» Харбине. Последние, увы, давно стали лишь достоянием истории.

Сегодня русское меньшинство в Китае проживает в основном в двух регионах – Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в автономном районе «Внутренняя Монголия». Первый занимает шестую часть территории Китая и граничит с 8 странами, в том числе с Россией. Во втором русское меньшинство населяет район Трехречья, получивший свое название от трех рек – Ганн, Дербул и Хаул, бассейны которых расположены в северной части Внутренней Монголии.

Купцы, крестьяне, казаки

Трудно точно определить, когда в Трехречье и Синьцзяне появились первые русские поселенцы. С уверенностью лишь можно сказать, что массовые поселения зафиксированы здесь в середине XIX века. В Синьцзяне они были связаны с торговыми операциями русских купцов, а в Трехречье – с хозяйственной деятельностью крестьян. В Трехречье во второй половине XIX века появляются русские хутора, в Синьцзяне в связи с освоением русскими Илийского края в конце XIX века переселяется немало крестьян из России. Если в Синьцзяне русские жили среди уйголов, китайцев, казахов, то в Трехречье

чье они занимали практически не заселенные земли. К началу XX века русские составляли в этом районе 90% местного населения.

В годы революции и Гражданской войны в России в Синьцзян и Трехречье устремились потоки беженцев, сюда отходили разгромленные части армий Белого движения: войска Дутова, Бакича, Семенова. Население Трехречья выросло за счет беженцев из Сибири и Забайкалья в несколько десятков раз. Белая эмиграция встретила в Китае устойчивую русскую диаспору. Процесс адаптации проходил значительно легче, чем в других странах и регионах, так как русские эмигранты не ощущали себя чужаками, оказавшись в новой иноязычной среде.

В 1920–1930-х годах происходило массовое расселение русских в Трехречье, китайские власти не препятствовали русской колонизации этого региона. Поселки здесь носили русские имена: Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы, Щучья. А в Синьцзяне в 1935 году на Съезде народов русские под названием «гуйхуацзу» («натурализованная национальность») были признаны официально проживающим на территории региона народом.

В жизни трехреченцев и русских синьцзянцев сохранялись традиционные уклад и культура. Широко отмечались храмовые праздники, в Синьцзяне между русскими деревнями дважды в год торжественно совершались крестные ходы с местной святыней – чудотворной Табынской иконой Божией Матери.

И в Синьцзяне, и в Трехречье русское население состояло в основном из казаков. Из 19 населенных пунктов Трехречья в 10 были приходские храмы и приписные церкви, в том числе в Драгоценке – знаменитый собор Петра и Павла. В Синьцзяне были построены православные храмы в Урумчи, Кульдже (Инине), Чугучаке, в ряде русских деревень Синьцзяна действовали домовые храмы. Начальное школьное образование существовало почти во всех поселках Трехречья;

семилетняя школа действовала в поселке Верх-Кули и восьмилетняя – в Драгоценке. Имелись русские школы и в Синьцзяне. В Кульдже – «русской столице Синьцзяна» – действовали сразу три русские школы.

Мирная жизнь русской эмиграции в Китае продолжалась до 1945 года. С приходом Красной армии здесь начались репрессии русских. В Трехречье и Синьцзяне был арестован и интернирован каждый четвертый взрослый казак, а «тридцатников», обвиненных во вредительстве против колхозов, почти всех вывезли в СССР. Оставшиеся вскоре получили советское гражданство, и им предложили выехать в Сибирь и Казахстан. Многие не хотели уезжать, некоторые ждали визы для выезда на австралийский и южноамериканский континенты. Массовый отъезд русских трехреченцев и синьцзянцев в СССР произошел в 1955–1956 годах. Те же, кто уехал на Запад, расселились в основном в Австралии и США. Оставленные русскими поселки быстро заселялись китайцами.

С начала 60-х годов отношение к русским в Китае вслед за политическим курсом руководства КНР меняется в худшую сторону. Время «культурной революции» (вторая половина 60-х – начало 70-х годов) – время репрессий против русских. По словам тех, кто пережил эти годы в Китае, даже говорить по-русски было небезопасно. Православная церковь в Китае, получившая в 1957 году статус автономной, институционально была разрушена: храмы были закрыты, богослужения запрещены. Разорению подверглись даже русские кладбища. Оставшимся русским (а среди них были не только старики, но и сотни советских женщин, вышедших замуж за китайцев) пришлось не раз пожалеть о том, что они не выехали из Китая.

Какое будущее их ожидает?

Русские синьцзянцы и трехреченцы сегодня – это потомки от браков русских с китайцами. Основная часть поселений Трехречья уже утратила свой рус-

ский облик, но некоторые русские избы используются и сегодня, а в поселках стали строить новые дома по русскому образцу. Старшее поколение еще говорит по-русски, но для их внуков и детей родным является китайский язык.

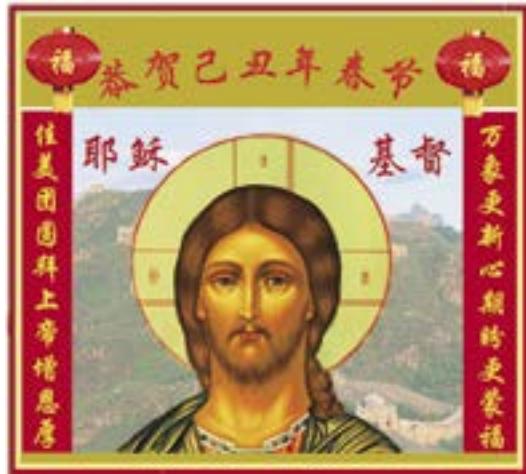
После смягчения политического климата в Китае с начала 80-х годов вновь изменилось отношение государства к русскому национальному меньшинству. Вера в рамках свободы религии вновь находится под охраной Конституции КНР.

Правительство Синьцзяна еще в 1983 году официально признало за русскими право праздновать Рождество и Пасху. В эти дни им даже разрешено не выходить на работу. Церковный центр Синьцзяна переместился в город Урумчи. В конце апреля 1984 года государственная Комиссия по делам национальностей впервые устроила для 600 русских официальный пасхальный прием в Урумчи. А в 1991 году по ходатайству православного населения этого города правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) построило взамен разрушенного храма новый, именующийся Никольским. Храм этот, правда, еще не освящен, так как православные священники не появлялись в Синьцзяне почти 40 лет. Народ, однако, продолжает собираться по воскресеньям и праздникам для совместной молитвы. Выехавшие из Синьцзяна русские также хранят память о своей второй родине – в алтаре урумчинского храма на горнем месте сегодня можно видеть напрестольный Крест, переданный верующим Урумчи из Сан-Франциско. Кто-то из России также передал в этот храм несколько бумажных икон, сделанных из настенных церковных календарей.

В Кульдже в 2000 году стараниями старосты Свято-Никольского прихода Галины Меркуловой был построен новый, каменный храм. Открыта в Кульдже и единственная русская школа, директором которой работает Николай Лунёв. В 2008 году власти Синьцзяна выделили

ИТАР-ТАСС

Photos/Alamy

РОССИЯ – НАША НАДЕЖДА, РОССИЯ – НАШЕ БУДУЩЕЕ!

Много испытаний пришлось перенести России и ее многострадальным чадам, лихолетье разбросало нас по всем уголкам планеты. На долгое время мы были преданы забвению как «изменники родины, предатели, враги народа». Но меняются времена, рушатся стереотипы, Россия переживает возрождение, между русскими произошло примирение, даже раскол православной церкви преодолен. Все свидетельствует о том, что Россия пережила смутные времена, она на подъеме, на пороге нового взлета.

Мы, русские, проживающие на северо-западе Китая, в городе Кульдже, пережили все казусы истории – от презренных белоэмигрантов до «дорогих соотечественников». Да и в самом Китае нам досталось во времена китайско-советской конфронтации, когда нас рассматривали чуть ли не как шпионов СССР. Были и времена «культурной революции», когда было уничтожено почти все русское, разрушена

православная церковь в Кульдже, закрыты русские школы. В итоге многие русские уехали на Запад, остались только те, кто не захотел совсем расставаться с Россией, надеясь на ее возрождение, да русские от смешанных браков. Наша судьба тесно связана с Россией. Россия укрепляется, и наша жизнь тоже становится лучше: открыта русская школа, восстановлена православная церковь, создаются общества русской культуры. С улучшением китайско-российских отношений местные органы стали больше уделять внимания и помогать русским. Но нас здесь очень мало, многие дети от смешанных браков не говорят по-русски. Для сохранения русского языка нам требуются поддержка, культурное общение, более активные связи с Россией.

Россия – наша надежда, Россия – наше будущее!

Николай ЛУНЁВ, директор русской школы в Кульдже

ИХ ДЕТИ ЭТОГО ДЕЛАТЬ НЕ БУДУТ

«Большинство прихожан православного храма в Урумчи – это пожилые женщины от смешанных браков, как правило, у них была русская мать и отец-китаец. Эти люди, отдавая предпочтение русским, православным традициям, тем не менее чтят и уважают китайские праздники. И перевес в сторону китайской культуры в последние годы очевиден. Не только внуки, но и дети этих женщин не посещают православную церковь, не говорят на русском языке, не интересуются русской культурой. Старшее поколение не очень обеспокоено этой проблемой и не предпринимает попыток ее разрешить.

В городе Кульдже ситуация иная. Там есть русские семьи, которым удалось сохранить язык, культуру, традиции. Однако в большинстве случаев это было достигнуто путем искусственной изоляции от внешнего мира. В результате дети не получили образование, не смогли социализироваться в китайском обществе, не нашли достойную работу и как следствие в настоящее время живут за чертой бедности. У этого поколения подрастают дети, они видят, как растет благосостояние китайских семей, и не хотят повторить судьбу своих родителей. Русская школа в Кульдже, по сути, таковой не является, в ней

учится не более пяти русских детей. Кроме того, сама школа считается не престижной, и люди, нацеленные на достойное образование своих отпрысков, туда детей не отдают. Новое поколение между собой разговаривает на китайском языке. Правда, увидев родителей, замолкают, потому как те строго следят за сохранением родного языка. Родители, которым сейчас от 35 до 45 лет, пожалуй, последнее поколение русских в Китае, поддерживающих свои традиции. Их дети этого делать не будут.

На мой взгляд, существует проблема описания истории русских в Синьцзяне. Немногочисленные ученые, занимающиеся этим регионом, историю русских захватывают вскользь. Пока еще живы очевидцы событий прежних лет, необходимо заниматься сбором информации, хотя, безусловно, дело это непростое. Китайские русские, пережившие ужасы китайской истории, неохотно вспоминают об этом. Интересно, что у многих из них в домах сохранились русские книги, журналы времен дружбы между СССР и Китаем».

Наталья С., жительница г. Урумчи

средства на строительство православного храма в городе Да-чэн (Чугучак). В Трехречье, в поселке Лабдарин (Эргуна), в 1997 году также построен каменный Свято-Иннокентьевский храм.

Казалось бы, есть признаки возрождения. Однако на деле ситуация вовсе не безоблачная. Нам необходимо задуматься о том, что может сделать Россия для того, чтобы история русской диаспоры Китая не ушла в прошлое.

По сути, статус эмигранта, его удел несут в себе некую неполноту, печать оторванности. В судьбе эмигранта *ex definition* присутствуют необходимость преодоления изоляции, цель выйти в мир, более широкий, нежели эмигрантский круг. Каким может быть этот выход? В каком направлении? Будет ли установлена прочная связь с Россией? Сохранится ли национальная идентичность в эмигрантской среде? Или восторжествует полная ассимиляция? Мы вправе задать эти вопросы применительно к судьбе русского национального меньшинства в КНР. Ответы на них зависят от многих обстоятельств.

В сегодняшней политике России отношения с соотечественниками определены как один из государственных приоритетов. И в этой связи уместно было бы поставить вопрос о том, как будет выстраиваться политика России по отношению к русскому меньшинству в КНР. Какое место в тонких российско-китайских отношениях займет вопрос о судьбе той части русского народа, которая воюю судьбы стала частью народа Китая?

Для русского национального меньшинства Китая два центральных вопроса сегодня: сохранение русского языка и сохранение православной веры. На протяжении нескольких десятилетий русские в Китае в силу консервативного крестьянского уклада сохраняли самобытность и родной язык. Но долгие десятилетия жизни без связи с исторической родиной сделали свое дело: среда, в которой возможна была бы передача духовного опыта, во многом размыта. Передаваемый опыт становится все более скучным.

До сих пор не решена проблема восстановления клира православной церкви в Китае: в четырех официально открытых на территории КНР храмах не совершаются богослужения из-за отсутствия священнослужителей. Согласно законам КНР, иностранцы не могут совершать богослужения в храмах Китая. В духовных семинариях в России в настоящее время обучаются студенты из Внутренней Монголии, Харбина и Синьцзяна, но вопрос об их будущем служении в православных храмах Китая остается не решенным властями КНР. То же относится и к вопросу сохранения русского языка. Процесс его утратышел достаточно далеко: часто русские граждане Китая если и владеют разговорным русским языком, то не владеют языком письменным и литературным. Вопрос его сохранения – это вопрос создания доступных русских школ в Синьцзяне и Трехречье. Решится ли этот вопрос в Год русского языка в Китае, остается неясным.

«Историческая» русская диаспора Китая сегодня не имеет достаточно внутренних сил для сохранения своей идентичности. Без поддержки из России, а также со стороны сформировавшейся в последние годы в крупных городах Китая (но, увы, разрозненной) русской общины она через полтора-два десятка лет может бесследно исчезнуть. ■

Photos/Alamy

Photoexpress

Photoexpress

■ Харбин. Кинофорум «Амурская осень»

РУССКАЯ ОБЩИНА НА ТАЙВАНЕ

Photo: Alamy

История небольшой русской общины на Тайване, которая сегодня насчитывает около 450 человек, началась еще в 1925 году, когда сын «империалиста и предателя китайского народа» Чан Кайши, будущий президент островного государства, Цзян Цзинго отправился в Россию перенимать опыт строительства коммунизма.

Сергей ГУБИН

Некоторое время Цзян Цзинго жил в семье сестры В.И. Ленина Анны Елизаровой-Ульяновой. Отсюда русская фамилия нового комсомольца – Елизаров, а отчество – Владимирович – свидетельство духовного родства с вождем революции.

В России на заводе «Уралмаш» будущий лидер Тайваня познакомился со своей женой, Фаиной Ипатьевной Вахревой, с которой Цзян в 1937 году вернулся в Китай, где успел даже побывать губернатором провинции Цзянси. К слову, местные жители прозвали Елизарова «Цзян – голубое небо», сравнивая его таким образом с известным персонажем одной из китайских опер – не-подкупным судьем.

В 1949 году вместе с двумя миллионами китайцев и правительством Чан Кайши Елизаров с женой бежали на Тайвань, который в течение полувека являлся японской колонией и только в 1945 году перешел под юрисдикцию Китая. К тому моменту Фаина Вахрева носила уже китайское имя – Фаина Цзян, или Цзян Фан-

лян, которое на русский язык переводится как «справедливость и добродетель». На острове Фаине Цзян пришлось адаптироваться к новым условиям, традициям и взглядам на мир, а спустя более 30 лет стать первой леди, когда после смерти Чан Кайши в 1978 году Цзян Цзинго стал президентом Китайской Республики (Тайваня). Фаина предпочитала вести скромный и уединенный образ жизни и даже просила, чтобы ее называли не «первой леди» или «мадам Цзян», как ее свекровь Сун Мэйлин, а просто «госпожой Фанлян».

Находясь за многие тысячи километров от родины, Фаина Цзян любила приходить в кафе «Астория», атмосфера которого напоминала о далекой России. Небольшое трехэтажное здание, которое после 15-летнего перерыва открылось в 2005 году на небольшой улочке Учанцзе, недалеко от президентского дворца, собирало и собирает творческую интеллигенцию и простых жителей Тайбэя. Идея открытия заведения принадлежала Арчибальду Цзяну и пяти выходцам из России, в числе которых был бывший полковник белой армии,

эмигрировавший на Тайвань из Шанхая, Георгий Эльснер, владевший также кондитерской на паях в Поднебесной. «Астория» была одним из первых заведений европейского образца в Тайбэе и славилась выпечкой хлебобулочных изделий, а частое появление в кафе самого Эльснера с друзьями привлекало посетителей, поскольку для местных жителей появление любого иностранца в те времена вызывало повышенный интерес. Постепенно в «Астории» стала собираться тайваньская интеллигенция. Здесь часто бывал и основатель известного сегодня театра танца «Юаньмэнь» (в переводе «Заоблачные врата») Линь Хуайминь, по словам которого, атмосфера кафе традиционно присутствует в его постановках.

Куда менее приятной оказалась судьба других наших соотечественников, которые оказались на Тайване. Об инциденте 23 июня 1954 года в Южно-Китайском море с советским танкером «Туапсе» в 1959 году даже сняли фильм «ЧП» с Вячеславом Тихоновым в главной роли. Российские моряки везли осветительный керосин в Шанхай для ки-

East-news/AFP

■ Семья Цзян

тайских МиГ-15, однако были перехвачены ВМФ острова при поддержке двух американских кораблей. «Туапсе» был доставлен в главный порт острова – Гаосюн. К слову, сам танкер, переименованный в «Куайцзи», еще долгое время числился в тайваньском флоте в качестве вспомогательного судна и, по некоторым сведениям, до сих пор стоит в первом порту Тайваня.

С момента этих событий прошло уже много времени, жизнь как в России, так и на острове изменилась почти до неузнаваемости. Сегодня в Тайбэе, Гаосюне да и в других городах Тайваня редко, но все же можно услышать на улицах русскую речь. Конечно, община русских в Китайской Республике, как сегодня официально называют Тайвань, увеличилась, однако, несмотря на потепление отношений между сторонами, учреждение представительств и рост сотрудничества в экономической, гуманитарной и культурной сферах, говорить о значительной русской диаспоре на острове пока рано.

И все же не стоит недооценивать немногочисленную русскую общину на далеком Тайване, ибо здесь постепенно создается модель взаимоотношений между соотечественниками, ко-

East-news/AFP

■ Фаина Цзян награждает солдата

торые попали на остров разными путями.

Большая часть общины – студенты, приехавшие на годовую языковую стажировку или поступившие в один из местных вузов и, как правило, получившие стипендию от тайваньского правительства. Еще одна группа – бизнесмены, ведущие дела с тайваньскими компаниями, а также русские, постоянно работающие на острове. Таких, по данным Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (неофициальное представительство России на острове), насчитывается около 100 человек.

Безусловно, на острове действует много организаций, так или иначе связанных с Россией и ее представителями, однако их главная задача скорее обеспечение сотрудничества двух стран в экономической сфере, нежели проведение вечеров русской культуры, кинопросмотров и других мероприятий. Изменить ситуацию должен созданный два года назад «Русский клуб Тайбэй» (РКТ) – официально зарегистрированная в местном Министерстве внутренних дел общественная организация, призванная способствовать распро-

странению русского языка, информации о России, пропаганде русской культуры. Еще одна ее задача – помочь тем, кто недавно приехал на Тайвань. В частности, ежегодно организуется «встреча новичков», во время которой несколько «старожилов» острова в неформальной обстановке знакомят с бытом и дают консультации относительно особенностей жизни на острове. Участники таких встреч могут вступить в клуб, причем национальная принадлежность кандидата не имеет значения (это отличает клуб от других аналогичных обществ. Так, в «Канадское сообщество на Тайване» могут вступить только граждане Канады. – **Прим. авт.**). А потому неудивительно было видеть на очередном русском вечере, посвященном празднованию Нового года и Рождества, танцующих и обнимающихся граждан России, Украины и Грузии.

Праздники, которые устраивает клуб, проводить было бы сложно, если бы не спонсорская помощь, которая до недавнего времени оказывалась неофициально. Но уже к середине нынешнего года «Русский клуб» обретет юридический статус, что облегчит решение многих проблем.

ДВОЙНАЯ ОККУПАЦИЯ

Десять лет продолжалась борьба Василия Кононова с латышским правосудием, обвинявшим его в военных преступлениях. Ветеран Второй мировой войны обратился за защитой в Европейский суд по правам человека, который летом 2008 года вынес наконец решение о признании Кононова невиновным. Но в январе 2009 года была удовлетворена апелляция Латвии, потребовавшей пересмотреть дело в Большой палате Страсбургского суда. Для инвалида первой группы Василия Кононова это означает новый виток судебных разбирательств, рискующих затянуться еще на год.

Из личного архива

Вера МЕДВЕДЕВА

Париж

Историки любят масштабные явления: крах империй, заключение военных союзов, войны. Судьбы же тех, кто оказался перемолот жерновами истории, обычно списывают на привычное «лес рубят, щепки летят». Однако порой ситуации бывают настолько юридически сфальсифицированы, что становятся предметом рассмотре-

ния в Страсбургском суде по правам человека. Именно это и произошло с делом 86-летнего латвийского ветерана Василия Кононова.

Когда утром 27 мая 1944 года он вел свое подразделение в село Малые Баты, чтобы отомстить пособникам нацистов, то не мог и предположить, что спустя 54 года независимая Латвия сделает из него военного преступника. Ситуация в 1944 году казалась простой и понятной: девять жителей этой деревни, сотрудни-

чавших с фашистами и получавших от них оружие, донесли на разведывательно-диверсионную группу майора Чугунова, которая останавливалась на ночлег в этой деревне 29 февраля. В группу помимо мужчин входили и две женщины, вместе с одной из них находился грудной ребенок. Все они были уничтожены нацистами по доносу жителей Малых Бат. Трибунал партизанского отряда принял решение по законам военного времени расстрелять предателей. Выпол-

нение приговора трибунала партизанского отряда было поручено группе, в которую входил Василий Кононов. Это возмездие не было ни инициативой самого Кононова, ни сведением личных счетов с жителями Малых Бат.

Через год закончилась Вторая мировая война, а потом был организован Нюрнбергский процесс, который не только скрупулезно доказал вину нацистских преступников, но и дал определение тем, кто являлся их пособниками. Многие тогда считали, что все вполне очевидно и незачем устраивать такую сложную юридическую процедуру. Однако время показало, что решение созвать Нюрнбергский трибунал было одним из самых прозорливых в послевоенной сумятице, ведь прошло всего несколько лет, и уже начали предприниматься первые попытки пересмотреть итоги Второй мировой войны. Вчерашние пособники нацистов постепенно превращались в уважаемых бургеворов и мечтали об идеологическом и правовом реинште.

Когда в 1991 году на карте мира появилась независимая Латвия, то реваншистские настроения и там стали излюбленной темой на всех уровнях государственной власти. Суворенному государству никто не мог запретить ввести в свое законодательство положение о военном преступлении. Не дожидались новых войн, чтобы с пользой применить обретенный закон, Латвия решила опробовать его на Второй мировой войне. Незнакомые с прибалтийскими реалиями наблюдатели могли бы предположить, что попытаются разобраться с теми, кто сотрудничал с нацистами и издевался над мирными жителями. Однако оказалось, что военным преступником стал Василий Кононов, который в 2000 году был осужден на 6 лет тюрьмы.

Даже далекие от юриспруденции люди интуитивно догадываются, что нельзя на основании только-только принятых законов судить за деяния полу века давности. У юристов же на этот счет есть вполне конкретное положение, а именно:

законы обратной силы не имеют. В противном случае достаточно было бы переписать закон, чтобы поставить под сомнение любой договор или поступок. Практика заманчивая, но юридически абсолютно безграмотная. В Средневековье существовала на редкость удобная формула «связи с дьяволом», которая позволяла осудить кого угодно и за что угодно. С той поры юристы прошли огромную работу по введению более-менее стабильного юридического каркаса, призванного служить хоть каким-то ориентиром в мире человеческих и государственных амбиций, подтасовок фактов и стремлений обелить одних за счет других. Очевидно, обвинители Нюрнберга чувствовали, что слишком велик соблазн смыть с себя клеймо нацистских пособников, поэтому специально определили, чем последние отличаются от мирных жителей. В частности, к коллаборационистам-комбатантам относятся те, кого нацисты снабжали оружием и кто передавал им информацию о партизанских и подпольных группах. Под эти определения как раз и подпадали казненные партизанами девять жителей села Малые Баты.

Однако в конце 90-х годов Латвия начала упорно присваивать пособникам нацистов ореол невинно замученного гражданского населения, а тех, кто боролся с фашизмом, зачислять в военные преступники. Когда инвалида первой группы Василия Кононова отправили в тюрьму, то многие выступили в его защиту и стали готовить обращение с просьбой о помиловании. И только Московский центр правовой помощи соотечественникам за рубежом задался иным вопросом: почему нужно просить о помиловании тогда, когда ветеран был осужден на основании законов, не существовавших в 1944 году, а принятых 50 лет спустя? Помилование подразумевает вину, в данном же случае наблюдается явная подмена понятий. Дело Кононова отправилось в Страсбургский суд по правам человека. Представитель Латвии понимала, что пе-

ред компетентными юристами довольно странно ссылаться на вновь принятый латышский закон. Осуждать же за деяния, которые были совершены за 50 лет до принятия закона, по меньшей мере непрофессионально. Не говоря уже о том, что в 1944 году даже страна, которая была на месте нынешней независимой Латвии, называлась иначе, жила по другим законам, да и те перестали действовать во время немецкой оккупации. Латышские юристы попытались найти иной способ осудить Кононова, доказывая, что была нарушена Женевская конвенция в отношении мирного населения. Опуская даже тот факт, что казненные преступники никак не могли относиться к мирному населению, стоит вспомнить следующий момент: Женевская конвенция вступила в силу только в 1949 году, действует с момента ее принятия и также не имеет обратной силы. Когда и Женевская конвенция не оправдала надежд Латвии, то в ход пошло странное морализаторство относительно того, что победители сами во время войны не были безгрешными и совершали преступления. Вероятно, Латвия была бы не прочь пересмотреть итоги и Нюрнбергского трибунала, но, к сожалению для них и к счастью для всех остальных, в его уставе записано: «Приговор является окончательным и пересмотр не подлежит». Конечно, у латвийских властей всегда остается возможность принять свой собственный закон и признать на территории Латвии недействительными итоги Нюрнбергского процесса, хоть всех христианских заповедей. Страсбургский же суд по правам человека летом 2008 года оправдал Василия Кононова, а Латвию обязал выплатить ему 30 000 евро.

Возможно, когда-нибудь дело Кононова будут изучать студенты-юристы, поскольку мало найдется других подобных примеров нагромождения юридических нелепиц. Однако оправдательный приговор не остановил Латвию, которая обратилась с просьбой о пересмотре дела в Большой палате

Европейского суда по правам человека. Это – самая последняя инстанция, решения которой являются окончательными и апелляциям не подлежат. Адвокат Кононова Михаил Иоффе (юрист Московского центра правовой помощи соотечественникам «Москва–Россияне»; помимо процесса Кононова ведет еще 12 дел в Страсбурге, в частности о надругательстве над военным захоронением воинов Красной армии в Таллине, на площади Тынисмяги. – **Прим. ред.**) планирует использовать передачу дела в Большую палату для того, чтобы со своей стороны осудить Латвию в нарушении уже не одной, а шести статей конвенции «О защите прав человека и основных свобод». Доживет ли только 86-летний инвалид Кононов до очередного судебного вердикта...

– Михаил, признал ли Европейский суд по правам человека статус мирных жителей за расстрелянными группой Кононова предателями, как этого настойчиво добивалась Латвия?

– Нет, поскольку, согласившись сотрудничать с нацистами, получая от них оружие и предавая партизан, девять жителей села Малые Баты подпали под определение коллаборационистов, а не мирного населения. Это относилось в том числе и к трем женщинам, которые были среди этих девяти пособников нацистов. Суд по правам человека специально отметил: «Они должны были осознавать, что за их вооружение нацистами будут ответные действия со стороны партизан». Кроме того, в итоговом документе было записано: «Никакое сотрудничество с нацистами не может быть ничем оправдано, даже стремлением к сохранению собственной жизни».

– Каким образом партизан, который боролся с фашизмом, оказался военным преступником?

– Чтобы осудить Кононова, Латвия избрала понятие «двойной оккупации», считая, что ее однаково оккупировали и Германия, и СССР. И, соответственно, оба государства являются пре-

ступными. Кононов же был отнесен к категории «представителей оккупационных властей». Но во время Второй мировой войны никакой двойной оккупации не могло быть, поскольку Советский Союз воевал против Германии, не говоря уже о том, что существовало решение Сейма Латвии о добровольном вхождении в СССР в 1940 году. И вообще, странно упрекать Кононова, которому было 17 лет, когда Латвия вошла в состав СССР, что он представляет собой оккупационные власти. Власти Латвии сегодня требуют признать вину за действия СССР в 1940 году России как правопреемницы Советского Союза. Но в уголовном праве есть такое понятие: «Правопреемственность по вопросам вины недопустима». Когда перестал существовать Советский Союз, одновременно исчезла возможность признания его вины за события 1940 года, если таковая вообще была. Можно рассуждать об этом в историческом аспекте, но не в юридическом. Тем более недопустимо судить отдельных лиц за вину несуществующего государства.

– Но если юридически ни один из тех законов, на основании которых латвийские власти осудили Кононова, не имеет обратной силы, то на чем они вообще базируются?

– Латышские юристы обратились к американскому Кодексу Либера 1863 года, хотя он даже не является международным документом. В нем сказано, как относиться к мирному населению во время Гражданской войны в США. Латвийский представитель ссыпалась на опыт Америки, а кроме того, ею было приведено несколько документальных выдержек из американских судебных архивов. По моему мнению, здесь не обошлось без активной помощи историков-латышей, проживающих после разгрома нацизма в США и занимающихся ревизией итогов Второй мировой войны. Интересно получается: действия латышских легионеров «Ваффен-СС» никто не собирается оценивать ни с моральных позиций, ни с Кодексом Либера в руках, а для Коно-

нова нашли столетней давности кодекс аж за океаном! Однако ошибка американских помощников латвийской власти состояла в том, что они перепутали «военные» и «воинские» преступления: war crime и military crime. Военные преступления совершаются от лица государства и носят международный характер. У них нет срока давности. А воинские преступления – это те, которые совершают военнослужащие, и на них распространяется срок давности. Я даже не говорю о том, что действия Василия Кононова по законам военного времени вообще нельзя трактовать как преступление.

– Два года назад Прибалтийским государствам после многолетних усилий удалось продвинуть в один из документов Совета Европы понятие «оккупации» со стороны Советского Союза. Есть ли какая-то позиция по этому поводу у Европейского суда по правам человека?

– Прибалтийские государства проводят свою политическую линию. Я же считаю ошибкой то, что мы им противопоставляем мнение России в Совете Европы только политически, а не юридически. Лишь профессиональные юристы могли бы обоснованно доказать, почему совершенно неправомерно говорить об оккупации Латвии Советским Союзом в 1940 и 1944 годах. Признать вину государства в совершении оккупации другого независимого государства может только суд, а когда Совет Европы начинает с подачи Прибалтийских стран применять понятие «оккупация», то это совершенно неправомерно. Совет Европы не является судом, и у него нет полномочий для вынесения таких исторических вердиктов. В частности, в отношении фашистской Германии решение об оккупации других стран выносил международный компетентный суд, созданный на основании закона, – Нюрнбергский трибунал.

Европейский суд по правам человека, где заседают профессиональные юристы, отказался от использования термина «оккупация» в деле Кононова. В Страсбургский суд нашей за-

■ Василий Макарович Кононов родился 1 января 1923 года в Латвии. Командовал партизанским отрядом 1-й Латвийской партизанской бригады, был ранен. После войны был начальником Отдела уголовного розыска и начальником Транспортной милиции Латвийской ССР

щитой был представлен международный договор, на основании которого войска Красной армии входили в Латвию. И этот документ не просто ратифицирован Латвией, она даже зарегистрировала его в Лиге Наций! Таким образом, Латвия сама объяснила, почему на ее территории находятся войска СССР. А когда в 1940 году был введен дополнительный контингент войск, то это было сделано на основании того же международного договора 1939 года. Для Страсбургского суда по правам человека специально были сделаны копии из латышских газет то-

го времени, где президент Латвии обращался к народу с такими словами: «Мы впустили эти войска, потому что у нас есть мирный договор... Вы не должны беспокоиться, поскольку это делается с нашего ведения и согласия, в рамках международного договора». Поэтому максимум, о чем можно говорить, это об аннексии, то есть о присоединении. Но по международному праву, преступлением является только оккупация, а вовсе не аннексия. Сегодня политическая власть Латвии это отрицает и постоянно говорит об оккупации. И это не просто передерги-

вание фактов, а новое написание истории.

— Похоже, в этом власти Латвии уже преуспели. Не могли бы вы назвать какие-то конкретные примеры?

— В частности, латышские легионеры «Ваффен-СС» теперь считаются борцами с коммунизмом, а вовсе не палачами мирных жителей. Нюрнбергский трибунал ясно записал: СС является преступной организацией. Но латышские власти, очевидно, считают, что в Нюрнберге ошиблись. А ведь это не что иное, как оправдание нацизма и восстановление идей национал-

социализма. В латышских школах уже открыто говорят, что «если бы Гитлер победил Советский Союз и коммунизм, то мы бы жили гораздо лучше, чем во время советской оккупации». Это также противоречит выводам Нюрнбергского трибунала, поскольку там были приведены доказательства того, что никакой государственной самостоятельности для Прибалтики гитлеровские власти не предусматривали. Я подробно изучал архивно-следственное дело нацистского генерала Фридриха Эккельна, где он, в частности, говорит о политике Гитлера относительно прибалтов: «Большинство латышей нужно уничтожить, оставить процентов тридцать и ассилировать их с немцами». Литовцев он вообще ненавидел, поскольку они лишили немцев собственности на своих землях, поэтому считал, что «их нужно посильнее прижать». А что это означало по мнению Гитлера, мы хорошо знаем. Сейчас про это все в Латвии забыли и почему-то считают, что при Гитлере им жилось бы лучше. Независимости, естественно, не собирались предоставлять никому. И кстати, латышам во время немецкой оккупации давали паспорта лиц без гражданства! Именно из нацистской Германии идут нынешние прибалтийские нововведения распространять на русскоязычных статус негражданина Латвии. Люди, которых когда-то поработили нацисты, сами начинают унижать других и вводить понятие неполноценных лиц.

Возвращаясь к вопросу о реваншизме в истории, могу напомнить, что в 2004 году на Братском кладбище Латвии, прямо у подножия монумента «Родина-мать», перезахоронили генерала СС Рудольфа Бандескиса. На его новой могиле благородно не написали, что генералом он был именно в СС и являлся одним из известных палачей, ответственных за военные преступления. Для латышской же власти он оказался героем, который боролся с коммунизмом. Его перезахоронили за государственный счет, с почетным караулом и отдалием воинских почестей. Кро-

ме того, властями Латвии за государственный счет восстановлено и приведено в порядок кладбище легионеров «Ваффен-СС», не пожалели денег на мраморные плиты. Уход за этим кладбищем сейчас осуществляется на средства местного бюджета, а вовсе не на какие-то частные пожертвования. Те же латыши, которые служили в «Ваффен-СС», получают доплату к пенсии, около ста долларов, от Министерства обороны Латвии.

Но и уж вовсе вопиющий факт – недавнее издание книги «Эшафот» латышского адвоката Андриса Грутупса, отец которого воевал в подразделениях «Ваффен-СС». Сейчас господин Грутупс – один из богатейших людей Латвии. Так вот, он издал книгу на латышском и русском языках по материалам уголовного дела генерала СС Эккельна, соратника Гитлера. В ней Эккельн представлен не как нацистский преступник и виновник смерти десятков тысяч людей, а как борец с коммунизмом. На самом деле по отношению к этому палачу даже нельзя употребить выражение «руки по локоть в крови», поскольку точнее было бы сказать, что он по горло в крови невинных жертв. Он лично принимал участие в уничтожении Рижского гетто, когда за два дня было убито около 30 тыс. евреев. И это только одно из преступлений, совершенных под его непосредственным руководством. Именно он придумал укладывать трупы замученных и расстрелянных в могилы так, как укладывают сардины в банки, чтобы больше помещалось. И то обстоятельство, что его судили в Латвии и повесили в 1946 году как нацистского преступника, представляется в книге «Эшафот» просто местью со стороны русских и евреев. Эта книга презентована при участии государственных лиц и раздана в латышские школы для изучения уроков латвийской истории. Научный консультант «Эшафота», латышский академик, который принял участие в написании семнадцати томов по истории «новой Латвии», в одном из своих трудов назвал страшнейший

концентрационный лагерь Саласпилс простым «исправительно-трудовым» лагерем для криминальных элементов. Вот на каком фоне происходит процесс по делу Василия Кононова. Скрываются факты массового истребления людей, и при этом Кононова стремится осудить за наказание пособников нацистов. Представитель Латвии в Страсбургском суде на слушаниях по делу Кононова ни много ни мало заявила, что, «осуждая таких, как Кононов, латвийская юстиция исправляет ошибки Нюрнбергского процесса и просит суд по правам человека помочь им в этом».

Казалось бы, кто такая Латвия по отношению к историческому Нюрнбергскому трибуналу? Но ведь фактически это «проба пепра». Попытка посмотреть: получиться или нет, станет ли Россия отражать удар по Кононову, который является ее гражданином? Если нет, то можно будет двигаться дальше в пересмотре итогов Второй мировой войны. Для Латвии дело Кононова носит принципиальный политический характер. Но Россия со своей стороны не может допустить, чтобы историческая победа 1945 года была поставлена под сомнение, а те, кто за нее боролся, – объявлены преступниками. ■

«В МУЗЕЕ, КАК В МЕДИЦИНЕ, ГЛАВНОЕ – НЕ НАВРЕДИТЬ»

Самое большое собрание русского искусства хранится в Русском музее. Самую бурную выставочную работу ведет Русский музей. Наконец, это музей, который быстрее других расширяется: недавно к нему отошли исторические сады Петербурга – Летний, Михайловский и сады Инженерного замка. И сейчас музей уже готовится к международной выставке-фестивалю «Императорские сады». Директор Русского музея Владимир ГУСЕВ надеется – вот закончится реставрация дворцов и садов, и тогда музей будет меньше просить денег у государства и больше зарабатывать.

Предоставлено Русским музеем

Русский музей задумывался как музей национального искусства. Скажите, как понимали русское искусство люди, которые стояли у основания музея, формировали его? Ведь для большинства русская живопись – это изображение на русскую тему, народный сюжет.

– Да, это восприятие по критику Стасову, любимому в советские времена.

– *Тогда в чем национальное своеобразие?*

– Это несколькими чертами не обрисуешь, так же как национальный характер. Видимо, это и взгляд на мир, и некоторая лиричность, и мягкость. Это связано и с отношением к цвету, к краске, которые идут от русской иконы. Почему иконописная школа одного региона отличается от иконопис-

ной школы другого? Потому что там другие земли, другие глины, другие камни, другие минералы, которые растирались и становились красками.

Действительно, национальных мономузеев не очень много. Преобладают музеи энциклопедические. Лувр, Эрмитаж. Британский музей, Метрополитен. И здесь нужно вспомнить историю. Когда складывались первые коллекции в России, русское искусство было религиозным. И как наша литература вышла из гоголевской «Шинели», так наша живопись вышла из иконописи. Все наши знаменные художники XVIII века – Левицкий, Боровиковский, Рокотов, Антропов, Аргунов – все они или учились у иконописцев, или были иконописцами.

Предоставлено Русским музеем

■ В этом году Русский музей уже второй раз проведет международную выставку-фестиваль «Императорские сады России». В прошлом году она вызвала ажиотаж среди петербуржцев и гостей города – за пять дней работы на ней побывало 60 тыс. человек

– *А с вашей точки зрения, икона это произведение искусства или духовный акт?*

– Эти споры начались, еще когда создавался музей. Была дискуссия, нужно ли икону помещать в Русский музей. Потому что это вообще не произведение искусства, а ремесленничество. Какой смысл собирать икону – она же была везде, в каждом доме, в любой избе. Поэтому наши императоры и императрицы собирали произведения зарубежных мастеров. И русские художники часто жаловались – вот заезжие мастера приезжают, халтурят и получают в четыре раза больше, чем мы. И в общем-то часто были правы. Многие наши императрицы росли в каком-нибудь немецком княжестве в окружении европейских светских произведений. Понятно, что они собирали коллекции европейской живописи. Русского искусства как бы не существовало. И спохватились только после Отечественной войны 1812 года. Дескать, есть русское искусство, надо его собирать.

Постепенно эта идея вызревала. Возникла Третьяковская галерея, которая сначала была частным, а потом городским собранием. Затем Русский музей, который стал императорским музеем национального изобразительного искусства. И наша задача сегодня – преодолеть ту изолированность, в которой мы жили на протяжении почти всего XX века. По идеологическим причинам русское искусство было отгорожено железным занавесом от нормальных процессов обмена художественными идеями.

– *Что может быть консервативнее музея. И при этом Русский музей считается самым современным из всех наших музеев. Как это удается? За счет чего?*

– На самом деле музейное дело и должно держаться на некотором консерватизме. «Консерватор» по-французски это хранитель. И в музее, как в медицине, главное – не навредить. Здесь нельзя просто

руководить, здесь надо объяснять, уговаривать. Это тоже творчество, но творчество коллективное. Мы возродили отдел новейших течений, который в 20-е годы недолго возглавлял Пунин. Но Пунин был идеологом авангарда, а Малевич писал, что музей – это саркофаг для искусства и что нужно сбросить Рафаэля с корабля современности. А потом сам же Малевич нашел приют в Русском музее, работал у нас в подвалах. Художники – Малевич, Лисицкий, Кандинский, Штейнберг, Пунин – собирали свои работы, создавая музей художественной культуры. Редкий пример самоидентификации русского авангарда. Потом они очень быстро пересорились и позвали комиссаров, чтобы они ими управляли. Комиссары быстро в 1926 году это перекрыли, но вся коллекция осталась Русскому музею.

– *Рассказывают, ваши предшественник Пушкирев спас Малевича от уничтожения.*

– Василий Алексеевич был директором 21 год, и ему очень много пришлось вынести. Не только он, но и сотрудники музея прятали авангард от приезжающих комиссий за железной дверью. Говорили: нету. А приезжали, чтобы его раздать, практически уничтожить. Всю коллекцию русского авангарда удалось сохранить. Но и сам режим отчасти сохранил. Ведь считалось – не дай бог, кто-то увидит Филонова. Поэтому они были за закрытыми дверями, но – сохранились.

– *Какова задача отдела новейших течений?*

– Следить, насколько это возможно, за художественным процессом, приобретать в коллекцию музея то, что кажется интересным. Чтобы когда-нибудь на материале этой коллекции сделать выставку «Русское искусство рубежа XX–XXI веков». В закупочную комиссию входят порядка 40 человек, специалисты самые разные – от исследователей искусства Древней Руси до современности. И надо убедить своих коллег в том, что да, то, что я

или отдел предлагает приобрести, это заслуживает внимания.

– *Русский авангард поведал миру о его распаде, о тех катаклизмах, на пороге которых мы стояли. Что вам, как историку искусства, объясняет про нас самих сегодняшняя художественная жизнь?*

– Ничего. Наша задача – отобрать произведения, так же как когда-то это делал Третьяков. Тогда его собрание тоже было музеем современного искусства. И в свое время Грабаря, когда он начал покупать русских импрессионистов, тех, кого тогда называли формалистами, обвиняли, что он привел сифилис в Третьяковскую галерею. Собирать – вот наша задача. И я не могу судить об этом, потому что у меня просто нет времени. Сейчас художественный процесс гораздо обширнее, чем это было в XVII, XVIII, XIX веках. Стоит съездить на современный арт-салон. Я там уже через полчаса не могу ходить. Там такое огромное количество работ, такая разноголосица, такой гигантский рынок искусства. Сегодняшнее искусство совершенно иное. Оно провоцирует, а не навевает сны золотые.

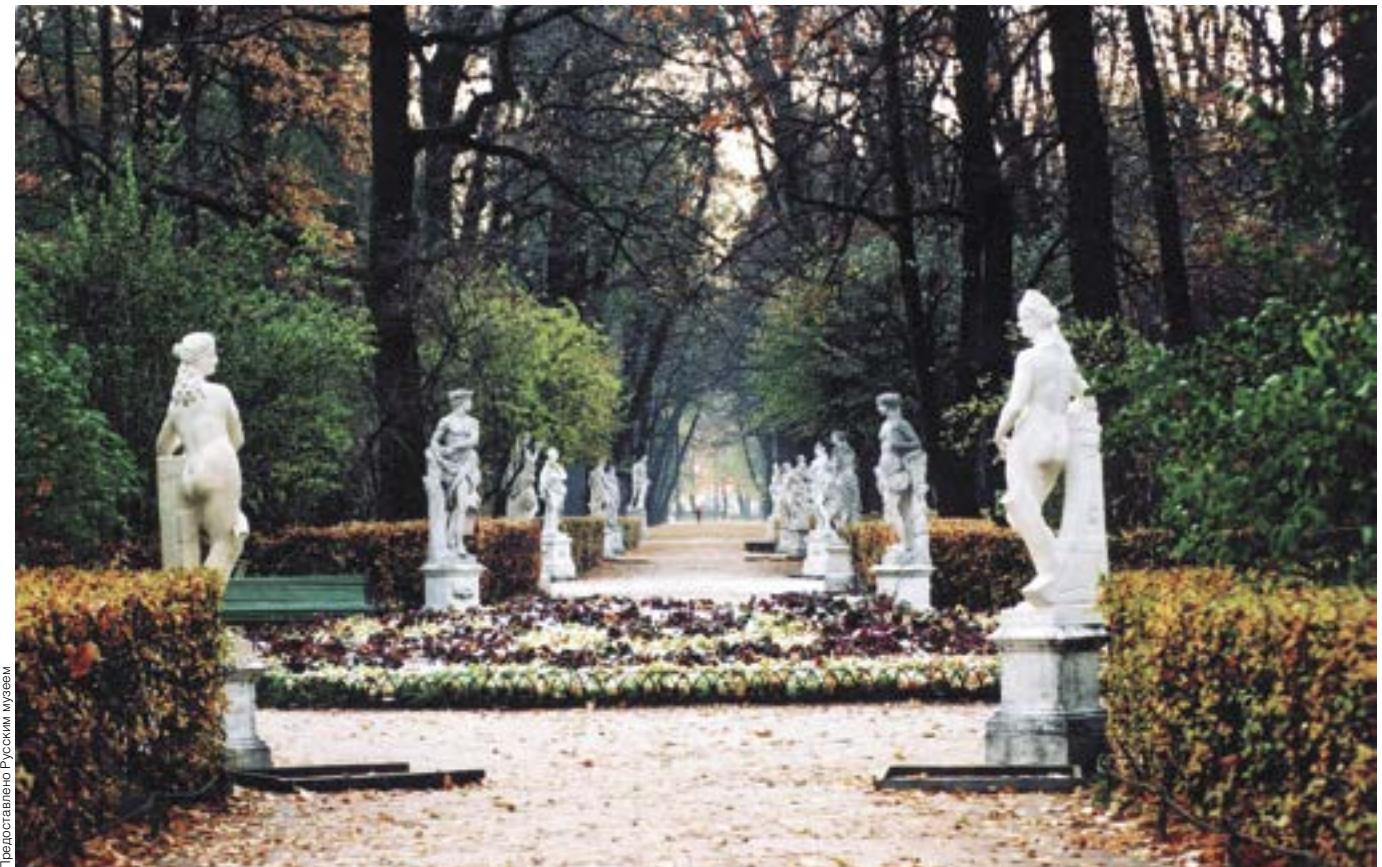
– *Музей расширяется. Тяжелая экономическая ситуация не корректирует программы развития?*

– В одной из стенограмм начала прошлого века с заседания Государственной думы попался мне такой эпизод. Депутат от левой фракции говорит о том, что Россия стоит на краю пропасти, нужны реформы, нужна революция. А депутат от другой фракции отвечает: «Господа, опомнитесь, когда Россия не стояла на этом краю?» По-настоящему тяжелые

времена у нас были в 96-м году, когда нам постоянно секвестрировали бюджет и мы никогда не знали, сколько мы получим. Уходили люди. Но нам помогло то, что мы научились работать с программами. Первая программа, которую мы сделали и которую сейчас завершаем, это программа развития и реконструкции музея к его столетию. Столетие музея было в 98-м году. Мы начали работу в 88-м году. Программа казалась утопией, все цифры были среднепотолочные. Но оказалось, что мы попали, и практически мы ее выполнили. За это время появились новые объекты.

– *Стремительное расширение музея – недавно к Русскому музею отошли и Летний сад, сады Инженерного замка, Михайловский сад – не во вред ему?*

– Нет, пока не во вред. Но надо вовремя остановиться. Мы сами видим, как разрушаются империи. Создавать империю увлекательно, но это авантюра. Надо помнить и о том, что империю надо содержать, поддерживать порядок, кормить. И года четыре назад мы с заместителями договорились под Новый год за рюмкой чая, что больше не будем расти. Хватит, сил не прибавляется и энергии тоже. А на другой день мне вечером позвонил губернатор: «Ну что, возьмешь еще Летний сад и Марсово поле?» Я говорю: «Дайте три дня подумать». Собрал замов и говорю: «Если вы скажете «нет», я буду только рад. Потому что уже седины хватит, и сердце болит». Они все сказали «да», я даже не ожидал. Но дело в том, что это единая территория – Михайловский

■ **Летний сад теперь тоже часть Русского музея. К реконструкции сада подступались еще до войны. Но средства и силы нашли только сейчас**

Предоставлено Русским музеем

■ В Русском музее открылась выставка американских художников – выходцев из России. Она уже с успехом прошла в Америке, из Петербурга отправится в Москву, а потом вернется в Америку

сад, Летний сад и сады Инженерного замка. Генетически Петербург начинался отсюда.

– Реставрация Летнего сада уже началась?

– Она начнется в этом году. За два-три года мы ее закончим, если будет нормальное финансирование. Пока деньги дают. К этой реставрации уже подступались перед войной, но ни сил, ни ресурсов не хватило.

– Правда ли, что вы даже грунт будете менять?

– Как раз грунт по экспертным заключениям более или менее в неплохом состоянии. Есть участки, забитые строительным мусором, их будут очищать. Самое сложное в том, что неизвестно, какие и где проходят коммуникации. Надо работать с деревьями, с кронами, чтобы солнце могло проникать вниз. Надо, чтобы птички вернулись, чтобы рыбы плавали в Карпивом пруду. А они не вернутся, пока у нас всякой гадостью улицы поливают.

– А все-таки, что сердце музея – хранилище, реставрационные мастерские, экспозиция, кабинет директора?

– Все. Только не кабинет директора. У нас принцип такой – децентрализация, работа командой. А основные функции музея вы назвали – собирать, хранить, изучать и показывать. Все одинаково важно. Но прежде всего это научная часть. Потому что главное в музее – это выставочная деятельность. О музее судят по его экспозиции.

Нас иногда ругают, что мы делаем много выставок. Это правда, много. Раньше у нас было 10–12 выставок в год, и сотрудники стонали и готовили выставки по пять лет. Но когда появилась некоторая свобода и мы почувствовали себя хозяевами, то стали делать и 60 выставок, а иногда и больше. Это не за счет потери качества, а за счет наших уникальных фондов. У нас 400 тыс. произведений ис-

кусства. В постоянной экспозиции, ну, максимум 3 тыс. Многие выставки просто жалко расформировывать, они как спектакль – прошли и ушли. Но так как мы по каждой выставке делаем альбомы, они все-таки остаются. Мы сделали еще и цикл выставок, по которым видно, что русское искусство проходило такой же путь, что и все мировое искусство. Что это не какая-то сумятица и борьба передвижников с формалистами. Мы начали с Древней Руси – «Образ Богоматери в русском искусстве», «Русские монастыри», «Классицизм в русском искусстве», «Романтизм», потом «Святые 60-е» – это начало передвижничества, «Русский символизм», «Дягилевские сезоны», «Мир искусства». Потом «Агитация за счастье. Искусство сталинской эпохи». Выстроили историю искусства. У нас нет проблем, что показывать. У нас проблема найти силы и время, чтобы показывать как можно больше. А к каким-то выставкам нам надо возвращаться. Ко мне подходят многие: почему у вас нет выставки Серова, Репина? А они были, но проходит 10–20 лет, и вырастает новое поколение. Поэтому какие-то выставки мы должны повторять. 19 февраля мы открыли выставку «Американские художники из Российской империи». Потом будет выставка «Стиль жизни и жизнь стиля» – о том, как жила мода в изобразительном искусстве.

– Это вы сами все придумываете?

– Не-ет. В основном научная часть, конечно. Раньше вместе придумывали, а сейчас даже не успеваю видеть все выставки.

– Насколько тяжело договариваться с владельцами частных коллекций о том, чтобы выставить картину в Русском музее? Я имею в виду прошлогоднюю замечательную выставку в Русском музее, собранную из частных коллекций.

– Очень тяжело. Это в основном труд моего заместителя по научной части Евгении Николаевны Петровой, которая делает выставки. Надо встречаться, уговаривать. Люди боятся давать картину в Россию, потому что не уверены, что вернется и не будет экспроприирована.

– *Музей может себе позволить покупать картины на торгах?*

– Нет, и уже давно. Во времена перестройки мы на аукционе Кристис купили замечательный портрет Кипренского. Купили здесь у частного коллекционера великолепную работу Малевича за несколько десятков тысяч долларов. Сейчас она стоит несколько десятков миллионов. До сих пор владелец немного обижается на нас. Но тогда для нас это были огромные деньги. Я доллар тогда еще в руках не держал. И первый свой выговор я получил за то, что мы открыли свои валютные счета.

– *Мне сказали, что вы этот вопрос не очень любите, но я его задам. У вас есть художественные пристрастия? Или вы не можете себе их позволить, и все дети здесь, в музее, должны быть любимые?*

– Все должны быть любимые. И глаз замыливается. Я люблю искусство Серебряного века, когда форма и содержание балансировали в некотором равновесии. Когда форма еще не стала самодостаточной.

– *Дети артистов живут в театре, дети музыкантов играют с младых ногтей. К чему тянутся дети музейников?*

– Дочка все-таки пришла в музей. Она занимается тем, что связано с музейной сувенирной продукцией. Это тоже надо налаживать, это пропаганда музея.

– *Писать время у вас остается?*

– Нет. Единственная моя отдушина, которая меня и тяготит, это фильмы, которые мы делаем для канала «Культура». Я хоть в книжки залезаю, а не только пишу «Дайте нам денег» и составляю административные приказы.

– *Вы сами как себя идентифицируете – музейщик, собиратель, пропагандист, администратор?*

– Если бы здесь надо было быть тихим музейщиком, я бы просто не смог. Я как-то совпал со временем. Во мне Обломов все время борется со Штольцем. И с Маниловым тоже. Были исследования, как за последние полвека изменился тип директора музея в Америке и в Европе. Если раньше директор музея проходил путь от лаборанта и хранителя, то сейчас директор должен быть администратором. И еще очень важно – внешние связи, коммуникабельность, умение привлекать средства, людей.

– *То есть менеджмент.*

– Да. Изменилась и жизнь музеев. Было резко сокращено государственное финансирование, музеям предложили выживать самим. В принципе, можно на многом зарабатывать. Альбомы, открытки, сувениры, платные услуги, лицензионная работа, лекции. Надо следить, чтобы музею платили отчисления те, кто использует изображения, хранящиеся в музее. И фандрайзинг, и общество друзей музея. 20 лет назад я стажировался в Метрополитен-музее. Там тогда еще «Общество друзей музея»

давало \$15 млн в год. Причем сами взносы были небольшие – от \$100 до \$300.

– *А друзья Русского музея сколько жертвуют?*

– По итогам прошлого года мы собрали 3 млн. Государство пока дает на порядок больше. Но надо иметь в виду, что у нас огромные средства идут на реставрацию зданий, которые мы получаем в аварийном состоянии. Ведь и сады, и дворцы были в жутком виде. И их восстановление – это огромные деньги. Вот если б мы жили тихо-спокойно...

– *То есть вы еще и строитель...*

– Естественно. На это и идут основные деньги. Та же реставрация Летнего сада – это совершенно новая для нас территория, и в буквальном, и в переносном смысле. Для работы там создаются новые службы. В этом году мы проведем уже вторую выставку-фестиваль «Императорские сады». Поэтому без государственных вложений нам никак не прожить. Вот завершим реконструкцию Летнего сада, дворцов, и тогда музей сможет зарабатывать до 40% от того, что ему необходимо. При нормальной ситуации в стране. То есть когда есть средний класс, когда есть из кого набирать друзей музея. Спонсоров, благотворителей, меценатов. В Америке за исключением Вашингтонской национальной галереи вообще нет государственных музеев. Метрополитен, к примеру, живет за счет процентов от огромного первоначального капитала, который Морган положил в банк.

– *А можно ли заставить тех, кто тиражирует с детства нам знакомые образы, хранящиеся в Русском музее, платить за их использование?*

– Заставить нельзя даже в той самой пресловутой Америке. Там искусство тоже принадлежит народу. И если я хочу сфотографировать и издать открытку, музей теоретически не имеет права мне препятствовать. Судебные процессы невозможны. Но, как правило, мы стараемся находить общий язык с издателями. И если это издатель серьезный, то он заинтересован в сотрудничестве с музеем.

– *И последний вопрос. Что сегодня дарит вам моменты счастья?*

– На свете счастья нет, но есть покой и воля, как известно. Знаете, я ненавижу просить. Терпеть не могу ходить в кабинеты начальников. Но – приходится. Но когда входишь в залы музея, видишь, как много там детей... У Екатерины Второй регулярно отламывают мраморный жезл. Детишки балуются. Мы его приклеиваем, загораживаем. Посмотрите – колонны на уровне детской руки протертые ладошками. И дети в музее сидят на полу, бывает не протолкнуться. Значит, музей нужен и не зря мы стараемся.

Евгения МИХАЙЛОВА
Санкт-Петербург

СЕДЬМАЯ, И ПОСЛЕДНЯЯ

Два с лишком века разделяют начало первой Русско-турецкой войны, грянувшей в 1676 году, и конец последней, завершившейся 19 февраля 1878-го. За эти 200 лет Россия и Турция столкнулись семь раз и находились в состоянии войны 65 лет.

Михаил БЫКОВ

Не грех лишний раз подумать, насколько эти семь войн с южным соседом являются самостоятельными историческими событиями. Не стали ли они для России одной, растянувшейся на 200 лет военной кампанией?

Прежде чем перейти к предмету сегодняшнего разговора – перипетиям Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, – стоит вспомнить несколько принципов, определявших отношения двух держав на протяжении веков.

Первое – Царьград, он же Константинополь, он же Стамбул. Для русских этот город – символ и дом христианской веры наряду с Иерусалимом. После того как турки-османы прибрали к рукам Византию в 1451 году, они автоматически стали для русских недругами. И подавля-

ющее большинство солдат «били турку» прежде всего потому, что «басурманы» стали хозяевами святых для каждого православного места.

Далее. Развитие России требовало выхода к морям. На юге этому мешала Османская империя с ее сателлитом – Крымским ханством. Еще в середине XIV века османы размешкались на пятачке азиатского берега Мраморного моря, а в середине XVII владели землями Кубани, Таврии, Молдавии, Румынии, Болгарии, Абхазии, контролировали грузинские княжества... Короче, Черное море было внутренним морем Турции. Соответственно, закрыты для России были и проливы в море Средиземное.

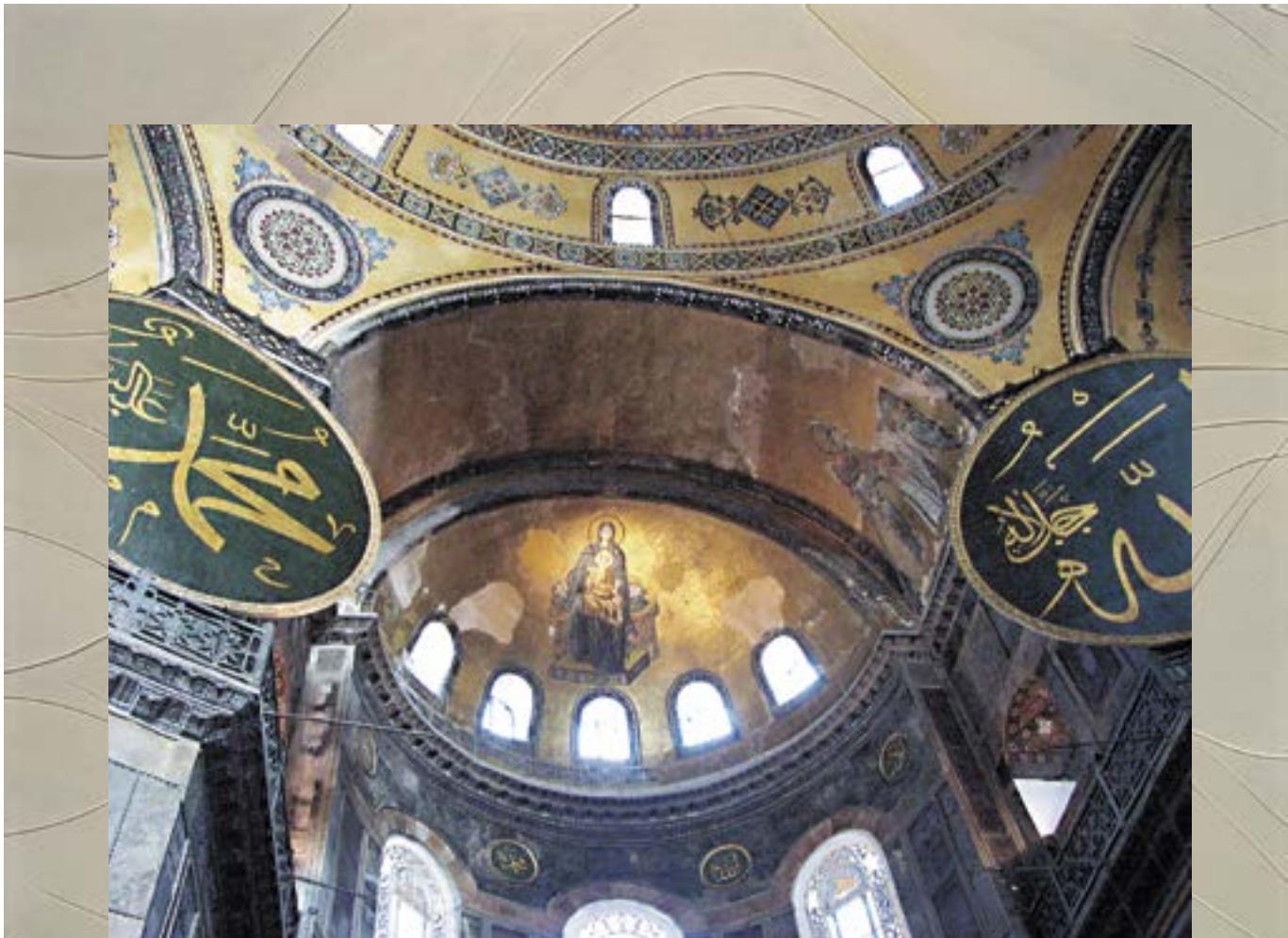
Наконец, на территориях, захваченных турками, жили народы, русским не чужие. Если не по крови, то по вере, а чаще родственные и тем, и другим. Более того, часть этих территорий в России искренне считали своей

собственностью, а Россия всегда – рано или поздно – возвращала назад некогда потерянное. Традиционное отношение Блистательной Порты к самой себе, о сути которого свидетельствует уже само это название, лишь раззадоривало русских царей и цариц.

Каждый раз в истории очередного военного конфликта как-либо из трех этих факторов имел решающее значение, но каждый раз в комбинации наличествовали все три фактора.

Журналист на Балканах

Януарий Алоизий Мак-Гахан родился в США в 1844 году. Еще в дни Парижской коммуны, в 1870 году, стал крайне популярен благодаря острым публикациям в газете «Нью-Йорк геральд». Европейского читателя Януарий поразил беседами с влиятельными политиками. Жанр политического интервью в Европе тогда был неизвестен. После того как в Париже поскучнело, Мак-Гахан

рванул в Россию, где не только репортерствовал, но и удачно женился – на Варваре Николаевне, урожденной Елагиной. Но в новом доме не засиделся – вместе с генералом Скобелевым прошел Хивинскую кампанию, в 1874 году оказался уже на Пиренеях в отряде претендента на испанский престол Дон Карлоса Младшего. Устав от испанского солнца, отправился в составе экспедиции на корабле «Пандора» в Арктику. А летом 1876 года Януарий получил контракт от английской газеты «Дэйли ньюс». Ему поручалось провести журналистское расследование в Болгарии, где турецкие каратели вырезали только в Пловдиве 15 тыс. человек, а всего умертвили свыше 30 тыс. Это была месть турецких властей за участие болгар в военно-освободительном движении, вспыхнувшем на Балканах. Мак-Гахан не ограничился серией публикаций, он выпустил еще и брошюру, переведенную на

многие языки, в том числе русский. Полные жутких подробностей строчки повергли шепетильную Европу в шок. Русские власти получили в глазах Европы моральное право вмешаться в отношения Османской империи и покоренных ею православных народов. Правда, пришлось еще пообещать не потерявшей габсбургского прагматизма Австро-Венгрии закрыть глаза на ее интерес к землям Боснии и Герцеговины. Такова она, как говорил еще петровский Лефорт, «европейский политик».

В России была объявлена мобилизация, кстати, первая в ее истории. Доселе воевали солдаты из рекрутов, николаевская армия состояла из постоянно-го кадра. Ведь в отставку нижние чины уходили в преклонном возрасте. Если удавалось до нее дожить в калейдоскопе военных походов и кампаний.

По плану генерала Обручева, вторжение в Порту шло в двух

направлениях: кавказском и балканском. И там, и там – горы, но Балканы проще. А главное, если через Кавказ, то от турецкой границы до главной цели – Константинополя – 1500 верст по малонаселенному нагорью, а от берегов Дуная – всего 500, мимо горных болгарских деревушек и равнинных городков, где «братушки» русским всегда помогут. Так и пошли. В Закавказье – тремя автономными группировками с выходом на Эрзрум. Туда отправилась армия в 100 тыс. штыков и сабель. И через Дунай около румынского мелкого Зимница и расположенного напротив через реку болгарского городка Систов и двух турецких береговых крепостей Руцук и Никополь – по правую и левую сторону. Здесь вместе с 220-тысячной русской армией оказался и Януарий Мак-Гахан. Форсировав Дунай 15 июня 1877 года, он прошел вместе с отрядами генералов Гурко и Скобеле-

■ Русские прибывают свои щиты к вратам Царьграда

■ Храм Святой Софии в Константинополе

Предоставлено М. Золотаревым

ва всю войну, несмотря на перелом ноги и лихорадку. А умер в 33 года от тифа в константинопольском лазарете, когда в Сан-Стефано уже велись мирные переговоры.

Капитаны на Дунае

Первый этап войны – форсирование Дуная. Сегодня – молниеносная операция, а 130 лет назад перетащить через мощную реку с быстрым течением и шириной в километр несколько армейских корпусов с кавалерией и артиллерией было непросто. А Дунай еще, как нарочно, разлился. В результате перебирались в Болгарию две недели. Но прежде надо было построить переправу и обезопасить подходы к ней по воде.

По завершении Крымской (Восточной) войны Россия потеряла право держать флот на Черном море. И хотя она вернула усилиями министра иностранных дел князя Горчакова это право в 1871 году, серьезного флота в южных водах пока не имела. Почти все, чем она располагала к началу военных действий 1877 года, – это маленькие паровые катера, быстрые, но в боевом отношении ничтожные. Их задача – ставить мины в фарватере Дуная, чтобы закрыть туркам дорогу к строящемуся мосту. Минное дело – штука, конечно, полезная, но больно

скучная. Русские моряки включили фантазию и оснастили катера шестовыми минами. Мина того времени – большой железный овальный короб из двух частей, наполненный взрывчаткой. В действие она приводилась при помощи электропроводки. Но как ее доставить поближе к кораблю-жертве? Для этого и придумали привязывать к минае длинный шест, с помощью которого подтаскивали снаряд к чужому борту. Миноноски с экипажем в 10–15 человек должны были противостоять турецким боевым кораблям, среди которых выделялись мониторы и броненосцы.

Первыми в рейд в районе крепости Рущук отправились лейтенанты Шестаков и Дубасов на четырех катерах: «Цесаревич», «Ксения», «Джигит» и «Царевна». 14 мая на дунайское дно легли остатки турецкого военного парохода с командой. Но прежде, чем раздался взрыв, русские катера были обстреляны из пушек и осыпаны градом пуль с турецкого борта. Один из катеров, сильно поврежденный, вышел из боя, два других при совершении минной атаки едва не затонули под обломками вражеского корабля. Но когда пришли домой и осмотрелись – выяснилось: все экипажи целы!

Первым раненым офицером войны стал лейтенант лейб-

гвардии Морского экипажа Николай Скрыдлов. На катере «Шутка» он атаковал турецкий пароход «Эрекли». Успеха не достигли, несмотря на то, что миноноска ткнулась в борт врага: ружейным и пушечным огнем перебило проводку, и мина не сработала. Турки испугались настолько, что повернули и ушли. Скрыдлов получил пули в обе ноги. По дороге в Бухарест на лечение все сетовал: «Эх, за однушку смелость Георгия не дадут. Не видать мне ордена. А дадут, так всего-навсего Анну»... Выздоровев, Николай Илларионович командовал пароходом «Калабрия». После войны вернулся на Балтику. В 1893 году назначен младшим флагманом Балтийского флота, в 1903-м – главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря. Годом позже так и не успел прибыть в Порт-Артур и занять место адмирала Макарова, погибшего при взрыве флагманского броненосца «Петропавловск». Порт-Артур сдали, и Тихоокеанским флотом Скрыдлов командовал из Владивостока. Вышел в отставку в 1909 году. Расстрелян большевиками в Петрограде в 1918-м в возрасте 74 лет.

За минные атаки на Дунае Георгиевские кресты 4-й степени получили и Шестаков, и Дубасов, и... Скрыдлов. А еще мичман Нилов и гардемарин Аренс.

Предоставлено М. Золотаревым

■ Вид города Карс и крепости

По поводу двух последних главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-старший писал в Петербург: «Бесстрашные моряков невообразимое... атаковали монитор под сильным огнем из ружей, орудий, картечниц и револьверов». Как раз из револьвера Нилов застрелил на командном мостике броненосца английского офицера, руководившего турецким экипажем. Георгиевский крест вместе с морскими офицерами получил и знаменитый русский художник-баталист Василий Верещагин. Он умудрился-таки убедить начальство пустить его в рейд на «Шутке» с лейтенантом Скрыдловым. А сам командир миноносцы был только рад: в Морском корпусе фельдфебель Верещагин командовал ротой, в которой рядовым служил кадет Скрылов.

Хан в крепости

На дунайских берегах еще копились батальоны и батареи, а в Закавказье уже вовсю шли бои. Полковник русской армии, командир Эриванского конно-иррегулярного полка младший сын владетеля Нахичевани Исмаил-Хан полагал, что тяжко придется тем частям, что отправились на Эрзерум через Карс и Ардаган. Его милицейским сотням, включенным в отправленный на пограничный стык

России, Турции и Персии Эриванский отряд генерала Тургуткасова, предстоит дело попроще: перекрыть туркам дорогу в Эриванскую провинцию Российской империи. Отряд двигался по берегу реки Евфрат, а малая его часть 19 апреля заняла скромную крепость Баязет на самом северо-востоке Ближней Порты. Впрочем, крепость – лишь название. На деле Баязет более походил на замок в горах и не был оборудован для длительной осады. Там стал русский гарнизон численностью 1600 человек. И тут – началось!

Турки блокировали крепость, подтянув свыше 12 тыс. солдат. Последним, кто прорвался в Баязет, и был как раз полковник Исмаил-Хан Нахичеванский с остатками от четырех сотен своего полка. На подступах к Баязету ему пришлось принять жестокий бой с турками. Хану в том году было 58 лет! Более турки лить свою кровь не желали. Первоначально они отвели от крепости единственный водоток, и ее защитники остались без воды под палящим июньским солнцем. Был, правда, еще один источник – ручей в 300 метрах от крепостной стены. Вода текла, но турки соорудили на ручье плотину из трупов русских солдат и убитых лошадей... С провизией обстояло не лучше. Основная часть запасов хранилась в город-

ке в нескольких верстах от крепости. И провиант достался туркам.

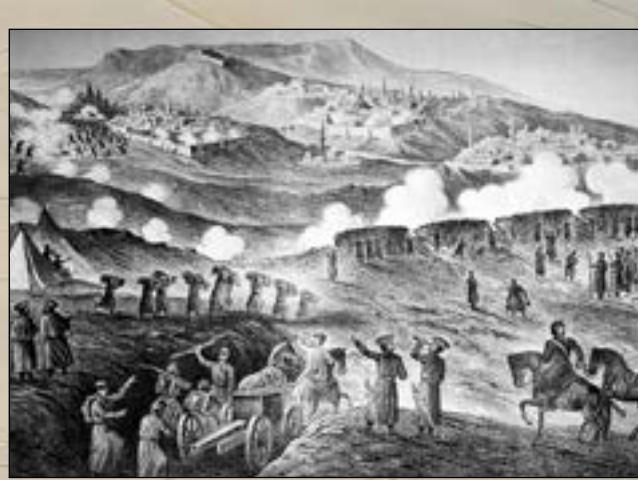
В крепости 8 июня произошел инцидент. Во время штурма сдали нервы у командира гарнизона подполковника Пацевича, и он приказал выбросить белый флаг. Офицеры застрелили подполковника, а гарнизон возглагали старший по званию Хан Нахичеванский и комендант крепости капитан Штоквич. В романе Пикуля и телесериале «Баязет» именно Хан представлен в не-привлекательной роли человека, готового служить «и нашим, и вашим». В реальности он-то и руководил обороной! Вот что Хан писал впоследствии, вспоминая минутную слабость боевого офицера Пацевича. «Своя ли пуля его сразила или чужая – не берусь судить. Но ранили его в спину...» А сражаться с осаждавшими турками было трудно не потому, что их было много и они хорошо воевали. Сил у защитников Баязета едва хватало на то, чтобы перезаряжать ружья. Из приказов по крепости:

«6 июня. Прекращается варка горячей пищи всем частям, кроме госпиталя. Дача воды в сутки – по крышке в день на человека». «9 июня. Порция воды уменьшается до половины крышки». «14 июня. Дневная дача сухарей уменьшается на четверть фунта». «24 июня. Вы-

РИА «Новости»

■ Вид города Баязет и цитадели, в которой русские войска выдержали осаду во время Русско-турецкой войны. 1877 год

РИА «Новости»

■ Осада турецкой крепости Карс. 1877 год

дать больным по крышке воды, а остальным – по ложке». «27 июня. Для гарнизона зарезать обеих оставшихся лошадей, а мясо это жарить, оставив имеющуюся воду для питья»... На следующий день у крепости появились прибывшие на помощь русские войска. Последним приказом в осажденном Баязете предписывалось выставить на крепостной стене знамя 2-го батальона 74-го пехотного Ставропольского полка и значки казачьих сотен. Всем частям построиться около знамени, пропеть «Боже, царя храни!» и прокричать «Ура!». Спустя несколько дней при ставке командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича был дан парад. Все время, пока шли ряды «сидельцев Баязета», шпалеры всего 10-тысячного Эриванского отряда стояли «на караул» и преклонив знамена.

В списке награжденных за Баязет первое имя – Исмаил-Хана Нахичеванского. Он стал генерал-майором и кавалером Георгиевского креста 4-й степени. Жил еще долго и умер в 1909 году в возрасте 90 лет, будучи генералом от кавалерии в отставке и кавалером 8 российских и 3 иностранных орденов. В отставку он вышел по собственному прошению за неполный год до смерти. Исмаил-Хан служил действующим офицером русской армии... 68 лет!

Общий перелом на Кавказском фронте наступил в октябре 1877 года. Русские войска разбি-

ли турецкую группировку при Аладже 1-3 октября, 6 ноября сдалась крепость Карс, и наша армия вышла к Эрзеруму, павшему в ноябре. На этом боевые действия прекратились.

Генерал горы

Сразу после начала войны болгары, жившие в России, потребовали отправки в действующую армию. Военный министр Милютин распорядился создать отряды болгарского ополчения, правда, предполагал, что их будут использовать в качестве тыловых подразделений. Он ошибся. Пять болгарских дружин, организованных русским генералом Николаем Столетовым с русскими же офицерами во главе, прибыли на театр военных действий и оказались в группировке генерала Гурко. После форсирования Дуная русским колоннам была поставлена задача: как можно быстрее взять перевалы Балканского хребта и оказаться по южную сторону от него. Корпуса Гурко вошли в древнюю столицу страны Тырново, затем – в Габрово и через Халинийский перевал проскочили во внутреннюю Болгарию, к городу Казанлык. Все шло как по маслу. Но западная группа войск затормозила по ту сторону хребта, у Плевны, где ее встретил лучший, пожалуй, турецкий генерал той войны, Осман-паша. Случись что – и все дивизии Гурко оказались бы отрезанными от единственной переправы через

Дунай, у Зимницы. А армия без тыловых коммуникаций обречена. Пришлось остановить движение, сдлать Шипкинский перевал, столь удачно обойденный ранее, и – ждать. 7 июля Шипка оказалась в руках отряда генерала Святополк-Мирского. Что же представлял собой этот перевал, которому после войны дали второе название «болгарские Фермопилы»?

Шипкинский путь идет по отрогу главного Балканского хребта, повышаясь к горе Святого Николая (1523 м) и резко ныряя в долину реки Тунджа на юге. Вокруг – господствующие высоты, среди которых одна с милым названием – Лысая гора. В тактическом отношении позиции, занятые русскими солдатами, были крайне невыгодными. Участок земли длиной в два километра и шириной в один, простреливаемый со всех сторон. Ни укреплений, ни естественных укрытий. Организация атаки в любом случае предполагала спуск-подъем по крутым склонам в зоне прямого неприятельского огня.

К августу основные силы русских отрядов Гурко откатились в Забалканье. 8-го числа на Шипке осталось 6000 солдат: Орловский и Брянский пехотные полки, три казачьи сотни да пять дружин болгарского ополчения под командой генерала Столетова. Сулейман-паша, решивший во что бы то ни стало вернуть перевал, сосредоточил вокруг до 30 тыс. человек, имея

РИА «Новости»

■ Взятие Плевны и сдача Осман-паша

РИА «Новости»

■ Заключение мира с Турцией в Сан-Степано. 19 февраля 1878 года

превосходство в количестве пушек и тотальное преимущество в их качестве (накануне войны турецкая армия получила самые современные стальные орудия с германских заводов Круппа). Столетов отправил командиру корпуса генералу Радецкому депешу: «Весь корпус Сулейман-паша, видимый нами как на ладони, выстраивается перед нами в восьми верстах от Шипки. Силы неприятеля громадны, говорю это без преувеличения. Будем драться до крайности, но поддержка необходима». Николай Григорьевич в своих людях был уверен. В том числе в болгарских воинах. Боевое крещение они уже прошли: 19 июня в сражении у городка Ески-Загоры, когда войска генерала Гурко оставляли южные склоны Балкан у Казанлыка. Вместе с болгарскими ополченцами гибли и командовавшие ими русские офицеры. Командир 3-й дружины полковник Калитин погиб со знаменем в руках, сраженный сразу несколькими пулями. Знамя подхватил капитан Феодоров, поручик Усов, поручик Попов. Последнего болгарские бойцы вытащили с поля боя и спрятали – смертельно раненного – под листвой в лесу. Раненный в ногу поручик Живарев, несмотря на приказ генерала Столетова сесть на телегу, отказался в пользу измученных бегством болгарских детишек и тяжелораненых солдат ополчения. Жители Ески-Загоры и соседних

деревень, уже пылавших, отступали вместе русскими в сторону Шипки. Болгары знали, что с ними будет, когда придут турецкие солдаты.

Шипкинское сражение началось 9 августа и продолжалось 6 дней с малыми перерывами. Перед боем Сулейман-паша отправил султану бумагу, в которой сообщил о взятии перевала. Обманул Сулейман-паша своего господина! За неделю боев турки не добились ничего, потеряв более 7000 человек. У русских и болгар выбыло из строя около 3350 нижних чинов, 108 офицеров и 2 генерала. Один из них – блестящий военачальник и военный теоретик Михаил Драгомиров – был ранен в колено и чудом избежал ампутации.

На помощь подошли Житомирский и Подольский пехотные полки под командой генерала Радецкого, который принял общее командование. С его именем связано знаменитое «шипкинское сидение», продолжавшееся более четырех месяцев. Сам Радецкий, по словам художника Василия Верещагина, был известным любителем картежной игры и наигрался в обожаемый винт в Балканах на всю оставшуюся жизнь. Бои, конечно, тоже случались, и генерал от них не бегал, сам водил роты в контратаки. Но люди гибли по большей части из-за жутких холодов. Число обмороженных доходило до 300–400 в день. Офицер Подольского пе-

хотного полка вспоминал: «Мороз 21 градус, сильная метель, прямо снежный ураган, на ровных местах глубина снега три четверти аршин, наносы же до полутора саженей. Все вооружились лопатами...» К этому времени болгарских ополченцев на Шипке давно уже не было. Их дружины откомандировали в деревню Зелено Древо – прикрывать Имилтийский перевал. Отвели в резерв и Брянский и Орловский полки, потерявшие до половины своих людей.

Генерал Столетов оборонял Шипку до самого конца, а после взятия Плевны контратаковал и погнал турок дальше. В современной Болгарии улицы многих городов носят имена русских генералов. А вот гора такая только одна – пик Столетова. Бывшая – Святого Николая. Хотя тут еще надо разобраться. В 1977 году пик Столетова болгарские власти дали название Шипка, несмотря на то, что одна вершина под таким же названием уже имелась. В 2007 году на имя президента Болгарии отправлялись письма с предложением вернуть горе имя святого. Хитрецы-экскурсоводы говорят, что генерала Столетова тоже звали Николаем, выходит и пик – его имени.

Сам генерал два года не дожил до 1914-го, когда болгарский царь Фердинанд из рода баварских Кобургов заключил союз с Германией и Австро-Венгрией против России.

Предоставлено М. Золотаревым

РИА «Новости»

Предоставлено М. Золотаревым

Предоставлено М. Золотаревым

■ Генерал Михаил Иванович
Драгомиров■ Генерал-лейтенант
Михаил Дмитриевич Скобелев■ Генерал-фельдмаршал
Иосиф Владимирович Гурко■ Генерал от инfanterии
Федор Федорович Радецкий

Художник под Плевной

Отношение художника Верещагина к войне очевидно. Достаточно посмотреть на его полотна. Не скрывал Василий Васильевич своей нелюбви к ратному делу и в мемуарах, и в письмах, и в беседах с друзьями и коллегами. Это тем более интересно, что среднее образование он получил в Морском корпусе, в качестве волонтера отправлялся в несколько военных кампаний, а в некоторых боях даже участвовал, получил ранение и орден за военные отличия. Наконец, погиб во время войны на боевом корабле вместе с адмиралом Макаровым. С которым дружил также, как и с генералом Скобелевым. А еще Василий Верещагин потерял на войне брата – Сергея, прибывшего в армию добровольцем и убитого под Плевной. Ох уж эта Плевна!

Художник вспоминал Плевну нарочито равнодушно. Но все-таки – прорывалось: «Кругом самого прозаичного восточного городишко, построенного в глубокой долине, невысокие, гладкие, совсем не живописные холмы, почти без растительности, покрытые лишь бурою, выжженою травою, и между ними кое-где полками и батальонами – валяющиеся на траве, кто на спине, кто на брюшке, солдаты. Это и была невидимка Плевна, унесшая уже столько жизней». «Унесшая уже» потому, что Верещагин прибыл к Плев-

не только к третьему, последнему штурму. Он произошел 30–31 августа 1877 года. Но прежде были штурмы 8 и 18 июля. Наверное, не имеет смысла пускаться в анализ каждой из трех этих неудач с сугубо военной точки зрения. Тем более что причины военного характера являлись следствием переустройства русского общества после 1861 года. В эти годы реформировалась не только армия, причем коренным образом и не всегда во благо. Дворянство постепенно делилось полномочиями. Все это привело к тому, что армия явилась на Дунай в переходном состоянии. Солдаты уже были призывными, а многие офицеры остались с рекрутских времен. Современные вооружения уже производились или были закуплены, но в войска еще не поступили. Военная тактика отставала от требований современной войны, а генералы, не задумываясь, посыпали батальоны в бой в надежде на высокий боевой дух и знаменитые русские штыки. И они, верные присяге, ротными шеренгами в полный рост шли под шквальный огонь скростиельных ружей турок, замурованных в построенных по всем правилам саперного искусства ложементах и редутах.

До поры в армиях всех стран соблюдалось неписаное правило, сохранившееся от «войн в кружевах»: офицеров специально не выщеливать, солдаты воюют с солдатами. Но в последней Русско-турецкой войне оно пе-

рестало работать в одностороннем порядке. А русские офицеры и даже генералы по традиции гарцевали на виду, молодецки расхаживали перед залегшими ротами, в общем, всячески демонстрировали полное презрение к врагу и смерти. Этим всегда сильно было русское офицерство. Это являлось и его все более влияющей на события слабостью. Зачем много думать над картой, вести разведку и готовить удар, если достаточно увлечь за собой людей и на штыках ворваться на вражескую позицию! И увлекали, и врывались... Так было при первой атаке Плевны, когда одна рота Костромского пехотного полка вышла в штыки на окопы целого турецкого батальона. Очень немногие вернулись назад. После выяснили, что выбить из Плевны 15-тысячный турецкий гарнизон собирались войсками, численность которых была в два раза меньше. Так же «толково» подготовились и ко второму штурму Плевны через 10 дней. Когда, например, командир Курского пехотного полка услышал сигнал рожка к атаке, он спросил дивизионного командира: «Куда и кого атаковать?» И получил ответ: «Идите прямо перед собой и уничтожьте всю сволочь на пути». Два полка – Курский и Рыльский – так и сделали: пошли, но на «всю сволочь» сил у них не хватило, и остатки рот откатились к вечеру на исходные. Пензенский пехотный полк пошел в бой первым –

ИТАР-ТАСС

■ Русские артиллеристы на Балканах. 1877 год

по ровному как стол полю, без артподготовки и без приказа на ружейную стрельбу. Турки поливали огнем, а роты шли. За полчаса полк потерял более тысячи человек, но на штыках ворвался в окопы и зацепился там на время. Зачем это было сделано, корпусной командир генерал Криденер, отвечавший за операцию, похоже, не знал. «Будем надеяться на русского человека... он со своей несокрушимой силой, быть может, сумеет выбраться из беды, несмотря на всех стратегов, интендантов и прочая...» — писал по следам событий великий русский медик Боткин. В ротах строевые офицеры выражались резче: «Нами управляют дураки!»

В третий раз Плевну надо было взять уже хотя бы потому, что в день штурма поздравляли с тезоименитством государя Александра Второго. По ту сторону Балкан войну еще воспринимали как победоносные маневры и готовили подарок к празднику. К 30 августа общая длина турецких укреплений составила 22 км, которые обороняли 34 тыс. воинов и 72 орудия. Русские силы — 83 тыс. штыков и сабель, 424 орудия. На сей раз и в тактическом отношении штурм был спланирован с некоторой фантазией. Но система управления войсками так и не наладилась. Пассивность многих начальников с генеральскими погонами обескураживает. Части генерала Скобелева захватывали передовой Гривицкий

редут турок, а корпус генерала Зотова стоял и наблюдал за сражением со стороны. Итог битвы подвел американский военный атташе Грин, примчавшийся в русский тыл к вечеру с сообщением о полном поражении на всех направлениях. Ему поверили, не проверив. И паника докатилась до берегов Дуная — ждали турецкого контрнаступления. На созванном военном совете вопрос стоял ребром: не закончить ли всю кампанию? Благодаря настоению ряда генералов, в частности военного министра Милютина, император принял решение продолжать войну. Из Петербурга вызвали талантливого военачальника генерала Тотлебена и весь Гвардейский корпус. От штурма Плевны отказались, предпочтя планомерную осаду.

В последней войне с турками русская армия потеряла убитыми, умершими от ран и болезней 105 тыс. солдат и офицеров. Треть из них — жертвы Плевны.

Одной из них был Сергей Верещагин, младший из четырех братьев. Как и двое старших, Сергей был послан учиться в Морской корпус, но учился без особого интереса. Его больше тянуло к мольберту и краскам. После корпуса 21-летний Верещагин едет на Кавказ — рисовать. Однако, будучи неуверен в собственных способностях, возвращается и становится чиновником в Вологде, затем работает на сыроварнях у брата Николая. Но зов таланта пересиливает. В Париже Сергей

занимается в ателье известного мастера Жерома. На войну с турками пошел добровольцем и по просьбе брата Василия был принят ординарцем к генералу Михаилу Скобелеву. Все, кто сталкивался с Сергеем Верещагиным на войне, отмечали его безудержную смелость. «Ведь это храбрец, у него пять ран, под ним убито восемь лошадей, наградить его!» — писал императору генерал светлейший князь Суворов, потомок великого полководца. От имени царя Сергею выслали солдатский Георгиевский крест. Но сам Сергей об этом уже не узнал. Он погиб в бою под Плевной 30 августа 1877 года в неполные 32 года. Одни говорили, что был зарублен в конной атаке, другие — что сражен пулей в сердце. Как ни старался Василий Верещагин найти тело брата, ему это не удалось. А графические работы художника Сергея Верещагина сохранились.

А светлейший князь в Берлине

После падения 28 ноября взятой измором Плевны турки были деморализованы. Они и раньше-то не чувствовали себя хозяевами положения. Русский солдат дробил гранит их воинской доблести в порошок, несмотря на все особенности нашей национальной военной стратегии. А уж после Плевны армия султана посыпалась этим самым порошком со склонов Балкан к берегам Босфора.

Были звонкие сражения и до, и после падения Плевны. 22 ав-

■ Василий Верещагин. «Побежденные. Панихида по убитым»

■ Василий Верещагин. «Победители»

■ Василий Верещагин. «Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой)»

густа Скобелев красиво взял город Ловчу. 12 октября русская гвардейская пехота, залив своей и турецкой кровью подступы к деревне Горный Дубняк, почти замкнула кольцо плевенского котла. 16 октября лейб-гвардии Егерский полк грудью лег на замочек этого кольца у деревни Телиш и запер его окончательно. 23 декабря русские войска вошли в Софию, 27-го сразились с турками у местечка Шейново, 5 января пал Филиппополь. На этом собственно болгарская земля кончилась. Начиналась Византия...

8 января русские части заняли второй по величине город Османской империи, Эдирне (Адрианополь). До Константинополя оставалось 190 км, на 30 меньше, чем до систовской перевправы на Дунае, с которой все и началось.

Мир был подписан в феврале в местечке Сан-Стефано, в 20 верстах от столицы Блистательной Порты, из которой несколь-

кими неделями раньше население уже собиралось бежать. Ни победившие, ни побежденные не верили, что что-то может помешать русским войти в Константинополь. Казалось бы, вот она, мечта Екатерины Великой и поколений русских людей – рядом! Но обтрепавшиеся и голодные войска стояли в Сан-Стефано и дальше от искомой цели, в Мраморное море вошла британская боевая эскадра, демонстрируя недвусмысленное намерение помешать русским выйти к Босфору орудиями и десантом. Где-то вдалеке помалкивала как всегда недовольная, но еще не сговорившаяся до конца Европа. Выжидал даже проверенный союзник канцлер Германии князь Бисмарк. Впрочем, он-то как раз и сказал, что в создавшейся ситуации русским надо договориться с Англией, ибо она может начать войну в одиночку, в отличие от вечно ищущей союзников Австро-Венгрии.

При дворе российского императора новой войны опасались. Сан-Стефанский договор заключили наспех, используя состояние Турции. Но одобрить его европейцы не спешили. Министр иностранных дел светлейший князь Горчаков настойчиво предложил собраться в Берлине для окончательного развязывания балканского узла.

По договору Сан-Стефано полную независимость от Турции получали Сербия, Румыния и Черногория. Болгария объявлялась автономным княжеством с правом избрания собственного властителя. Турецкие военные уходили из болгарских земель, русские оставались там еще на два года. России возвращались утерянные в ходе Крымской войны территории: Карская область и земли в Бессарабии. Берлинский конгресс, состоявшийся летом 1878 года, консолидировал европейские страны. На фоне германского нейтралитета Рос-

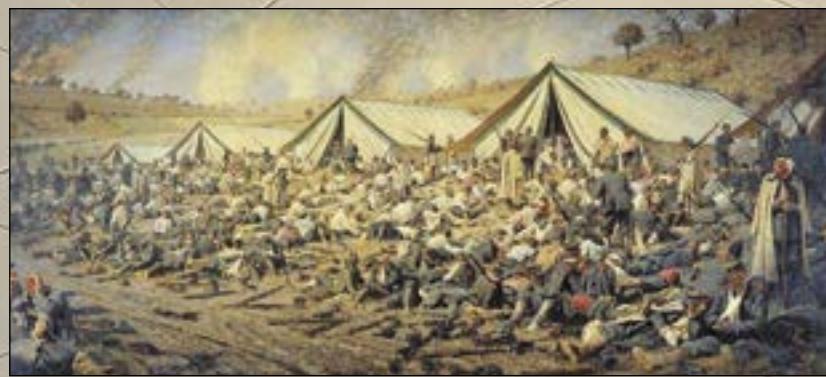

■ Василий Верещагин. «Перед атакой. Под Плевной»

Предоставлено М. Золотаревым

■ Художник
Василий Васильевич Верещагин

■ Василий Верещагин. «После атаки. Перевязочный пункт под Плевной»

■ Медаль участника
Русско-турецкой войны 1877-1878 годов

сия явно проигрывала дипломатическую войну.

По Берлинскому трактату южная часть Болгарии оставалась за Турцией в качестве провинции Восточная Румелия. Турецкие войска покидали страну, но Болгария должна была платить Порте дань. Независимая Сербия пристала территорией, но за счет Болгарии. Свободная Черногория лишилась единственного полноценного средиземноморского порта Бар. Россия получала назад земли в Бессарабии и в Закавказье, но без Баязета. В качестве компенсации независимой Румынии отходила дельта Дуная. Русская армия оставалась в Болгарии, но только на 9 месяцев. Изменились греческие границы в пользу эллинов. А вот – самое интересное. Англия получала Кипр. Австро-Венгрия имела право оккупировать Боснию и Герцеговину. И кто сегодня посмеет сказать, что тогда, летом 1878 года, в Берлине балканский узел раз-

вязали, а не наоборот – затянули крепче?

Лицейскому соученику Пушкина канцлеру Горчакову Россия обязана не только многими дипломатическими успехами, но и принципиально новой внешней политикой после 40-летней гегемонии принципа его предшественника, графа Нессельроде, «наша задача блюсти интересы династии, а не страны». Это Горчаков после Крымской войны разослал циркуляр, гласивший: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Но по окончании конгресса в Германии Горчаков написал императору: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». Похожим образом оценили работу русской делегации в Берлине и многие подданные Его Величества. Герой войны генерал Скобелев подытожил: «Черными пятнами на королях и императорах лежат войны,

предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов. Но еще ужаснее, когда народ, доведя до конца это страшное дело, остается неудовлетворенным, когда у его правителей не хватает духу воспользоваться всеми результатами войны».

Через год после конгресса 81-летний князь Александр Михайлович Горчаков фактически отошел от дел, уехал за границу на лечение и умер в Баден-Бадене в 1883 году. Прах его был перевезен в Петербург и захоронен в семейном склепе в Троице-Сергиевой Приморской пустыни.

Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев 39 лет умер в 1882 году в Москве при весьма странных обстоятельствах.

Оставалось чуть более 30 лет до рокового выстрела Гаврилы Принципа в боснийском Сараево... ■

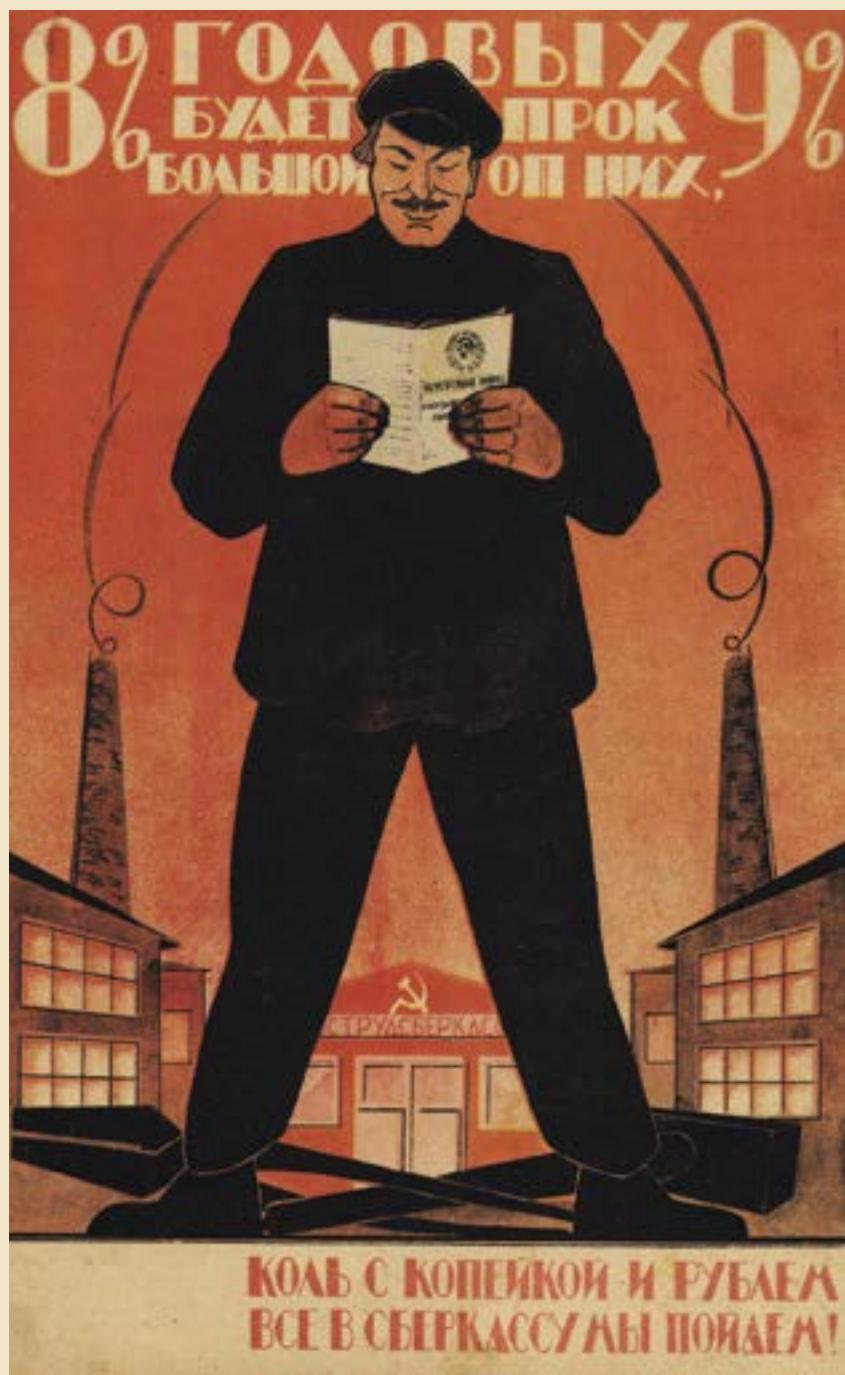
ВСЕМУ ПЕТРОГРАДУ ПУСТЬ БУДЕТ ИЗВЕСТНО

Когда работаешь с подшивками старых газет и журналов, невольно отвлекаешься на рекламу и разделы объявлений.

Пожалуй, они даже больше рассказывают о повседневной жизни, чем сами статьи: за ними вырастает живой, объемный, материальный мир, от которого уже почти совсем не осталось следов.

Первая визуальная реклама была немудреной: вывески в виде золотых кренделей или сапог, кустарные натюрморты в витринах, перечисления бакалейных и колониальных товаров. В повально неграмотной стране именно визуальная реклама была самой важной; сегодня музеи бережно хранят коллекции вывесок, манекенов, плакатов.

Печатная реклама была рассчитана на грамотного, образованного, состоятельного потребителя.

Предоставлено М. Золотаревым

Ирина ЛУКЬЯНОВА

Первые газетные объявления содержали безудержные самовосхваления портных и парикмахеров, белошвейек и мозольных операторов. Развивалось производство – развивалась и реклама, и к концу XIX века она стала шумной, яркой и навязчивой, как и положено настоящей рекламе. Журнальные и газетные рекламные объявления начала XX века обращают на себя внимание пышностью и самодовольствием: они все в завитушках и виньетках, росчерках и шрифтовых красотах. На них фигурируют щекастые малютки, дамы с роскошными прическами и мужчины с толстенькими усиками – портрет идеальной целевой аудитории, абсолютного потребителя (правда, тогда прогрессивная часть общества считала потребительство мещанством, а целевую аудиторию презрительно называла словом «обыватели»). Темы рекламы – вечные: кольдкрем,

превосходное мыло Жукова, отменный шоколад Эйнем, какао Жорж Борман, молоко Нестле для малюток, вполне заменяющее материнское... Прототип нынешней виагры – знаменитый «Спермин» аптекаря Пеля. Навеки оставшиеся в стихах Саши Черного минеральные воды со слабительным действием «Гунияди-Янос». Обычное рекламное объявление было напыщенным и забавно многословным, иногда до полного забвения падежей. Вот, например, текст из «Нивы» 1908 года:

«Мои дети теперь уже не знают, что такое золотуха и экзема, а также и я не имею на лице ни одного прыщика, и только потому, что постоянно умываемся Мылом на рыбьем жиру Леопольда Столкина, С успехом заменяющее и туалетное мыло, как своим ароматом, так и обильной пеной».

В том же номере рекламируются:

«Д-ра Шиндлер-Бамай «Мариенбадский Редукционные пилюли против ОЖИРЕНИЯ и отличное слабительное средство. Настоящая упаковка в коробке красного цвета с описанием

способа употребления: продажа во всех аптеках и аптекарских магазинах».

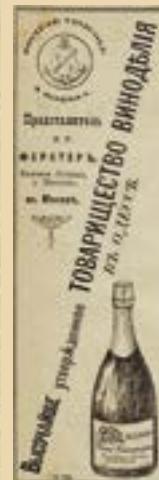
Реклама хвасталась качеством: «Безусловное ручательство за высшую прочность», «Под августейшим покровительством». Старательно описывала «настоящие упаковки» с золотой нитью, шелковой кисточкой, из натуральной кожи с тиснением, с гофрированной бумагой. Грозно предупреждала: «Остерегайтесь подделок!» Этот и некоторые другие рекламные слоганы – в первую очередь «я был лысым» с рекламы средства для роста волос и «нет более геморроя» – уцелели в русском языке до сего дня. Конечно, обыватель и тогда был больше всего на свете озабочен лишним жиром, геморроем, плохим цветом лица, дурным пищеварением и кривым носом. Исправлению недостатков внешности посвящена львиная доля тогдашней рекламы. Среди них – уморительный, похожий на намордник «формовщик носов» («Целло», патентов., вновь усовершенств. конструкции,

Возрастающий съ каждымъ днемъ успѣхъ **Перуина-Пета** — лучшее доказательство, что онъ единственное средство для рожеія волосъ. **Перуин-Пета** продаётся вездѣ по 1 р. 75 к. флак.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!

чтобы у горячих фланцев было бы достаточно наружных волнистых втулок и втулок для избежания изгиба. Р. Г. Пето. Всё осталось без изменений и без этого стало возможным. Остальной склад: Базар Марок, СИЕ, Нескай и т. д. и т. п.

УХОДЪ ЗА КРАСОТОЮ
Генрихъ СИМОНСА изъ Берлинѣ,
МАССАЖНЫЕ АППАРАТЫ съ
вращающимися вѣнцами и космети-
ческія средства.

Единственные представители для всей России

РОССИЯ

При каждомъ аппаратѣ объяснятель-
ная книга Д-ра медицины **БЕРТМАНА**.
НАСТОЯЩИЕ аппараты ТОЛЬКО
СЪ КЛЕПМОМЪ на оборотѣ
S-іе A. RALLE & C-іе

Г. СИМОНСЪ, Берлинъ

исправл. всяк. некрас. форму носа (за исключ. костн. дефект.). Одев. на ночь») и, разумеется, утягивающие корсеты на китовом усе. А вот чем радовала читателя газета «Свободные мысли» в феврале 1908 года:

«Y Bac

Безобразные, торчащия уши?

Безобразная торчащая уши при-
дают, без сомнения даже самому
красивому, самому умному выра-
зительному лицу несколько нелепое
выражение. Наушники «Здравый смысл», которые Вы може-
те носить ночью, не вынося Вашей
тайны за пределы Вашей комнаты,
исправляют этот недостаток тай-
но и безболезненно, придавая ушам
естественно-симметричную форму.

Высылаются в плоской упаковке с подробными указаниями как носить, наложенным платежом за Руб. 5.

Адр: Всеобщая экспортная контора, С-Петербург, Невский 58, кв. 24-Е».

Новинки театра и кинематографа, журналы для детского чтения, соки и воды, не

знающие сноса галоши «Треугольник» и печатные машины «Ундервуд» – вся эта цивилизация разом ушла на дно с революцией, закрытием большинства изданий – и централизацией рекламы и частных объявлений в руках власти.

Случайно продаются

Несколько лет прошли в темноте, голоде и холода. Какая тут реклама! Разве что редкие частные объявления в уцелевших и жестко цензурируемых изданиях: продажа вещей, поиск исчезнувших родственников, извещения об изданных брошюрах, публичных лекциях и диспутах... Рекламировать нечего: ничего и нет. Тотальный дефицит товаров, полная неплатежеспособность населения, строжайший идеологический контроль, войны, разруха. Разве что — а вот кому сюртук хорошего сукна, почти неношеный, меняю на муку... Да и то — молча стояли, молча уходили, не продав, не поменяв.

Газета «Жизнь искусства» в январе 1919 года рассказывала голодному и оборванному, но не желающему личить интеллигентному читателю, что в «Привале комедиантов» – новая программа «Кабарэ», что в коммунальных театрах утром идет для детей «Евгений Онегин», а вечером – «Галька» для красноармейцев и матросов, в «Гротеске» – танго и тирольские песни, а в «Паризиане» – «Сатана ликующий»... А Народный дом извещал, что провел дезинфекцию театральных костюмов газоформалином: завшивели.

С началом нэпа оживился и отоцавший обыватель. В 1922 году «Петроградская правда» запестрела объявлениями о продаже квартир с мебелью «по случаю отъезда» и старых вещей. **«Каракулевое пальто, скунсовый воротник и скунсовая муфта малодержан. случайно продаются. Видеть от 12 до 6 ч.»**. Появилось платежеспособное население: «Куплю франц. спальню с 1 шир. крв. Тут же прод. неб. элег. дуб.

Предоставлено М. Золотаревым

столовая и требуется квартира 3-4 к. в 2-3 эт. со вс. удобств. в центре». А платежеспособному населению нужна была роскошь: «Всему Петрограду пусть будет известно, что лучшую заграничную парфюмерию и косметику, а также излюбленные публикой духи: Л'ОРИГАН — Коти, КЕЛЬК ФЛЕР — Губигана, ФЛЕР Д'Амур — Роже Галле, РЮИ ДЕ ЛЯ ПЭ — Герлена на вес можно получить только в парфюмерном магазине — Невский, 72 (против Троицкой)». Для него появились новые услуги: «Учу управлять автомобилем «Форд» ввиду прибытия их из Америки» — и вынырнули из небытия старые: «Дамский портной сущ. с 1889 г. Хиркес переех. и возобн. прием заказов», «вальс в 1 урок, мазурку в 3 урока».

Впрочем, новая шикарная жизнь была не всем по карману, а внезапное появление товаров, казавшееся после нескольких лет нищеты настоящим изобилием, вводило в соблазны, помрачало умы и порождало массовые газетные объявления следующего рода: «Слу-

жащий Конторы Уполномоченного Северным отделением «ОРА» Н.Д. Корнилова Помзавраб на топскладах 4-го участка Северо-Западной железной дороги Феоктистов Владимир Иванович 16-го июля с.г. скрылся, растратив полтора миллиарда рублей, предназначенных для расплаты с рабочими. Телеграммы о его задержании в Уголовный Розыск результаты не дали. Просьба ко всем учреждениям и частным лицам, знающим его местонахождение, сообщите по адресу Пр. 25 октября, 92, кв. 2».

Тем временем в эмиграции жизнь текла своим чередом. В Берлине кадетский «Руль» публиковал объявления о покупке и продаже «картин первоклассных русских художников», персидских ковров и бриллиантов, «Голос России» – рекламу мехового магазина. Их аудитория – аристократия, крупные и средние предприниматели, адвокаты, политики, финансисты, военные – резко отличалась от читателей сменовеховской газеты «Накануне» (с «Рулём» и

«Голосом России» враждовавшей). Ее отдел объявлений публиковал объявления студентов-репетиторов, ищащих работы дам со знанием «хор анг. фр. нем. пиш. маш.», рекламировал «лампы и всякого рода стеклянные изделия», «полное оборудование прядилен и ткацких» и убойную штукку — «пистолет-огнестрелитель»: «При нападении и пожаре имейте «Wolf» под руками. Всегда готов к действию, удобен и никогда не дает осечки». А парижские «Последние известия» рекламировали врачей, юристов, богословские курсы и «посылки в Россию — мединструменты и продовольствие».

Главширпотреб реализует

Считается, что рекламы в 20-е почти не было, если не считать Родченко и Маяковского с его «лучшими сосками» и Моссельпромом. В самом деле – визуальная реклама почти уступила место плакатам-агиткам. А вот газетная потихоньку оживилась, хотя теперь обходилась без той

|| Крем Снегинка ||

ВЪ ПИТАНИИ СИЛА

КАКАО

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

пышности и завитушек – объявления стали небольшими и скромными. В один день 1925 года, например, в «Правде» «Культ Объединение Госкино» объявило, что «выпуск первой в СССР научно-художественной фильмы «Аборт» на днях пойдет в лучших кинотеатрах Москвы», «в магазинах синдишнейпрома к октябрьским праздникам назначена распродажа с громадной скидкой», а в Государственном пищевом тресте «имеется свежее варенье из ягод нынешнего сбора». Газета рекламировала «полную библиотеку для избы-читальни», «лучший крестьянский журнал «Новая деревня» и журнал «В помощь самообразованию», Ленинградский Дом книги с «огромным выбором литератур по всем отраслям знания», обувь кустарного производства, «Европейскую гостиницу»:

лифты, первоклассный ресторанный отдел частных объявлений продавали ломовых лошадей и рекламировались гинекологи и зуботехнические лаборатории. В «Большевике» Госпромцветмет предлагал «домашнюю посуду алюминиевую, медную и мельхиоровую, самовары, горелки, примусы и лампы»...

На рубеже 20-30-х годов главным предметом популяризации была политика партии в области коллективизации. «Комсомольская правда» в январе 1930-го рекламировала **«новый руководящий журнал по работе пионерской организации в деревне «Деревенский вожатый»** (в номере – пионеры на колхозной стройке, пионеры в районе сплошной коллективизации, отряд ленинской коммуны перестраивается, пионеры

в борьбе за хлопок, борьба с бузотерами).

Обильно публиковались объявления о новых книгах и брошюрах, посвященных Магнитстрою, Днепрострою и прочим стройкам коммунизма. Кинотеатры зазывали к себе. В первом комсомольском кинотеатре «Юнгштурм» шел **«Бегствующий остров»** – **«в фойе оркестр, читальня, шашки»**. В «Первом художественном Совкинотеатре» – заграничная картина **«Ревность»**, в «Колоссе» – американский **«Ночной крик»**. Главпрофобр приглашал рабочих учиться кузнечному, литеиному, токарному и прочему делу на курсах при Ломоносовском институте. В отделах частных объявлений комсомольцы отмежевывались от родителей-кулаков.

К 1933 году, завершению «великого перелома» и упрочению сталинского социализма, реклама и объявления в газетах становятся скучнее и обыденнее. В апреле частные объявления в «Вечерней Красной газете» извещали о продаже баяна венского, пишущей машинки «Ундервуд» и «мотора лодочного навесного». Самое трогательное – «**пристали два поросенка**». Самое обыденное – «**Математика высшая и элементарная к зачетам срочно готовит преподаватель втуза**», «**Комната ищет одинокий инженер**». Книжные серии, самообразование, оборудование для расширяющего производства, помощь армии и флоту, продукция артелей кустарей.

Включенная в путеводитель по Москве за 1935 год реклама имеет стандартный советский

облик: строгие буквы, никаких излишеств, даже шрифты проще и строже, чем в конце 20-х. Текст, адрес, телефон. Разве что реклама продуктов легкой и пищевой промышленности сопровождается вечно одинаковыми картинками: счастливая хозяйка с кастрюлей, щекастый малыш. Строймеханизация разрабатывает проекты и выполняет строительно-монтажные работы (а Мосгортепло – санитарно-технические), книжные магазины предлагают учебно-наглядные пособия, Главширпотреб реализует клавишно-счетные машины, арифмометры, швейные машины, мотоциклы, патефоны и часы. Витаминпромбюро рекламирует витамины С и Д, а Главмясо – бульонные кубики. Показательный магазин «Фрукты Узбекистана» про-

дает виноградные вина, «Фотоювелир» обещает ювелирные и граверные работы, Аэрофлот с привычным логотипом в виде крылатого серпа-молота зовет в полеты по СССР.

А дальше – с перерывом на войну и политические бури – все было почти одинаково. До самой перестройки и нового всплеска рекламной активности. ■

ПУПЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

К Синь-камню на Плещеевом озере народная тропа не зарастает – кто-то приходит просто из любопытства, другие же верят в его лечебные свойства. Местные бабули говорят, что если прислониться к камню больным местом, то боль уйдет. Третьи утверждают, что если написать свое имя на Синь-камне, то станешь богат.

Владимир ТИХОМИРОВ

Желающих проверить эти приметы много, а потому Синь-камень, привнесенный в Ярославскую область древним ледником, весь испещрен надписями типа: «Здесь были Вадя и Никитос».

«Синий камень – это древнее культовое место, – говорит историк Юлия Никитина из Переславль-Залесского историко-архитектурного музея-заповедника. – Когда-то Синий камень стоял на соседней Александровой горе, где было языческое капище и где приносили жертвы как мерянские племена, так и славяне. Кстати, по одной из гипотез, славяне верили, что этот камень – сердце бога весны Ярилы, и от названия капища происходит и старое название горы – Ярилина плещь».

Но знаменит Синь-камень вовсе не своим языческим прошлым. Согласно народной молве, этот валун якобы может самостоятельно перемещаться с места на место. Говорят, после Крещения Руси этот камень был сброшен с горы, а на месте капища построили часовню. Когда часовню сожгли отряды хана Тохтамыша, местные жители снова стали поклоняться камню. В XVI веке Синь-камень по указу царя Василия Шуйского о борьбе с языческими пережитками был зарыт в землю, но через двести лет валун снова оказался на берегу озера. Потом его утопили в самом озере, но камень снова непонятным образом «выполз» на сушу. Впрочем, ученые говорят, что ничего непонятного тут нет: просто

берега озера, подмываемые водой, периодически меняют свои очертания, вот валун и «ходит» с места на место. Однако эти простые объяснения не устраивают любопытных, которые верят, что Синь-камень хочет вернуться на свое законное место на горе.

Роман с камнем

Всего на севере России таких культовых камней насчитывается свыше четырехсот. Полную перепись почитаемых валунов провели сотрудники Отделения фольклора Санкт-Петербургского института истории искусств РАН.

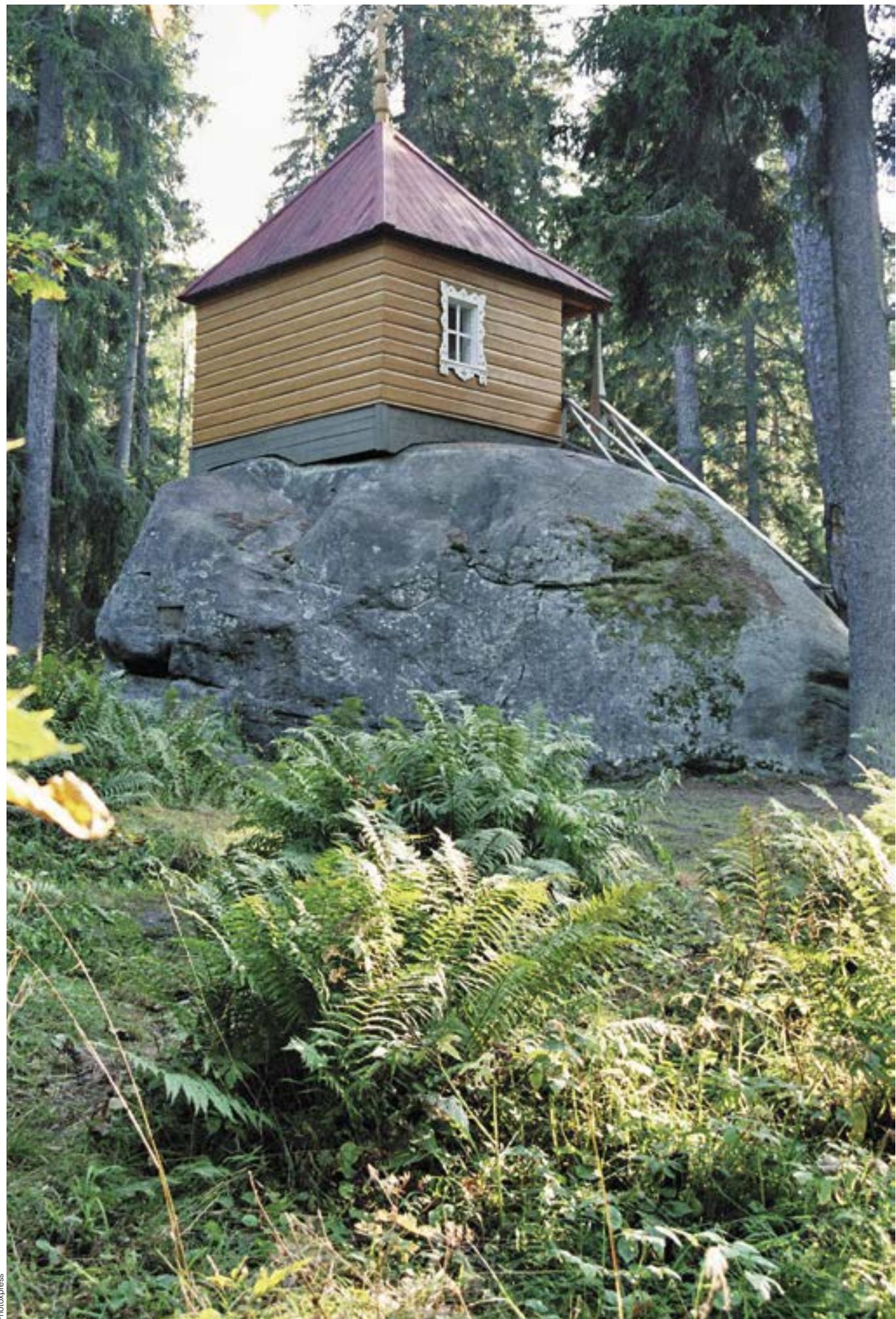
«Далеко не каждый большой камень мог считаться обрядовым, – говорит автор исследования Валентин Виноградов. – Во-первых, почитаемый камень должен был привлекать внимание особенностями своего внешнего вида, как естественными, так и искусственными. Например, формой: бывают камни круглые, кубические, продолговатые, конические. Или наличием особых характеристик: отверстий, следов обработки или «следков» – выемок в камне, похожих на следы ног...»

Работа по составлению перечня почитаемых мест была долгой и кропотливой: впервые фольклористы заинтересовались такими камнями лет семь-восемь назад. Первые результаты были представлены на Международной конференции по изучению традиционной культуры Русского Севера в музее-заповеднике «Кижи». Этот форум фольклористов и этнографов, названный в честь выдающегося сказителя Трофима Григорьевича Рябинина, основоположника целой ди-

настии сказителей русских былин, является, пожалуй, самой представительной конференцией в России среди этнографов.

«Так что мы получили весьма громкий резонанс, – говорит профессор Виктор Лапин, руководитель отделения фольклора Института истории искусств. – До того, как был составлен этот перечень, мы очень слабо представляли себе ритм и структуру духовной жизни древнерусского общества. Мы знали: да, вот есть храмы, есть святые места, но мы и понятия не имели, что «сеть» этих «святых мест» была такой плотной и пульсирующей. Ведь люди по особым праздникам ходили от одного почитаемого места – родника или камня – к другому, это была яркая и живая народная религия. Так что, думаю, наша работа может подвигнуть и других этнографов в других регионах России на составление таких же перечней, ведь подобные культовые камни есть везде».

Почитание камней берет свое начало в глубокой древности, когда в Европе только-только появились кочевые племена наших предков – индоевропейцев. Первое историческое свидетельство о камне-«следовике» принадлежит перу Геродота, который писал: «В скале у реки Тираса местные жители показывают отпечаток ступни Геракла, похожий на след человеческой ноги длиной в два локтя». Также греки почитали камень Омфал – «пуп земли», установленный Зевсом в центре мира. У римлян тоже был свой обряд поклонения священным камням – например, во время засухи жрецы-понтифики несли через весь город к храму Юпитера Гро-

Photoxpress

■ Антониево-Дымский монастырь. После молебна мужчины уходят на трапезу, а женщины трижды оплывают священный камень с крестом

мовержца на Капитолии специальный «Дождевой камень» (*lapis manalis*), имевший форму кружки, из которой по каплям выпускали воду. В библейской традиции камень занимал весьма почетное место, олицетворяя собой твердость веры. А первые христиане именовали себя «живыми камнями», вспоминая слова Спасителя, обращенные к апостолу Петру: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее».

Культ камней был развит и в средневековой Европе. Недаром король франков Карл Великий приказал разбить все культовые камни, а самих камнепоклонников – повесить. Но кое-где фетишизация камней сохранилась и до наших дней, к примеру в деревнях Норвегии существует обычай по праздникам купаться особые круглые камни в пиве, дабы они послали в дом счастье и достаток. А вот в Ирландии хозяйки по праздникам заворачивают эти «домашние» камни в полотенца и выставляют их на окно – на всеобщее поклонение.

С камнем – у Христа за пазухой

В России православные миссионеры пытались обратить почитание камней себе на пользу. Так, на Ладожском озере есть остров Коневец, на котором стоит Конь-камень – огромный валун серого гранита высотой 4 метра и весом 750 тонн. Когда-то Конь-камень был центром славянского капища, где богам приносили в жертву лошадей – от этого и произошло название валуна и самого острова. Но в конце XIV века сюда пришел преподобный монах Арсений, уроженец Новгорода Великого, которому было видение, что он должен основать в этом «бесовском месте» монастырь во имя Богородицы. Совершив крестный ход вокруг Конь-камня, Арсений окропил его святой водой. Местные рассказывают, что духи тут же вышли из камня и, обернувшись черными воронами, улетели к противоположному берегу Ладоги, который стал с той поры именоваться Чертовой бухтой. Вместе с духами, как гласит предание, исчезли и змеи: Коневец – это единственный остров

на Ладоге, где нет змей. В память о победе христианства над темными языческими духами на вершине камня послушники нового монастыря поставили небольшую деревянную часовню.

Впрочем, и другие миссионеры православной церкви старались не рубить с плеча языческие верования, а «крестили» их вместе с паствой. Так, можно вспомнить подвижника Антония Тихвинского, прославившегося в начале XIII века. Как рассказывает предание, на берегу Дымского озера Антоний нашел большой камень-валун, лежавший на дне, причем верх камня был вровень с водой. Когда вода поднималась – камень исчезал под водой, когда опускалась – камень вновь показывался. Антоний приплывал к камню на лодке и подолгу молился на нем среди глади вод. В конце концов, окрестные язычники, впечатленные рвением монаха, приняли христианство, а камень этот стал основанием Дымского монастыря.

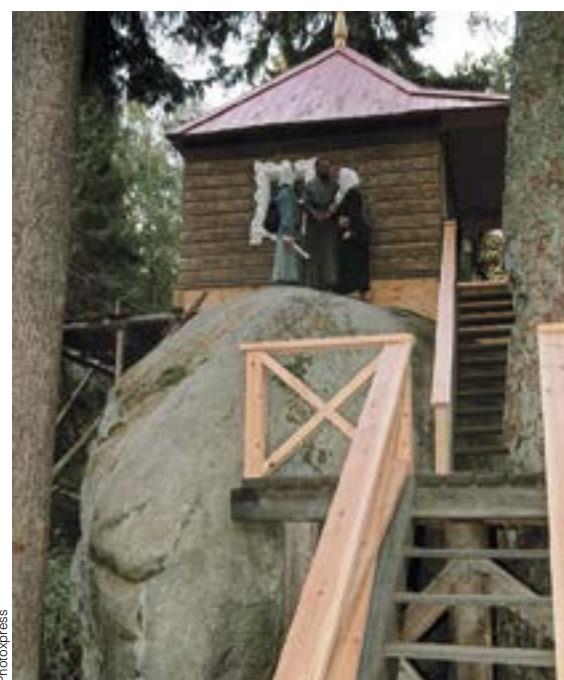
Примером Антония воспользовался и подвижник Тихон Ме-

■ Нижегородская область. Камень, прозванный в народе Большим Медведем. По преданию, на нем молился Серафим Саровский

■ Нижегородская область. Памятник Серафиму Саровскому

■ Конь-камень на острове Коневец. По преданию, язычники, пасшие на острове лошадей, ежегодно приносили коня в жертву темным силам, обитавшим под огромным гранитным валуном

■ Синь-камень на берегу Плещеева озера

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ КАМНИ МИРА

Photos/Alamy

Камень Скона, Эдинбург (Шотландия)

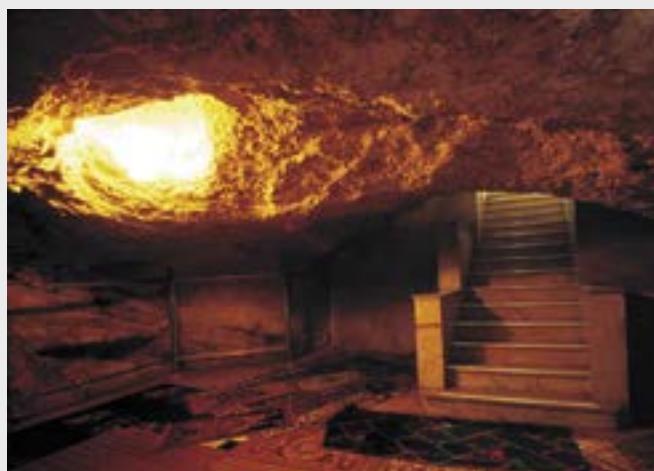
Коронационный камень-трон шотландских королей. В 1296 году Камень Скона захватил английский король Эдуард I, и с тех пор камень лежал под троном в Вестминстерском аббатстве. В 1951 году англичане вернули камень шотландцам.

Photos/Alamy

Омфал, Дельфы (Греция)

Омфал – это тот самый «пуп земли», камень в центре мироздания, который обозначил сам Зевс. До сих пор этот камень хранится в храме Дельфийского оракула, вернее, в археологическом музее.

Photos/Alamy

FotoBank/Top Photo

Краеугольный камень, Иерусалим (Израиль)

По преданию, этот камень, с которого Господь начал сотворение Земли, находится в центре Храмовой горы. Именно на этот камень якобы стекала кровь животных, которых приносили в жертву на алтаре Первого иудейского храма.

Камень Будды, Кушинара (Индия)

Когда основателю буддизма Сиддхартхе Гаутаме Шакьямуни пришло время погрузиться в нирвану, он встал на камень и обратился лицом к югу. Отпечаток его стопы остался на камне как свидетельство его пребывания на земле, а сам камень хранится в храме городка Кушинара на севере Индии.

КАМНИ ПОЧИТАЮТ НЕ ТОЛЬКО В РОССИИ. ВОТ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО ПРИМЕРОВ САМЫХ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ, К КОТОРЫМ НЕ ИССЯКАЕТ ПОТОК ТУРИСТОВ ИЗ ВСЕХ СТРАН МИРА.

Photos/Alamy

Камень короля Артура, Корнуолл (Англия)

В западной части Корнуолла стоит тот самый камень, из которого король Артур якобы и вытащил свой волшебный меч Эскалибур. По крайней мере, так утверждают все местные жители.

Photos/Alamy

Лия Файл, Дублин (Ирландия)

Один из четырех талисманов племени богини Дану. По легенде, возле этого каменного столба проходили коронации кельтов – когда на голову истинного короля Ирландии возлагали корону, камень издавал возглас одобрения.

Из архива

Photos/Alamy

Камень Одина, Стенхауз (Оркнейские острова)

Камень с круглым отверстием, через которое по древней традиции соединяли свои руки молодожены после заключения брака.

Целовальный камень, замок Бларни (Ирландия)

По одной из легенд, этот камень был вывезен из Святой земли в крестовом походе, и любому, кто его поцелует, будет дарован дар красноречия и обольщения противоположного пола.

■ Нижегородская область. Паломники лежат на камне, прозванном в народе Малым Медведем, в надежде обрести исцеление. По преданию, на нем молился Серафим Саровский

дынский, проповедовавший в XV веке в Калужской губернии. Он не только молился на языческом камне возле священного родника, но и в качестве монашеской кельи выбрал себе дупло огромного дуба, к которому крестьяне-язычники приносили свои жертвы. Уже в начале XIX столетия такой же духовный подвиг повторил Серафим Саровский (в миру Прохор Исидорович Мошнин), один из наиболее почитаемых святых Русской православной церкви, молившийся на камне 1000 дней и ночей.

А в Великом Новгороде случилась и вовсе удивительная история. Если вы побываете в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, то в западном притворе храма вам обязательно покажут камень святого Антония Римлянина, первого игумена монастыря. По преданию, Антоний Римлянин родился в Италии в самом начале XI века в семье знатных подданных Византии, державшихся православного исповедания. В юности он потерял родителей и решил принять монашество в одном пустынном скиту, где он прожил 20 лет. Но «гонения со стороны латинян на православных принудили братию разойтись, – говорит автор жития святого. – Преподобный Антоний скитался, переходя с места на ме-

сто, пока не нашел на пустынном берегу моря большой камень, на котором целый год прожил в посте и молитве. Страшная буря, разыгравшаяся 5 сентября 1105 года, сорвала камень, на котором находился преподобный Антоний, и понесла его в море...» Но Господь спас Антония и перенес его вместе с камнем на берега Волхова, в трех верстах от Новгорода. В честь этого события новгородский епископ Никита дал Антонию землю для основания монастыря, о чем сохранилась запись в Новгородской летописи от 1117 года: «Игумен Антон заложи церковь камяну, святая Богородица монастырь».

Иногда священные камни и вовсе заменяли собой церковь, как это произошло в селе Колмыково под Новгородом Великим, где большевики взорвали все церкви. Тогда жители стали собираться на молитву возле Камня Богородицы: рассказывают, что когда-то давно на этом камне явилась чудотворная икона Богородицы, и в честь этого события еще в XVIII веке к камню стали организовывать по праздникам крестный ход из деревенской часовни. В 60-е годы XX века в стране поднялась вторая волна гонений на церковь, и в Колмыково приехали комсомольцы, которые взорва-

■ Ленинградская область. Монах Коневецкого Рождество-Богородичного мужского монастыря

ли почитаемый камень динамитом – в рамках искоренения «религиозного дурмана». Но колмыковские бабушки бережно собирали все осколки и сложили их в пирамидку, а наверху поставили крестик. В итоге безбожники добились прямо противоположного результата – к каменной пирамидке стали приезжать паломники со всей области, в щели между камнями стали засовывать записки, цветы, куски пирогов – кто что принесет.

Примерно такая же история произошла и на Волыни, в Свято-Успенской Почаевской лавре, где как святыню чтут камень «следовик» с отпечатком стопы Богородицы. Согласно легенде, в 1240 году на Лаврскую гору подвижникам явилась Богоматерь и ступила своей ногой на камень, из-под которого позже забил целебный источник. Большевики попытались было взорвать и этот камень, но безуспешно. А поток паломников к Камню Богородицы только увеличился.

След беса

Впрочем, далеко не все языческие камни приняли новую веру, и на Руси осталось довольно много «бесовских» мест. Так, жители карельской деревни Андрушово до сих пор хранят легенду о

валуне с отпечатком копыта бе-са, который во время пожара монастыря выскоцил из него и горячей конечностью оставил свой след на камне. А в Тульской области рассказывают легенды о «чертовых» камнях Баш и Башиха и о наказаниях, которые они насылали на людей, пытавшихся убрать их: поля не плодородили, животные умирали, люди беднели. Священники отказались кропить эти камни святой водой, а селяне не распахивали землю вокруг них. В Дмитровском районе Московской области и сегодня пользуется почитанием большой камень-валун, который лежит в Шутовом лесу на берегу реки Кимерши. Русский историк Василий Татищев, ссылаясь на Иоакимовскую летопись, писал, что будто бы этот камень сам приплыл по реке Кимерше в день Ивана Купалы и даже выбрал место, где ему лежать. К этому камню испокон веков приносили тяжелобольных детей, обливали камень водой из ручья, а потом собирали воду, скопившуюся в «следках», и обмывали этой водой ребенка. После этого на детей надевали новое белье, а старое развесивали на окружающих деревьях. Считалось, что, если ребенку суждено жить, он сразу после омовения пойдет на поправку, а если суждено умереть, то быстро захнет. К почитанию таких «святых камней» православные священники относятся очень осторожно:

«Камнепочитание, сохранившееся частично в наши дни, это не что иное, как пережиток древнего культа, и никакого отношения к христианству оно не имеет, – заявили нам в пресс-службе Ярославской епархии, на чьей территории находится упомянутый выше Синь-камень. – Конечно, церковь не может приветствовать ажиотаж, который создается вокруг этого валуна, а поэтому мы учим и просвещаем граждан о единобожии, говорим им о том, что поклонение неодушевленным предметам недопустимо для православия».

Время охранять камни

На «перепись камней» ученых Института истории искусств РАН подвиг не только научный инте-

рес. Дело в том, что все эти языческие символы сегодня практически разрушены, и вовсе не «воинствующими безбожниками», а самыми обычными туристами и камнепоклонниками. Например, в критическом состоянии находятся многие культовые камни-сейды в Карелии, на побережье Белого моря, а знаменитый «Кандалакшский лабиринт» из камней на юге Мурманской области был и вовсе унесен туристами по камушку! На скалах с петроглифами – рисунками и надписями каменного века – появились новые «автографы» современников. Похожая беда творится и на Алтае: местные жители уничтожают петрографический комплекс Калбак-Таш, где находится более трех тысяч рисунков на камне. И это не просто вандализм – наскальные рисунки скальваются с целью банальной продажи заезжим туристам, и уже, по оценкам республиканского краеведческого музея, около трети петроглифов безвозвратно погибло. Но на то, чтобы выставить на скалы охрану, у музея нет денег.

Впрочем, уничтожение археологических памятников – это не только российская проблема. Не так давно вопросы сохранности культовых камней стали главной темой и Международного сим-

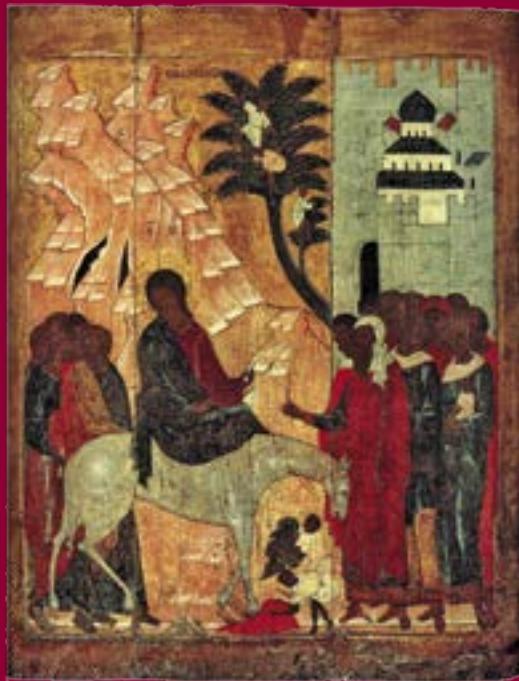
позиума Фонда всемирного наследия World Heritage ЮНЕСКО в итальянском городке Валь-Камоника. Место проведения симпозиума неслучайно: именно в этой долине Ломбардии находится крупнейшее в Европе собрание культовых камней, до которых не смогла дотянуться рука короля франков Карла Великого. Зато в уничтожении культовых камней преуспели нынешние туристы, буквально растаскивающие валуны по кусочкам. И поэтому ученые всех стран намерены требовать от ЮНЕСКО существенного расширения списка объектов природного и исторического наследия.

Россия сегодня представлена в Списке World Heritage 13 культурными и 8 природными объектами. Еще с десяток объектов дожидается своей очереди, например Валдай и красноярский заповедник «Столбы», а вот о необходимости защищать от вандализма менее масштабные объекты речи вообще не идет. Но профессор Виктор Лапин не унывает: «Кто знает, может быть, наше исследование и поможет защитить памятники культуры и истории. Ведь чудеса с камнями действительно случаются». ■

■ Н.К. Рерих. «Белый камень (Знак Чинтамани или Конь счастья)»

СЕМЬ ДОЛГИХ И СВЕТЛЫХ НЕДЕЛЬ

Отшумела Масленица, доедены блины. Пришел Великий пост. Рестораны включают в меню постные бизнес-ланчи, хозяйки задумываются, чем кормить гостей, из которых половина постится, а половина – нет. А в храмах звонят по-особому, тихо и грустно, и свет приглушен, и пение печально. В церкви наступает время сосредоточенности и чистоты, а не усиленной диеты.

Анна ГАМАЛОВА

Иван Шмелев вспоминает в «Лете Господнем»: в первый день поста, Чистый понедельник, по комнатам ходили с тазом, где лежал горячий кирпич и мята, и поливали кирпич уксусом – выкуривали масленничный дух. В понедельник шли в баню, одевались в старое, затрапезное. Дома убирали ковры и занавески, богатую посуду – оставляли старую, щербатую. Перед иконами зажигали «постную» лампаду – простого стекла.

Но Шмелев даже и тихие, скромные дни поста ухитряется описать радостно и красочно: «Зачем скромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые

баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то «коливо»! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение, с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая «рязань»... а «грешники», с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теллою пустотой внутри!...

Постный рынок в шмелевском

описании роскошен и прекрасен, щедр и изобилен. Писатель Василий Никифоров-Волгин, не такой именитый, но известный среди православных своими подробными воспоминаниями о дореволюционном быте верующей семьи, писал, что в Чистый понедельник обед был «необычайный»: «Редька, грибная похлебка, гречневая каша без масла и чай яблочный. Перед тем как сесть за стол, долго крестились перед иконами». А вот семья в его рассказе идет вечером в церковь, где читают Великий канон Андрея Критского: «В храме полумрак. На середине стоит аналой в черной ризе, и на нем большая старая книга. Много бого molыцев, но их почти не слышино, и все похожи на тихие деревца в вечернем саду. От скучного освещения лики святых стали глубже и строже. Полумрак вздрогнул от возгласа священника, тоже какого-то далекого, окутанного глубиной. На клиросе запели –

тихо-тихо и до того печально, что защемило в сердце: «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение: сей мой Бог, и прославлю Его, Бог Отца моего, и вознесу Его, славно бо прославися...»

К аналою подошел священник, зажег свечу и начал читать Великий канон Андрея Критского: «Откуду начну плакати окаянного моего жития деяний; кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление».

После каждого прочитанного стиха хор вторит батюшке: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Недаром желающим понять смысл церковного поста советуют сходить в церковь не в воскресенье, когда служится литургия, а в великопостные будни. В первую неделю (по-церковному «седмицу») поста с понедельника по четверг читают Покаянный канон – в темноте, в тишине, при свечах. Ни торжественного пения, ни золоченых риз – только тьма греха и свет веры, и ты один на один с Богом. Через весь огромный канон проходит главная мысль: я согрешил, больше всех согрешил Тебе, Господи, но Ты будь милосерден ко мне.

Покаяние – это начистоту и, по большому счету, без всяких оправданий – мол, slab был, вынудили, ну как с ними не согрешишь? В стороне оставлены счеты – а не согрешил ли кто больше меня? В свою душу человек всматривается Великим постом.

Как говорила Гамлету мать-королева, в ужасе от себя самой: «Ты повернул глаза зрачками в душу, / А там повсюду пятна черноты, / И их ничем не смыть!» От этой адской черноты и тьмы человек бежит к Богу за помощью: кто еще может смыть пятна, простить грешника, очистить и утешить. Потому и читается постом молитва Ефрема Сирин – та самая, которую Пушкин перефразировал в своем знаменитом стихотворении «Отцы-пустынники и жены непорочны». Молитва совсем короткая: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпе-

ния и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зреши мои прегрешения и не осуди брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Но в ней – все самое главное сказано: человек просит у Бога помощи – потому что сам не может справиться с «праздностью, унынием, любоначалием и празднословием» – с ленью и откладыванием важных дел на потом, с вялостью и депрессией, с разочарованием и тоской... с любовью поучать, командовать и давать советы, с бессмысленным пустословием... с сидением в Интернете, скучливым слонянием по «Одноклассникам», с криками на домашних... жизненно все, жизненно до сих пор, да-да... И лекарства, вечные во все времена: чистота, собранность, смирение, терпение и любовь. Готовность видеть свои грехи и не осуждать чужие.

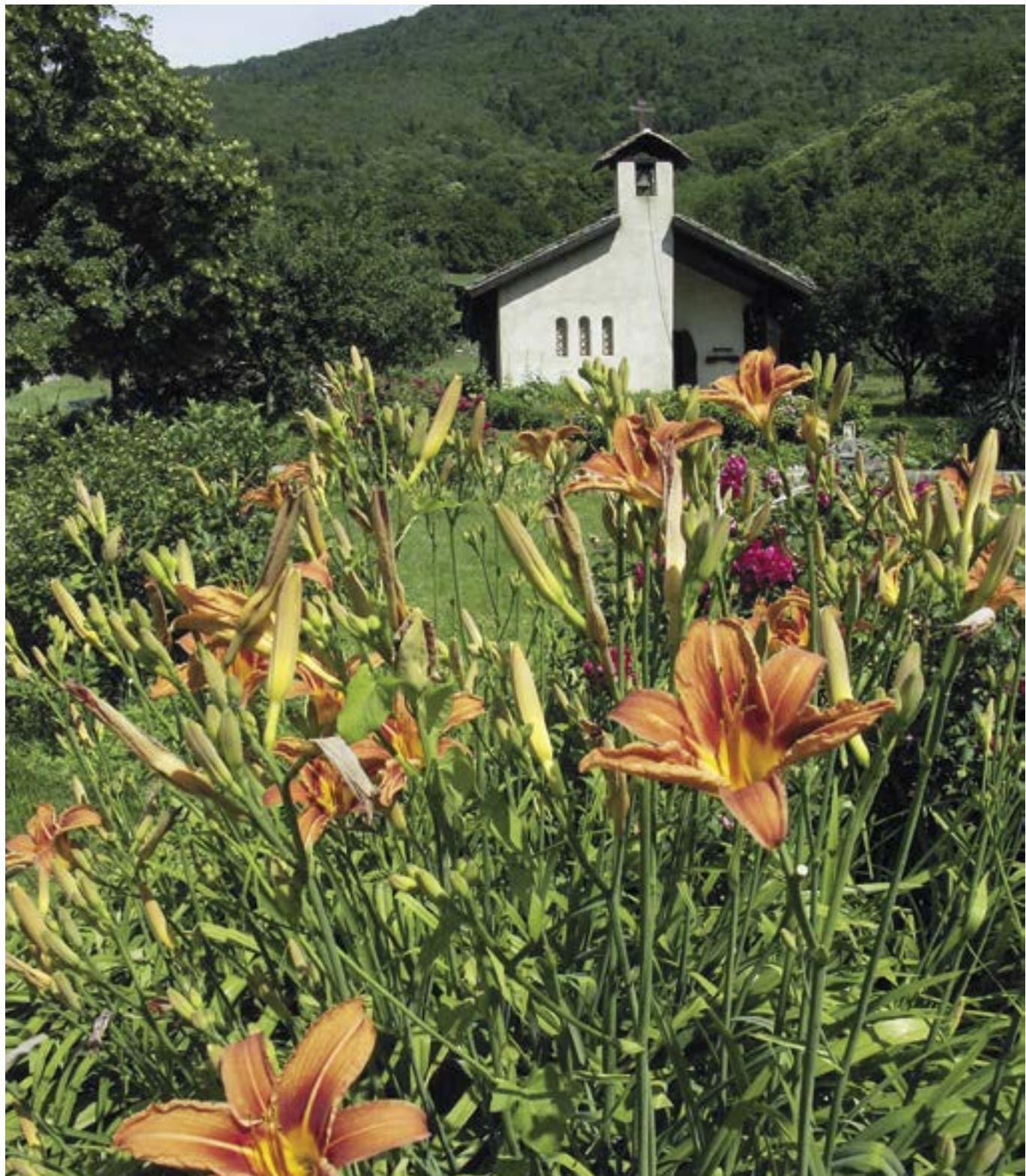
Великий пост – время генуборки в душе. Когда дома генуборка, ходят в старой одежде, изысков не готовят, гостей не зовут, по телефону часами не болтают – не до того. Потому и прекращались раньше на это время балы, пиры, званные обеды и хождение по театрам, что не до того. Чтобы не отвлекаться, не рассеиваться на пустяки, не терять эту редкую, трудно дающуюся сосредоточенность и самоуглубленность, не растрясать деятельность светлую печаль в шуме и лишних разговорах. Это не запрет, не навязанный отказ от вкусного и интересного – оно само становится неважным. Великий пост – это воспоминание о сорокадневном посте Христа в пустыне, соучастие в нем. Традиционно верующие в России старались выбрать одну из седмич поста, чтобы чаще ходить в храм, строже поститься, исповедаться и причаститься – то, что называлось совершенно уже вышедшим из употребления словом «говеть». Вот у Толстого в «Войне и мире» как говеет больная от горя и раскаяния Наташа Ростова после разрыва с князем Андреем: «Несмотря на запрещение доктора выходить рано утром, Наташа настояла на том, чтобы говеть, и говеть не так, как говели обыкновенно в доме Ростовых, то есть отслушать на дому три службы, а

чтобы говеть так, как говела Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени». Она даже ходила в церковь, где батюшка пострижен, от всей души молилась и каялась – и наконец, вернувшись от причастия, «в первый раз после многих месяцев почувствовала себя спокойной и не тяготящейся жизнью, которая предстояла ей».

Самые строгие недели (седмицы) поста – первая и последняя, Страстная, которая, собственно, к сорока дням поста не относится – это воспоминание уже не Христова поста в пустыне, а последних Его земных дней.

Первое воскресенье поста (по-церковному «неделя») – Торжество православия, память победы христианской веры над иконооборцами. Второе – память святителя Григория Паламы, оформившего учение о Благодатном свете, сияющем в человеке, – свете, который нельзя погасить и уничтожить. Третье воскресенье – Неделя Крестопоклонная, напоминающая, что путь к Господу лежит через крест: терпение страданий и борьбу с искушением. На вечернем богослужении в субботу в церкви выносят Крест для общего поклонения. Четвертое воскресенье посвящено памяти преподобного Иоанна Лествичника, автора книги «Лествица» – о том, как христианину подниматься по духовной лестнице к Богу. В пятую Неделю поста церковь вспоминает преподобную Марию Египетскую – бывшую блудницу, ставшую святой. До того в четверг читают ее житие; эта тихая, задумчивая служба – важное напоминание каждому верующему: покаяние творит чудеса, и, как бы низко ты ни пал – еще можно подняться, очиститься и зажить иначе.

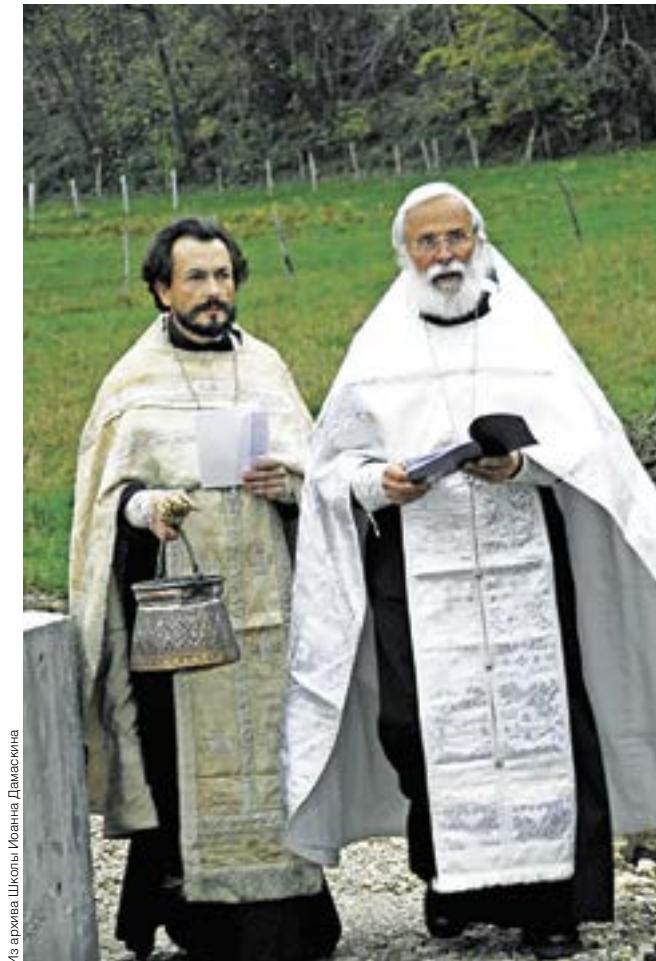
Затем – последняя седмица перед Страстной: в субботу вспоминают о Лазаре, воскресшем на четвертый день, затем наступает Вербное воскресенье, или Вход Господень в Иерусалим. А затем – скорбь и мука Страстной Седмицы, тишина Великой субботы – и золотая, полновесная радость Воскресения. К ней и вели, к ней и готовили семь долгих, трудных и светлых недель Великого поста.

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

ИМЕНЕМ ИОАННА ДАМАСКИНА

Иоанн ДАМАСКИН – один из Отцов церкви, который в далеком VII веке, в эпоху иконоборчества, выступил в защиту икон, за что его вначале предали анафеме, а позже причислили к лику святых. Сегодня его имя носит школа православной иконописи в самом сердце Франции.

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

■ **Отец Иван и отец Николай, один из основателей Школы Иоанна Дамаскина**

■ **В тихой французской провинции есть крохотная православная церковь, в которой звучит русская речь**

Людмила ЛУНИНА

Ателье Saint Jean Damascene – «Ателье Сен-Жан Дамасьен» звучало по-французски гла- мурно. Тогда я еще не знала, что за изящным названием скрывается крестьянский хутор, затерянный во Французских Альпах, в 600 км от Парижа. Написать об «Ателье» посоветовал московский архитектор Дмитрий Букач. Последовательный сторонник современной эстетики, г-н Букач неожиданно оказался не менее страстным поклонником провинциальной французской жизни – это когда по бескрайним долинам вдоль реки Роны разбросаны крохотные средневековые городки, в каждом делают свое вино, сыр и сладкую пасту из гречих орехов. Там трудно найти гостиницу больше чем на 20 номеров, зато совсем легко – жилой дом XII века. Который, кстати, дешевле однокомнатной московской квар-

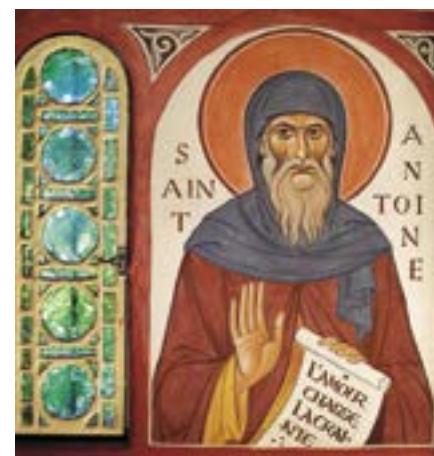
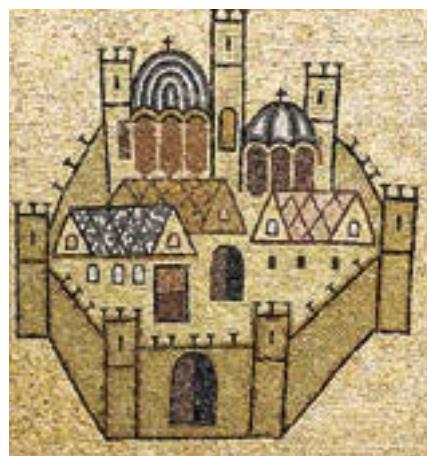
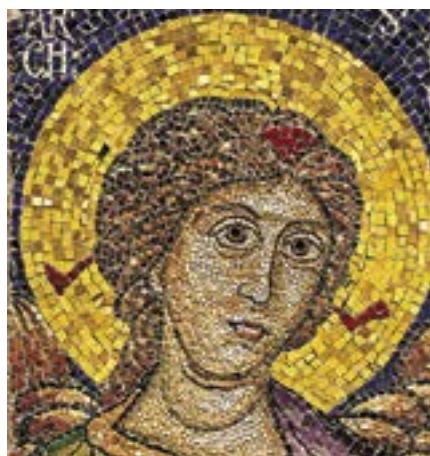
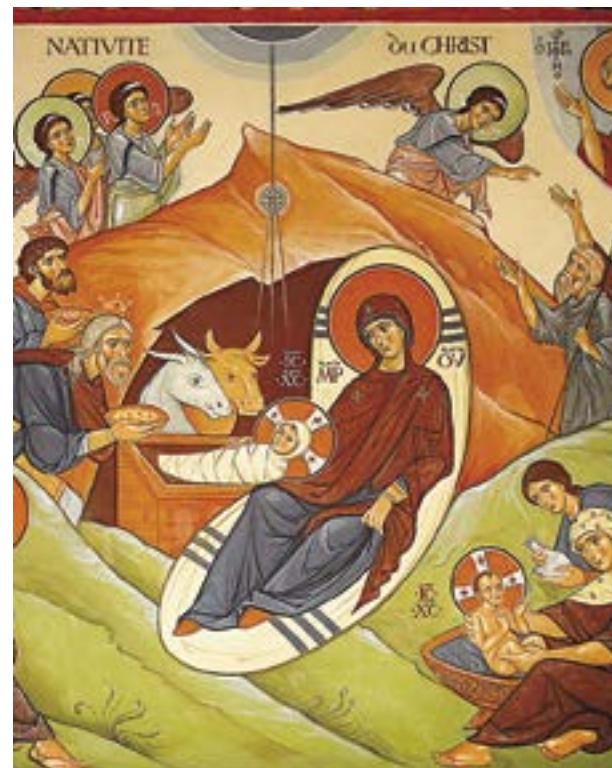
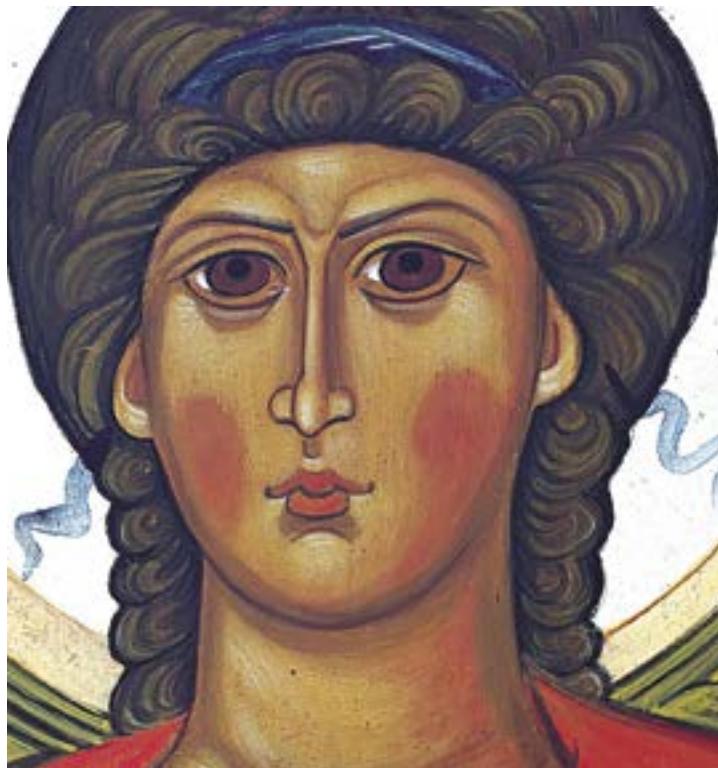
тиры. Каким образом в этом экологическом раю (часть департамента Дром входит в национальный парк Веркор, самый большой природный заповедник Франции), в этой зазеркальной глупши оказалась Школа православной иконописи имени святого Иоанна Дамаскина – было совершенно не- понятно.

– Поезжайте, – советовал Дмитрий Букач. – Там такая семейная история. Из нее мог бы получиться захватывающий фильм.

Историю рассказал мне директор Atelier Saint Jean Damascene – Жан-Батист Гарригу. Рассказ касался военных скитаний его бабушки Анны и мамы – Людмилы Чиченковой, основательницы православного центра и иконописной Школы Иоанна Дамаскина.

Все началось в 1941 году в Харькове. В среднестатистической советской семье Чиченковых заболела полиомиелитом 5-летняя дочь Людмила. Мама с девочкой поехали в Одессу на море, отец

со старшим сыном остались дома. Через месяц началась война: отец ушел на фронт, сына забрали родственники, а Анна Чиченкова с маленькой дочкой оказались на оккупированной территории и в результате – в Дахau. Среди людей, которые помогли им выжить, был священник отец Александр. Он рассказывал девочке об иконах, об ангелах и святых, о том, какие символы несут в себе краски и какие бывают изображения. Его рассказ помогал ребенку уходить в мыслях от жестокой реальности. Любовь к иконописи девочка пронесет через всю жизнь. Отец Александр погиб, а Анну Чиченкову отправили работать в немецкий госпиталь в Дрездене. Шел 45-й год: мать и дочь пережили страшную бомбардировку Дрездена, бежали от Красной армии в Швейцарию, сдались американцам, были депортированы в США, но вернулись и начали новую, французскую жизнь.

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

■ Благодаря семье, имеющей русские корни, искусство религиозной живописи расцвело там, где до этого не было никакой иконописной школы

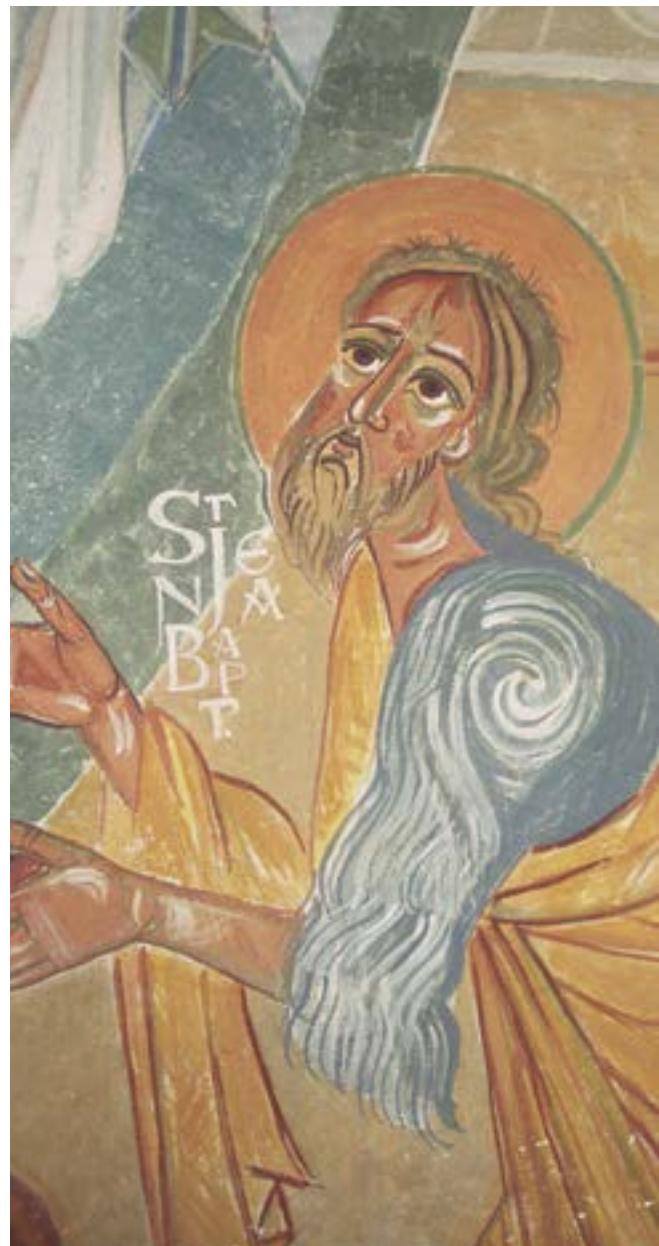
Опасаясь мести со стороны бывших соотечественников, они скрывали прошлое. Анна вышла замуж за французского летчика (который по стечению обстоятельств бомбил Дрезден), ее дочь Людмила, которую начали называть Луиз, бесповоротно забыла к тому времени русский язык, пошла во французскую школу, выросла, получила образование и начала работать редактором в компании *Publiciste* в Париже. Она была замужней дамой, мамой двух детей – Жан-Батиста и Марии, но огромное желание узнать побольше об иконописи и научиться этому прекрасному искусству не покидало ее.

Ее учителем стал Леонид Успенский, один из главных иконописцев русской эмиграции, а духовным наставником – владыка Иоанн (Ковалевский).

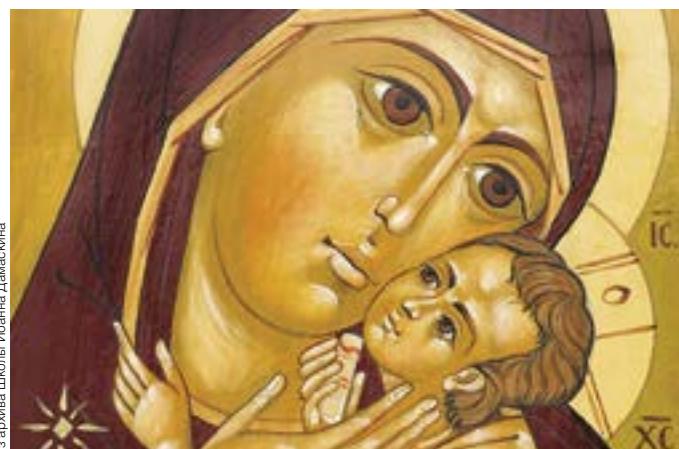
– Вплоть до недавнего времени ни мама, ни бабушка ничего не рассказывали о войне, – резюмирует Жан-Батист Гарригу. – Мама мало что помнила, а бабушка боялась.

Шестьсот километров от Парижа – это на самом деле не так далеко, чуть более двух часов на скоростном поезде TGV. Вокзал в городе Валансе стоит на сваях над железнодорожными путями. Он построен до такой степени авангардно, что имеет пол с

наклоном в 10 градусов: архитектор хотел показать, что город – ворота к Альпам. Из большой семьи Гарригу на месте только Мария – дочка Людмилы, остальные уехали на Лазурное побережье, в город Санари-сюр-мер, где в торжественной обстановке открывается расписанный Жан-Батистом кафедральный собор Сен-Назер. Вообще-то храм – католический, а фрески – в византийском стиле. Идея росписи храма родилась у священника отца Андриана, ее с энтузиазмом поддержал мэр города Фердинанд Бернар. В результате громадную церковь Сен-Назер отдали в оформление православному художнику.

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

То, что кажется удивительным жителю России (равноправное участие в одном проекте католиков и православных), – в порядке вещей за границей. Жан-Батист Гарригу за свою жизнь расписал семь церквей. Одна из них находится в Ливане, в монастыре Enfe: там, например, в христианские композиции вставлены изречения Отцов церкви, написанные арабской вязью.

Все новости Мария Гарригу рассказывает в машине по пути домой. Вначале она везет меня в главный духовный центр всего района – старинный монастырь, где хранятся мощи св. Антония Великого, основателя монашества. Одно дело – найти информацию о нем в Интернете, а

другое – мерзнуть час в холоднющем, как склеп, храме, пока хранитель с воодушевлением рассказывает о целительном даре Антония Великого (по преданиям, он врачевал наложением рук) и о том, что 600 лет назад у местного графа заболел отец и в надежде на чудо молодой рыцарь привез из самого Константинополя мощи Антония, что дало толчок развитию в местных краях медицины и фармакологии.

Какое это имеет отношение к семье Гарригу? «У моих родителей в молодости была мечта – съездить в Египет, поклониться мощам Антония Великого, – объясняет Мария. – Потом они узнали, что часть этих чудодейственных мощей хранится на терри-

тории Франции. Поэтому когда родилась идея вообще уехать из Парижа, где было много суеты, они выбрали именно этот район.

– И когда случился переезд?

– В середине 70-х. Мы с братом были еще совсем маленькими, мама передвигалась в инвалидной коляске, отец служил в церкви в сане дьякона.

– Вашим родителям было под сорок – так проявился кризис среднего возраста?

– Если я скажу, что они хотели обогатить сердца бесконечной Божественной любовью, вы, наверное, не поймете. Школу иконописи они основали, еще живя в Париже. В провинции было удобнее заниматься религиозным искусством, которое требует

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

■ В Школе Иоанна Дамаскина учат писать иконы и фрески и делать мозаики. Директор Школы Жан-Батист Гарригу за работой (вверху слева)

тишины и молитвы. Но легко им не было. Они купили старую разрушенную ферму, ее пришлось восстанавливать собственными силами. Мой отец – батюшка Николай – подобно первым христианским священникам, создал православный приход там, где ничего до этого не было.

– Чем занимался ваш отец в юности, кто он по образованию?

– У него техническое образование. Он и сегодня хорошо разбирается в технике, в компьютерах. В юности отец Николай был ангажирован как певец и танцовщик в национальном фольклорном ансамбле, ездил с гастролями по Франции и Европе.

Наш путь на ферму напоминал фильм о Джеймсе Бонде. Над головой летали вертолеты,

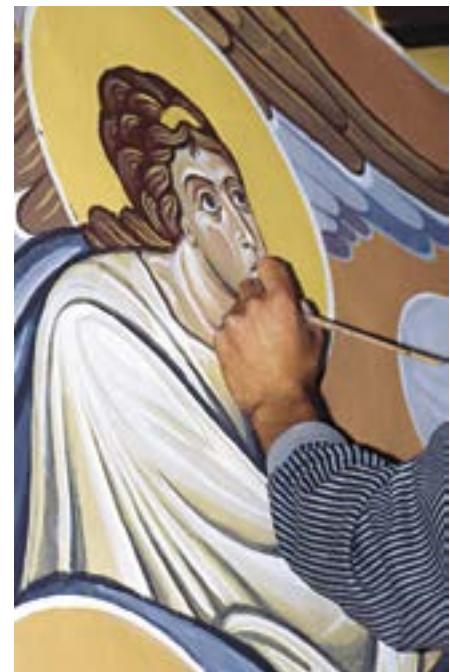
на обочине дорог стояли группы юных дев и полицейские патрули. Через дремлющую долину реки Роны в тот день неслось ралли «Париж – Монте-Карло», и основные трассы были для обычных людей закрыты. Поплутав чуть больше обычного среди разбросанных по горам ферм, мы приехали на место.

Школа Иоанна Дамаскина – это три больших средневековых амбара, превращенных за «каких-то» 40 лет в очень комфортное жилье. Здесь хватает места не только для большой семьи Гарригу, но и для гостиницы и просторных учебных классов. Мастерская мозаики заставлена полками с камнями. Мария показывает, как на столе-наковальне камушки вначале дробятся до

крохотных квадратных кусочков, а потом с их помощью выкладываются композиции. Вдоль стен стоят панно с образами ангелов и символическими христианскими композициями. «К нам иногда обращаются с просьбами оформить дома и бассейны. Мы вежливо отказываемся, мы все-таки не просто ремесленная мастерская».

Класс иконописи располагается в пристройке со стеклянными стенами, через которые можно любоваться Альпами. Даже зимой вид как на картине. Можно только догадываться, как хорошо здесь летом.

В Школе Иоанна Дамаскина обучаются порядка 250 человек в год. Приезжают со всей Франции и из-за рубежа. Сессия длится две недели, после чего люди работают са-

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

■ Прийти сюда учиться может каждый, но не все задерживаются надолго. Людмила Чиченкова, основавшая школу 40 лет назад, считает, что такой труд под силу лишь верующим

мостоятельно дома, а в школу на- ведываются время от времени на консультацию. Круг учеников самый разнообразный: дети, пенсионеры, люди среднего возраста.

— Одни ищут духовного ро- ста и встречи с божественным че-рез молитву и искусство, — объяс-няет Мария. — Есть и такие, кто приехал из любопытства или что- бы повысить художественное ма-стерство. Последние, как прави-ло, не задерживаются. Происхо-дит естественный отбор: матушка Людмила считает, что иконы не могут писать неверующие люди.

Школа регулярно проводит выставки в монастырях, музеях и церквях в различных городах Франции.

В пятидесяти метрах от фер- мы — две церкви, старая, камен-

ная и новая, деревянная. Новая — как из сказки, в неорусском стиле, похожая на дом художника Вик-тора Васнецова в Москве. Ее по-строили летом 2008-го благодар-ные ученики: пригнали трейлер с бревнами и за три недели собра-ли храм. Отец Николай и матуш-ка Людмила цитируют св. Саф-рония: «Нет в жизни более благо-родной цели, чем строить церкви во славу Божью». Старый храм построен прихожанами и внутри буквально заткан фресками.

Рассматривая эти фрески, невольно отмечаешь легкость и изящество стиля, некоторую французскую утонченность. Жителю России, привыкшему, скорее, к строгости иконопис-ных образов, это кажется удиви-тельным. Да и иконографиче-

ские схемы не совсем привычны. На вопрос об иконографии Ма-рия утвердительно кивает: «Мы ищем такие композиции, кото-рые были приняты в раннем хри-стианстве до раскола».

То, что над росписями рабо-тали несколько человек, видно сразу. Свод и стены расписал Жан-Батист Гарригу, а алтар-ную часть — матушка Людмила. «Маме трудно было работать в церкви, здесь холодно и сырьо, а у нее руки болят. Отец Николай соорудил ей специально кресло с подъемником».

Фрески в алтаре ставят в ту-пик. Они сделаны в мощной экс-прессивной манере, очень инди-видуальным почерком. У анг-елов по-славянски круглые лики, глаза святых широко распахну-

Из архива Школы Иоанна Дамаскина

■ **Жан-Батист Гарригу расписал семь церквей. Среди них домашняя церковь (вверху справа) и храм в Ливане, в монастыре Enfe (внизу слева)**

ты. По наивности и непосредственности в передаче движений эти росписи напоминают утраченные в годы войны фрески из церкви Успения на Волотовом поле. Не выходя за рамки строгого религиозного канона, автор доносит до зрителей человеческие чувства – любовь к детям и скорбь по усопшему.

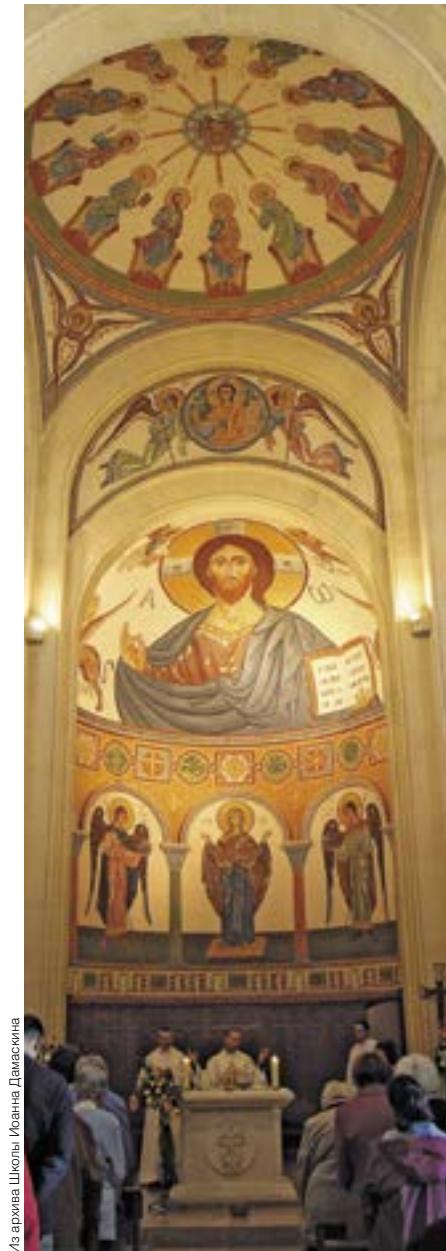
Мария обращает мое внимание на иконостас: «Несколько икон написал отец Зинон». «Тот самый, архимандрит Псковско-Печерского монастыря, один из наиболее выдающихся современных иконописцев, как пишет о нем «Биографическая энциклопедия»?» – переспрашиваю я. Да, тот

самый. Оказывается, Жан-Батист несколько лет учился в России у отца Зинона, а потом они вместе работали во Франции.

Вечером мы сидим в офисе Школы Иоанна Дамаскина. За стеклянными окнами – абсолютная египетская тьма. А в офисе тепло, уютно, работает Интернет и можно по Skype увидеть даже свою московскую квартиру. Мария показывает иконы – я стараюсь угадать (и у меня почти всегда получается) руку ее мамы. Мы листаем семейные фотографии. Драматическая военная история имела продолжение. Когда рухнул железный занавес, Жан-Батист поехал в Россию и оты-

скал родственников. Дядя Марии и Жан-Батиста, родной брат их мамы, после войны стал моряком, поселился в Риге и всю жизнь мечтал хоть что-нибудь разузнать о без вести пропавших маме и сестре. Он умер за два года до того, как все отыскались. Сам Жан-Батист Гарригу женился на украинской балерине, его маленький сын говорит по-русски. Родная речь продолжает звучать в этом крохотном «анклаве». Хотя вот Мария русского не знает.

...Мы пьем чай и беседуем, легко ли быть православным художником в центре католической Франции, недалеко от протестантской Швейцарии. Мария

■ Фрески собора Сен-Назер в Санари-сюр-мер

пригласила своего друга Жерома. Он человек нерелигиозный, бывший IT-ишник, который стал дауншифтером. (Дауншифтинг по-французски – это собственный домик в горах, маленький бизнес по производству меда и больше 100 тыс. евро годового дохода. – **Прим. авт.**)

– Понимаете, – объясняет Жером, – к православию в наших краях относятся как к самому ясному пути к Богу. Быть христианином можно исключительно из личных духовных потребностей, а не потому, что ты хочешь сделать карьеру, получить приход и другие социальные преференции.

...Каждые выходные в церкви проходит служба. Сюда при-

езжают православные люди разных национальностей – русские, украинцы, румыны, греки, сербы, грузины, эфиопы. Здесь крестят, венчают и отпевают. На десятки километров вокруг в этом замечательном фермерском крае нет ничего похожего. Редко какая институция так точно соответствует штампам «духовный центр» и «очаг культуры», как Школа Иоанна Дамаскина...

Мария училась на художника в Париже и Равенне. Для нее всегда было естественно сочетать веру и искусство. Когда она рисует, она молится, в этом нет никаких противоречий.

...Я провожу ночь в гостинице, которая похожа на монастырь

скую келью, правда, теплую. Над кроватью – образ Николая Угодника. Утро следующего дня было, как пишут, морозным и свежим, на зеленой траве лежал иней, а на горах – розовый снег. Прежде чем покинуть «Ателье», я прошу у Марии разрешения сфотографировать фрески. Став джипеговским файлом, чудесные ангелы совсем не потеряли своей красоты.

Уже в Москве я получила по электронной почте письмо из Санари-сюр-мер. 25 января 2009 года там в торжественной обстановке открыли заново расписанный храм, который стал украшением города и безусловной духовной ценностью для верующих всех конфессий. ■

«ЗНАКОМСТВО С НЕОРДИНАРНЫМИ ЛЮДЬМИ – ЭТО САМЫЕ БОЛЬШИЕ ПОДАРКИ СУДЬБЫ»

ИТАР-ТАСС

Многие французские звезды кино легко идут на театральные эксперименты. Неожиданно для всех на сцене несколько лет назад начали активно появляться Ален Делон, Изабель Аджани, Депардье. Вы тоже часто заняты в театре. Как вам кажется, это общая тенденция для кинозвезд или же качество, присущее отдельным личностям, которые не хотят «забронзоветь»?

– Конечно, прежде всего это свойство характера. Лицо для меня театр является семьей, ведь как актриса я начинала работать именно в театре. И хотя потом стала звездой кино, я всегда продолжала играть в театральных постановках. Так что выходить на сцену для меня не в новинку. Новостью является другое: я первый раз играла перед русской публикой вживую.

– **В России вас всегда обожали, поэтому, наверное, с публикой проблем не было?**

– Одни обожали, другие ненавидели. Присутствовало и то, и другое. Хотя, к счастью, и, правда, российские зрители всегда хорошо ко мне относились.

– **Ненавидеть могут люди, причастные к каким-то «околокультурным» интригам, но для публики вы всегда оставались одновременно олицетворением и русского самопожертвования, и парижского шика. Парадоксальным образом в вас все это уживается.**

А какая культура вам самой ближе?

– Я всегда чувствовала, что являюсь жителем Земли, поскольку везде ощущаю себя как дома и не выде-

ляю что-то специально. Конечно, на меня не могла не оказать влияния французская культура, поскольку я родилась и выросла во Франции. Но благодаря родителям я восприняла и русскую культуру. Кроме того, на меня сильно повлияла Италия, где я много лет жила и снималась. Мне повезло, что профессия актрисы дала возможность путешествовать по миру и принимать участие в самых разных фильмах. В результате я прекрасно говорю по-английски и хорошо понимаю по-немецки. Вот почему я называю себя жителем мира и совсем не чувствую себя связанный с какой-то одной частью Земли.

– **Вы такая женственная, с мягким голосом и пластичными движениями. Это отражение вашего внутреннего мира или же артистический образ?**

– Честно говоря, всю жизнь я была феминисткой, поэтому не чувствую, что олицетворяю какую-то милую, красивую и покорную женщину. Наоборот, мне всегда было свойственно бороться за равенство мужчин и женщин во всех сферах. Я всегда выступала за свободу женщин, за то, чтобы они могли выбирать себе профессию и сами решать, становиться матерью или нет.

– **А что вы можете поставить в заслугу себе в этой борьбе?**

– Наверное, то, что я всегда пыталась защищать слабых и беззащитных. Вся моя жизнь была посвящена этому.

Февральская Москва встретила Марину Влади снегопадами. И порадовала аншлагами на спектаклях «Владимир, или Прерванный полет» по одноименной книге, написанной ею чуть более 20 лет назад.

...Сцена черна, ничто не отвлекает внимания от женщины в сером платье, за спиной которой то и дело появляются глаза Высоцкого... Спектакль идет на французском, лишь песни Высоцкого Влади поет по-русски. И в финале – та самая «Беда», знакомая еще с юности по замученной до царапин пластинке: «А что я не умерла, знала голая ветла да еще перепела с перепелками...» Российские зрители увидели этот спектакль на два года позже французских: она долго сомневалась, стоит ли показывать его в России. Однако решилась.

В последнее время Марина Влади интервью дает редко, журналистов вниманием не балует. Но для «Русского мира.ru» актриса-легенда сделала исключение.

– Всегда быть в «боевой форме» вас научила театрально-кинематографическая среда или же это свойство вашего характера?

– Мне кажется, это – семейная черта. У нас всегда считалось, что нужно помогать ближнему и защищать тех, кто сам по каким-то причинам не может или не умеет постоять за себя. Я бы сказала, такой стиль поведения нашей семьи – это определенная манера жить и манера думать.

– С чем были связаны самые большие сложности в вашем спектакле, посвященном Владимиру Высоцкому?

– Самая большая сложность в том, что я почти два часа одна нахожусь на сцене и должна удерживать внимание зала. Со мной, правда, выступают три музыканта, но говорю и пою весь спектакль я одна. Хотя можно сказать, что незримо своими песнями рядом со мной присутствует и Володя. Я все время пою его песни на русском и французском языках, а также читаю его стихи. В том, что постоянно меняются языки, состоит и прелест, и одновременно сложность этой постановки.

– Как вы оцениваете сделанные переводы стихов Высоцкого на французский?

– Некоторые переводы очень хороши. По крайней мере, те тексты, которые мы используем в спектакле, это действительно талантливые и качественные переводы. Не будем забывать, у Вы-

East-news/Gamma

соцкого чрезвычайно сложная и насыщенная лексика, поэтому перевод его стихов является по-настоящему творческим делом, с которым можно справиться, только если вкладываешь всю душу.

– Не возражали ли продюсеры, когда вы решили некоторые песни и стихи произносить перед французами на русском языке?

– Нет, продюсеры не были против, поскольку меня пригласили делать спектакль именно о Высоцком и предоставили полную свободу действий. Поэтому я могла позволить себе сделать то, что мне хотелось.

– А для русской публики основной текст вы оставили на французском?

– Спектакль, показанный в Москве, абсолютно такой же, как он прошел в Париже. Это французский спектакль, который включает в себя сорок пять номеров. В определенных местах я пою на русском, но все-таки основной язык спектакля – французский. Именно поэтому данная постановка достаточно сложна для восприятия. Фактически это большая мозаика: тексты Высоцкого, его песни и мои воспоминания о нем из книги.

– Далеко не все знали до этого спектакля, что вы прекрасно пете и даже сейчас в возрасте семидесяти лет можете без фонограммы выступать на сцене. А когда вы начали петь?

РИА «Новости»

Photoxpress

Итар-ТАСС

– Мой отец был оперным певцом, поэтому музыка меня окружала с самого детства. Уже лет в шесть я начала заниматься вокалом, а потом много пела на сцене. В общем, можно сказать, что пела всегда. И, кроме того, я и раньше исполняла Володины песни, поэтому этот спектакль не является для меня первым их исполнением. После его смерти вышла пластинка, на ней шесть песен пел он, а шесть – я. Так что в Москве уже знали, как я исполняю его песни.

– Не было ли соблазна выступать в этом спектакле под фонограмму, как это делают многие российские артисты?

– Я всю жизнь на сцене пою только вживую, и необходимость этого мне представляется совершенно очевидной. В России я не была несколько лет и, что там происходит на эстраде и в театре, не знаю. Что же касается французских певцов и актеров, то не только я, но и все остальные используют на сцене только живой звук, а под фонограмму поют лишь для телевизионных записей. А кто бы ходил во Франции на концерты, если бы знали, что со сцены звучит фонограмма?

– Вы много сделали для пропаганды творчества Высоцкого во Франции. Удалось ли чего-то добиться в этом направлении?

– Надеюсь, да. Например, этот спектакль для французской публики был сыгран тридцать раз, что очень немало для моноспектакля. И, наверное, раз на него приходила публика, значит, она либо уже знакома с творчеством Володи, либо хочет для себя открыть что-то новое. И мне было очень приятно, что в Париже спектакль, посвященный Высоцкому, я играла перед полными залами и большую часть публики составляли именно французы. Они прекрасно слушали и воспринимали Володины песни, а также нашу с ним историю любви, поскольку там много было и про нас.

– У французов за последние десятилетия очень сильно менялись представления о русских. Как вам кажется, каковы они сегодня?

– Кто и как сейчас к кому относится, сказать очень

трудно, поскольку у всех большие проблемы: и у русских, и у французов. А в такие периоды мнения меняются не в лучшую сторону. Зато чего точно практически не стало в Париже, так это «новых русских», швыряющих без счета деньги в ресторанах. А что думают французы про нынешних русских, я совсем не знаю, да мне, по большому счету, их мнение совершенно безразлично.

– Вернемся к творчеству. Сколько часов в день вы репетировали перед показом спектакля?

– С музыкантами я репетирую по несколько часов ежедневно, а потом еще сама помногу часов.

– То есть, имея огромный профессиональный опыт, вы продолжаете перед спектаклем все отрабатывать по шесть–семь часов?

– Да, а как иначе? Когда-то я написала целую книгу по поводу актерского мастерства и вообще профессии актера. В ней, как и в любой другой профессии, самое главное – много работать. Хорошо иметь талант или какую-то особую личность, это необходимо, но без постоянной работы над собой и над ролями далеко не продвинешься. Многие начинающие актеры стали считать, что главное – попасть на съемочную площадку, а ведь по-настоящему играть в кино – это далеко не самое простое дело, тем более играть в театре. Особенно это относится к классическому репертуару, поскольку он требует всего актера без остатка.

– Что для вас было сложнее: сниматься в кино, где эпизоды могут быть совершенно произвольно перемешаны, или же играть на сцене, где действие разворачивается последовательно?

– Мне кажется, это две разные профессии, которые требуют разных качеств и разной техники игры. Невозможно играть на крупном плане перед камерой так же, как в зале перед тысячью человек. Лично я всегда больше любила театр, нежели кино. Так уж случилось, что снялась почти в сотне картин, но и раньше, и теперь я играю в театре с огромным удовольствием.

ИТАР-ТАСС

ИТАР-ТАСС

– **У нас все актеры стремятся в кино, поскольку только оно приносит славу и деньги...**

– У нас тоже. Наверное, так происходит во всем мире, поскольку театры везде платят очень мало.

– **Но неужели действительно, как это часто можно услышать, театр умирает?**

– Нет, он не умирает, но, конечно, существует совершенно в иных масштабах и условиях, нежели кино. Те гонорары, которые получают звезды в кино, даже не могут сравниться с оплатой в самых лучших театрах. Хотя, к счастью, в европейских театрах актеры пока все-таки могут вполне нормально зарабатывать себе на жизнь. Например, во Франции до сих пор сохранилась многочисленная и разнообразная публика, которая любит и посещает театр. Поэтому и театры могут себе позволить разнообразные постановки. Французский театр очень живой и динамичный, в нем представлено абсолютно все, в расчете на любую публику.

– **А выживают театры все-таки за счет публики или за счет помощи государства?**

– Безусловно, за счет и того, и другого. В любом случае могу сказать, что и государственные театры, и частные работают одинаково хорошо, и с творческой точки зрения, и с точки зрения коммерции. Как и во всем мире, есть немалые проблемы, но все-таки я уверена, что французский театр выживет.

– **Чем вы планируете заняться после московского показа спектакля?**

– Я сейчас пишу новую книгу. На некоторое время это пришлось отодвинуть в сторону, поскольку нужно было много репетировать, теперь планирую закончить. А в конце года начну новую пьесу в театре.

– **О чем будут книга и пьеса?**

– Извините, но я никогда не говорю заранее, особенно по поводу книг. Потому что писать книгу – это всегда очень сложно, да и к тому же очень долго.

– **Вы видели Россию и социалистической, и перестроечной, и, с натяжкой, капиталистической. Сейчас мы часто ностальгируем о тех, социалистических временах. Нам кажется, мы были добре и отзывчивее. Лично вы заметили, что россияне изменились?**

– Конечно. И я очень жалею, что та особая духовная атмосфера, которая существовала раньше в Советском Союзе, теперь утеряна. Нельзя отрицать, что существовала удивительная культура и удивительная теплота между людьми, а также такое понятие, как бескорыстие. Да, никто не отрицает, что существовавший тогда режим не был совершенным. Про это хорошо известно. Однако все были накормлены, на работе была определенная социальная защищенность, люди получали квартиры, и не было бездомных детей.

– **Как вам кажется, почему россияне отбросили лучшее, что было в социалистической системе, и погнались за худшим, что есть в капитализме?**

– Я не могу судить, поскольку не живу в России, но, конечно, многого мне очень жаль. И правда, создается впечатление, что россияне взяли все худшее из западной модели и забросили все, что было хорошего у них самих. Все это очень печально.

– **В Москве есть церковь с названием «Церковь Нечаянной Радости». Бывает радость заслуженная, для которой мы много поработали, а бывает – неожиданный дар от Бога. Что лично вы считаете таким подарком своей судьбы?**

– Мне очень легко ответить на этот вопрос, поскольку главными подарками я считаю встречу с Владимиром Высоцким и моим последним мужем, Леоном Шварценбергом, который тоже, к сожалению, не так давно умер. Знакомство с неординарными людьми – это и есть самые большие подарки судьбы.

Вера МЕДВЕДЕВА

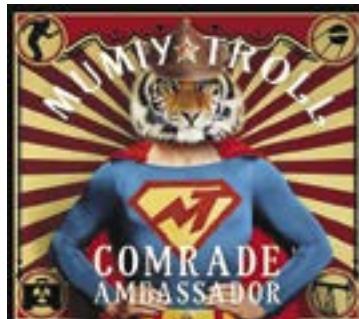
Париж

ТРОЛЛЬ – РАЗРУШИТЕЛЬ ИМПЕРИИ ЗЛА

Вероника ИВАНОВА

Вашингтон

Сянваря по март по всей Америке, от Вашингтона до Лос-Анджелеса, от Буффало до Денвера (и даже с заездом в Канаду), проходят гастроли российской рок-группы «Мумий Тролль». По словам организаторов, это одна из первых российских рок-групп, ставящая задачу привлечь на свои концерты не только русскоязычную аудиторию, но и тех, кто не знает русского языка.

«Сейчас время нишевых групп и рынков, – говорит солист группы Илья Лагутенко, – люди объединяются, скорее, по эмоциональным особенностям. Поэтому мир готов и заинтересован в международной поп-музыке, причем не в том, этническом понимании, как это было раньше».

К гастролям группа выпустила диск «Комрад Амбассадор», причем все песни на русском. На русском «Мумий Тролль» собирается выступать и в США, относясь к гастролям как к вызову и одновременно возможности показать себя и российский рок.

По иронии, сам Лагутенко свободно говорит по-английски. Он признался, что английский освоил, перелистывая буклеты английских рок-исполнителей. По образованию он не музыкант: «В институте я изучал китайский и писал курсовые по приграничной торговле с Китаем», – улыб-

нулся уроженец Владивостока. Однако, похоже, и китайский ему пригодился: когда группа была на гастролях в Китае, он исполнял песни на русском. «В Китае я объяснял содержание каждой песни перед исполнением, – говорит Лагутенко. – Там так принято: они готовы сначала тебя выслушать, а потом – послушать». При этом солист признал, что в Америке, конечно, не так. В стране рока и рок-н-ролла «все зиждется на энергетике, на профессионализме».

И все же группа решила рискнуть. Впрочем, это не первый приезд «Мумий Тролля» в США – группа уже выступала в клубах Нью-Йорка и на Западном побережье. Но впервые группа приезжает со столь масштабной программой и географией – она выступает практически каждый день, причем в штатах, где нет ни многочисленной русской диаспоры, ни привычки к русским гастролерам.

Программа не адаптировалась к американскому зрителю, «Мумий Тролль» просто предлагает послушать русский попс-рок и попробовать его оценить. Лагутенко заявил, что измерять успех гастролей он будет не коммерческой меркой, а впечатлением, которое удастся произвести на зрителя. «Мы почувствовали в себе силы сделать, по крайней мере, попытку, – признался солист. – Остается уповать и надеяться».

По всей вероятности, коммерческий успех тоже не исключен, потому что организацией приез-

да занималось агентство, понимающее толк в спросе и зрительских ожиданиях. Организацию тура российской группы впервые в своей истории делает международное концертное агентство The Agency Group. Это ведущее промоутерское агентство, которое занимается гастролями как независимых групп альтернативного и тяжелого рока (Motorhead, Lacuna Coil, Cannibal Corpse) и мировых звезд (Vanessa Mae, Keanu), так и новых героев (Hives, Paramore). Представители агентства уверены, что сейчас интерес к международной рок-сцене необычайно высок. Кристиан Бернхарт, один из совладельцев компании, заявляет, что, побывав на концерте «Мумий Тролля», он «словно заново открыл для себя мир настоящего рок-н-ролла» и считает, что «русский язык придает выступлению магический смысл».

Есть еще две цели, которые преследует группа. Во-первых, разрушение стереотипов. Лагутенко убежден: сейчас музыкальный мир переживает изменения, когда уходят прежние стандарты и можно выходить с новым продуктом. Недаром, добавил солист, группа начала свои гастроли на следующий день после инаугурации Барака Обамы, который тоже несет в себе новое, желание перемен.

Во-вторых, косвенной целью гастролей может стать повышение интереса к самому певцу, который помимо прочего входит в совет российско-британского фонда по защите... тигров. Как уроженец Приморского края, он не мог не втянуться в инициативу, и сейчас фонд прорабатывает идею проведения «культурного события, которое соединит тигровые страны». Можно не сомневаться, участие певца в подобных программах, которым американцы придают колоссальное значение, даст ему дополнительные очки в США. И, возможно, действительно послужит ломке прежних стереотипов. Как сказал сам певец, может, ныне из России «на смену империи зла приходит империя рока».

С ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОДМОСТКОВ НА ПОДИУМ

Вера МЕДВЕДЕВА
Париж

Врамках празднования столетия «Русских сезонов» Сергея Дягилева в Париже прошел показ моделей по мотивам его постановок. Детская студия из Москвы «Мастер Продакшн» и «Дизайн-мода» из Киргизии напомнили парижанам о том, что именно после спектаклей Дягилева европейские модельеры начали включать элементы русского стиля в коллекции.

Фантастические костюмы всегда считались такой же неотъемлемой частью дягилевских пока-

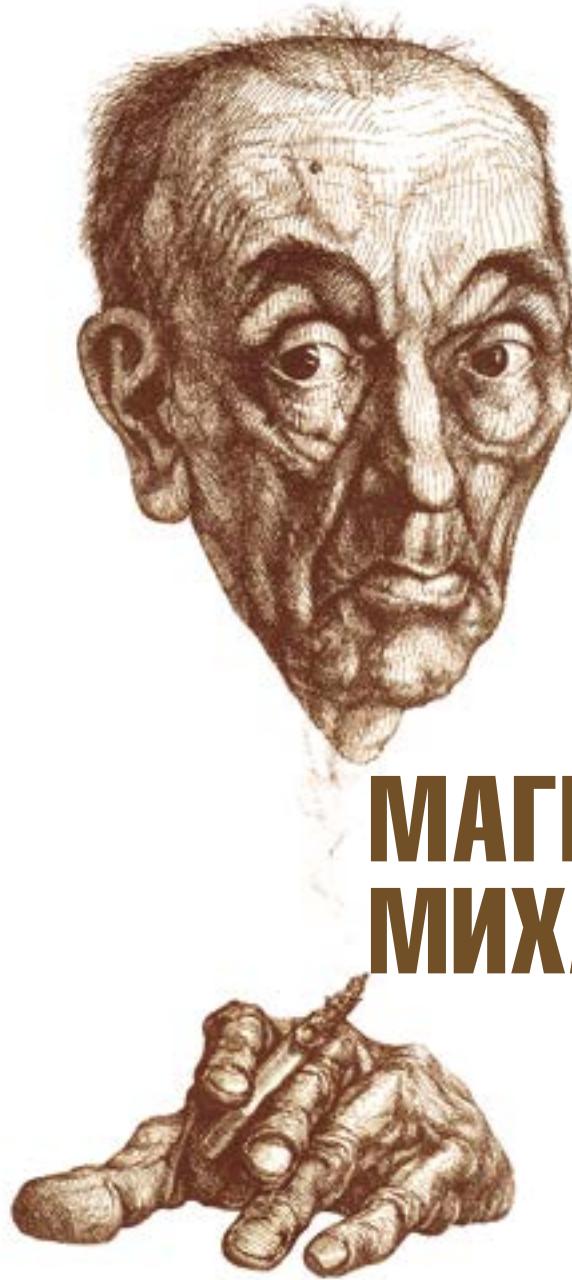
зов, как хореография и музыка. Созданные сто лет назад Леоном Бакстом и Александром Бенуа, эти костюмы завораживали не только модниц, но и театральных критиков. Неудивительно, что с Дягилевым согласились сотрудничать Пабло Пикассо, Коко Шанель и Андре Матисс.

Молодой московский дизайнер Екатерина Филиппова, изучив множество архивных материалов, создала детские костюмы по мотивам знаменитого балета Стравинского «Жар-птица». А киргизский детский театр моды обыграл в своем показе «Половецкие пляски» из оперы Бородина «Князь Игорь», декорации

для которой когда-то создавал Николай Перих. Появление таких «восточных мотивов» было не случайным, поскольку прежде, чем познакомить французов с русскими балетами, Дягилев сначала показал в Париже русские оперы. И в свое время именно «Половецкие пляски» вызвали шквал восторженных оценок.

Сегодняшние вариации дягилевских костюмов менее театральны, ведь создавались они в расчете не на спектакль, а для того, чтобы продемонстрировать, как идеи художников начала прошлого века могут разнообразить современный подиум. ■

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

Автор сюжета Юрий Селиверстов

О том, что Михаил Бахтин отбывал ссылку в городе, где я живу, мне с завидным постоянством напоминают московские знакомые. В ответ я обычно замечаю: можно подумать, я не знаю, что великий русский мыслитель и литературовед, исследователь творчества Рабле и Достоевского 25 лет жил и работал в Саранске.

Евгений РЕЗЕПОВ
Саранск

Тогда мне объясняют разницу между ссылкой и жизнью. Сказать, что я знаю эту разницу, было бы несправедливо, но я имел возможность наблюдать ее результат на примере одного преподавателя филологического факультета института, в котором учился. Он скромно ходил вдоль стеночки, не целовался с коллегами, как

это было заведено, при встрече, спина его была испачкана мелом, но никто ему об этом не говорил. Вся же вина Сергея Ивановича Морозова заключалась в том, что он любил рассказывать о своей единственной встрече с Анной Ахматовой и своей вере в Бога. А сослан он был в наш город преподавать только студентам-заочникам, которые по большей части являлись жителями отдаленных районов. Если Сергей Иванович слышал умильные воспоминания о Михаиле

Михайловиче Бахтине, который преподавал в том же институте, то громко стучал палкой в пол и называл своих коллег нехорошими словами. «Опять Морозов карнавал вокруг Бахтина устроил!» – сокрушались в таком случае присутствующие и расходились. Бахтин – неудобное это было имя...

То, что Бахтин жил и творил в Саранске, я, как и все остальные студенты, много раз слышал от преподавателей филфака, которые были его учениками, ходили

к нему в гости и даже клялись, что из аудиторий еще не вывешивался дым его сигарет. Бахтина единственному была представлена привилегия курить во время лекций. А пепел сигарет стряхивал прямо на пол. Иногда пепел покрывал его одежду, и казалось, что она припорошена снегом. Когда он отворачивался, над ним хихикали.

Жил Бахтин на втором этаже элитного дома, от которого до местного обкома партии было рукой подать. В подъезд Бахтина я не раз бегал к однокурснице за конспектами пропущенных лекций. Ее папа был лектором в обкоме партии. Конспект я переписывал на маленькой кухне в квартире ее родителей. Такие же маленькие кухни были и за стенной у моих соседей, работавших на заводах. По сравнению с ними Бахтин жил барином...

Однокурсница любила Ахматову, подсмеивалась над Морозовым, дружила с преподавательницей филфака, которая считалась любимой ученицей Бахтина. В свое время она была его аспиранткой и написала под его руководством кандидатскую работу о творчестве немецкого писателя Виланда (Христофф Мартин Виланд, 1733–1813, видный поэт и идеолог немецкого рококо, издатель первого немецкого журнала литературы и искусства «Германский Меркурий», дружил с Гете. – **Прим. ред.**). Бахтин тогда заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского госуниверситета.

Я часто ходил вместе с однокурсницей в гости к той самой преподавательнице – любимой ученице Бахтина. Она редко, но очень подробно рассказывала о Бахтине, его жизни, своих впечатлениях о нем. «Бахтин – это ум!» – повторяла она. Это был единственный человек в городе, а может, и в мире, который действительно много знал о Бахтине, и если до нее не добрались исследователи жизни этого великого мыслителя XX века, то только потому, что она отказывалась от встреч. Дама была красива, элегантна, и я не знаю, в кого я был тогда больше влюблен: в нее или

в однокурсницу. Или в атмосферу вечеров, когда речь шла о литературе Средних веков и эпохи Ренессанса. С тех пор прошло почти 20 лет. Морозов умер, однокурсница теперь живет среди памятников Средневековья и Ренессанса в Европе с богатым мужем, я иногда бываю у той преподавательницы и стараюсь не напоминать о Бахтине. Теперь об этом опасном мыслителе я знаю больше.

Оказывается, у Бахтина в Саранске была не только любимая ученица, но и любимый ученик. Юрий Федосеевич буквально дневал и ночевал в квартире Бахтина, который явно выделял его из всех остальных. Женат этот молодой человек был на дочери соседки Бахтина по лестничной площадке и потому часто заходил в гости к великому мыслителю. Испытывал смущение он только тогда, когда у Бахтина заходила речь о Виланде. А все потому, что в аспирантку, которая писала диссертацию, Юрий Федосеевич был влюблен. Короче, это была драма. Но только для него. Аспирантка была замужем, а Бахтин наблюдал за развитием этого сюжета холодно и спокойно. У него на столе лежали страницы будущего труда «Франсуа Рабле», в котором, кстати, фрейдизму, впервые в советском литературоведении, уделялось много внимания. В основу книги легла научная работа о Рабле, за которую после долгих споров и обвинений в космополитизме, в пропаганде разврата и западных ценностей Бахтину все же присвоили кандидатскую степень... После отъезда Бахтина из Саранска в Москву Юрий Федосеевич запил, потерял работу в университете, даже из пригородной школы был уволен. Говорили, что погубила его любовь...

Я набрался смелости и спросил ту самую преподавательницу. «О, нет, – ответила она с грустной улыбкой, – это – Бахтин». И пояснила. Тогда ее спасла семья, дочери, жизнь, молодость, недооценка общения с великим мыслителем, а те, кто стал догадываться о ценности присутствия такого человека в провинциальном захолустье, кто стал

сравнивать себя с ним, кто слишком приблизился, были обожжены священным огнем и заболели Бахтиным. Уж если он повлиял на ход философской мысли всего ХХ века, то что могло случиться с головами бедных провинциалов, которые окружали его в те годы в Саранске? Без общения с Бахтиным жизнь кончилась для Юрия Федосеевича.

Работы Бахтина в области философии и филологии ныне считаются классическими. В книге «Проблемы творчества Достоевского» вводится представление о «полифонизме» текста. При таком типе повествования слова героев звучат как будто из разных независимых источников – так игра разных инструментов в ансамбле образует полифонию. В противовес «монологическому» слову большинства писателей проза Достоевского «диалогична». Переворот в теории литературы вызвала работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (завершена в 1940 году, опубликована в 1965-м). По Бахтину, литература имеет корни в «народных праздниках» – карнавалах и мистериях древности.

Работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до сих пор и, по сути, открывают новый мир – мир мифоритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. Он реабилитировал «мрачное» Средневековье. В противовес сложившимся представлениям в эпоху феодализма народная жизнь бурлила, была полнокровной и яркой: «Особо важное значение имела отмена во время карнавала всех иерархических отношений. На официальных праздниках иерархические различия подчеркнуто демонстрировались; на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство. В противоположность этому на карнавале все считались равными».

Бахтина называют загадкой. А те, кто берется ее разгадать и не может дать ответ, должны, как известно, умереть. Как в мифе о Сфинксе. Или сойти с ума, на худой конец, как в «Принцессе Турандот». Так случилось с местным саранским скульптором, который взялся создать памятник Бахтину и начал работу над ним с чтения трудов философа. В итоге готовый памятник вызвал шок у местной интеллигенции. Все вспоминают великого мыслителя бредущим по городу с костылем под мышкой на одной ноге... А тут он стоял... на двух ногах. «Карнавал!» – сказал бы, наверное, по этому поводу сам Бахтин.

Нашлись среди старожилов города люди, которые объявили его своим фронтовым товарищем, а потерю ноги – раной, полученной во время диверсионного задания в тылу у немцев. И это, поверьте, была еще не самая дикая выдумка насчет этого человека. Но для жителей Саранска послевоенных лет, когда много было вокруг инвалидов, она более простительна, нежели корыстное желание скульптора быстрее заработать на известном имени.

В 1945 году, когда Бахтин приехал в Саранск, ему сначала дали комнату в здании бывшей саранской тюрьмы. Там селили преподавателей местного университета. А в том элитном доме квартиру ему выделили уже потом, за 16 лет до его отъезда из Саранска в Москву.

Видел я это здание бывшей городской тюрьмы и даже поднимался по высоким ступеням в кабинет начальника коммунального хозяйства, которое там расположено сейчас. И каждый раз, ставя ногу на очередную узкую и высокую кривую ступеньку покосившейся лестницы, я вспоминал почему-то арестантов с бубновым тузом на спине, представляя тяжелое дыхание великого мыслителя XX века. По этим ступеням он таскал ведра с водой из колодца, связки книг, тут он, как говорят, сломал свой костыль. После полиомиелита, которым он болел с детства и который обострился в Кустанайской ссылке в

1934 году, Бахтин лишился ноги. Иногда ему, чтобы добраться до квартиры, предоставляли в университете телегу... Без ноги, в тюрьме, солома на дне телеги... Кстати, тогда в Саранске и его окрестностях произошла самая большая в стране вспышка эпидемии трахомы (инфекционное заболевание конъюктивы и роговицы, при котором резко снижается острота зрения). Раньше трахома была частой причиной слепоты. – **Прим. ред.**), и кругом бродили безглазые люди... Средневековые какое-то... Бахтин был сказал, наверное: «Карнавал!»

В таких условиях он писал труд о Рабле. Позже, когда появились его публикации за границей, Бахтина стали мучить просьбами дать в долг не только соседи по дому, или коллеги по кафедре, или студенты, но и во все не знакомые ему люди. Он не отказывал никому.

Пришлось мне как-то общаться с человеком, которому Бахтин дал денег в долг на легковой автомобиль. Проситель работал проректором в университете по хозяйственной части и, когда во время очередной борьбы с привилегиями списывали машины, решил приобрести одну из университетских «Волг». Деньги ему великий мыслитель и литературовед вынес из кухни в банке из-под чая. «Даже с женой не посоветовался!» – смеясь, рассказывал 94-летний Кузьма Федорович Бурмистров. После Бахтин предложил выпить по бокалу красного вина и отказался брать расписку. Было это уже в новой квартире философа. Она Кузьме Федоровичу не понравилась голыми стенами, лампочками без абажуров и книгами, которых было много, очень много. «Он про Достоевского писал, но я не читал... я как с должности ушел, нутрий стал разводить на шапки», – говорил Кузьма Федорович.

Видел я эти шапки на кафедре русской и зарубежной литературы. Их «надевали» на поставленные ребром словари, чтобы не свалился на краях дорогой мех. Так же поступали со своими шикарными головными уборами студентки в библиотеке. Слу-

жили «подставками» для шапок и книги Бахтина, которые, увы, не пользовались у студентов особым спросом. Когда я служил в армии, то мы под свои армейские шапки с кокардами подставляли томики Общевоинских уставов. Офицеры нам за такое неуважение наряды вне очереди давали. Мы на командиров обижались. Но университет – не казарма, тем более тот, в стенах которого преподавал когда-то великий гуманист. Хотя я тогда на эти книги под шапками никак не реагировал. Понимал. А вот теперь – не понимаю. Офицеры-то, похоже, правы были... Уставы кровью писаны. А труды Бахтина?

В 1937 году в Саранске расстреляли ректора педагогического института Антонова, который пригласил Бахтина на работу в город. Это был первый приезд ученого в Саранск по окончании ссылки в Кустанай, которой из-за болезни был заменен его пятилетний срок заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности и за участие в антисоветской организации «Воскресение». Интересно, что за такую замену хлопотал в числе прочих и советский граф Алексей Толстой. В пединституте Бахтин невольно оказался в круговороте событий: ректора критикуют за приглашение на работу человека после пятилетней ссылки. И хотя в 1957 году Антонова посмертно реабилитируют, преподавателям и студентам не рекомендовано тесно общаться с мыслителем, который после войны снова вернулся в Саранск и оказался в тюрьме, как в прямом, так и в переносном смысле.

Ради справедливости надо сказать, что моя знакомая из дома Бахтина свою шапку на его труды в библиотеке не водружала. Зато она рассказывала о новом жильце бахтинской квартиры. Серый и тихий человек был еще недавно первым секретарем обкома, но после смещения с поста и развода с женой оказался в этой квартире, которую ему выделил город. Руководил городом на тот момент его политический противник, который в свое

Из личного архива

■ Михаил Михайлович Бахтин

Из личного архива

■ Антонина Максимовна Шепелева, соседка М.М. Бахтина по лестничной площадке

время немало недель просидел в приемной у первого секретаря и однажды поклялся ему жестоко отомстить, поставив в такое же положение. Поэтому и оказался бывший «первый» в бахтинской квартире неслучайно. Это была западня. Мэр начал кампанию по созданию в этой квартире музея Бахтина и привел свое проклятие в исполнение. Днями бывший хозяин региона сидел в приемной, и полгорода ходило смотреть на этот карнавал. Потом жилец бахтинской квартиры умер, труп пять дней пролежал в комнате... В квартиру эту боялись после селиться. Тогда «Мастер и Маргарита» был очень популярным романом, и моя знакомая часто говорила: «Как у Булгакова! Дьявольская квартира!» Слышал я разговоры о дьявольской квартире Бахтина и от других людей: чиновников и хо-

зяйственников. Сейчас на фасаде этого дома вывески Сберегательного банка, обувного и охотничьего магазинов. Я редко прохожу мимо этого дома с памятной доской Бахтину. Мне не нравятся встречи со старыми знакомыми, расспросы.

Пять лет назад мне все же пришлось подняться по знакомой лестнице. К этому времени дотошные бахтиноведы добрались и до моей любимой преподавательницы по зарубежной литературе, и она сдалась под их напором. Белых пятен в биографии Бахтина, видимо, не осталось. Кроме сомнительной легенды о его последней квартире в Саранске. Я согласился на это расследование без желания и до сих пор жалею о нем. Не очень-то приятно слушать рассказ о тягостных днях мыслителя и философа.

Антонина Максимовна Шепелева прожила рядом с ним 15 лет на одной лестничной площадке. Она не считала общение с Бахтиным главным событием своей жизни, говорила о нем просто, а по поводу истории с памятником сказала: «Он был издевательски посмеялся и выразил бы свое негодование. Так его здесь унижали и третировали, что он сбежал отсюда без оглядки». Антонина Максимовна знает, что в городе на Бахтина оказывали моральное давление, видели в нем только врага народа. Бахтины боялись каждого очередного перевода денег из-за границы. Жена Бахтина Елена Александровна прижимала сжатые кулаки к груди и говорила: «Только не из-за границы. Только не из-за границы». Им поступали деньги за произведения, которые выходили за рубежом, но

■ Вариант памятника всемирно известному мыслителю, философи и литературоведу М.М. Бахтину скульптора Н. Филатова

Михаил Михайлович Бахтин родился 17 (5) ноября 1895 года в Орле. Отец будущего великого ученого был банковским служащим. Гимназию Михаил Бахтин окончил в Одессе, здесь же поступил в университет. В 1916 году Бахтин переводится в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Болезненный худенький юноша (Бахтин страдал хроническим остеомиелитом) со страстным увлечением занимается древними и новыми языками, углубленно изучает общее языкознание, литературоведение, философию, историю мировой культуры. В 1918 году Бахтин по окончании университета уезжает работать в городок Невель (ныне в Псковской области). Здесь в местном альманахе

«День поэзии» (1919) вышла первая работа молодого ученого, «Искусство и ответственность». Осенью 1924 года Михаил Бахтин вместе с женой Еленой Александровной переезжает в Ленинград. В год «великого перелома» Бахтина арестовали по обвинению в подготовке политического заговора против государства. Ссылка на Соловки вследствие тяжелой болезни была заменена «поездкой» в Кустанай. Книга о Ф.М. Достоевском вышла в свет тогда, когда автор находился под следствием. Ныне это всемирно известный научный труд «Проблемы поэтики Достоевского», который произвел научный переворот и взрыв. В 1940 году Михаил Бахтин завершил работу над трудом «Франсуа Рабле в истории реализма». В наши дни всемирно из-

вестное исследование Бахтина носит принципиально другое название – «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В сентябре 1945 года Бахтина утверждают в должности заведующего кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института имени А.И. Полежаева (ныне – Мордовский государственный университет). В 51 год Бахтин становится кандидатом филологических наук. Осенью 1969 года Бахтин выехал из Саранска на лечение в Москву. По выходе из больницы он оказался в доме для престарелых в городе Климовске. М.М. Бахтин скончался 7 марта 1975 года. Похоронен на Введенском кладбище в Москве, заложенном в 1771 году во время эпидемии чумы.

Елена Александровна прилагала усилия, чтобы получать гонорары только советскими деньгами. Бахтин из квартиры без повода старался не выходить. Ему было тяжело передвигаться на костылях. Возвращался Михаил Михайлович мокрый от пота, усталый... Никто его не сопровождал, не провожал. Да он и сам не хотел, чтобы его кто-то поддерживал под руку. «Нет, дорогие мои, это была не гордость, это было больше, чем осторожность. Это был самый настоящий физиологический страх животного. Бахтин с супругой производили впечатление очень сильно напуганных людей... Старились громко не вздохнуть, лишь бы не привлечь лишнего внимания», – рассказывала Шепелева. По этой причине Бахтины никому ни в какой просьбе не откликывали, лишь бы никто не составил о них пусть мимолетного, но дурного мнения. Их несчастным положением пользовались в корыстных целях: брали взаймы у них маленькие и большие суммы денег. Чаще большие, конечно. Был с такими просителями случай. Супруга Бахтина прибегает к Шепелевой на кухню и кричит: «Посмотри в окно! Видишь, мужчина пошел? Кто это? Он сейчас у Михаила Михайловича взял большую сумму взаймы, а кто он такой, мы и не знаем!» Супруга Бахтина выбирала самые дешевые продукты на рынке, выгадывала каждую копейку. В последнее время перед отъездом из Саранска в Москву они так бедно жили, что сама Елена Александровна ела одну картофелину в день. Так получилось, что Шепелева стала для Бахтиных нянькой. День для них заканчивался примерно в десять вечера. По ночам Бахтин не работал. Они ложились в постель, а соседка запирала дверь с внешней стороны и уходила в свою квартиру вместе с ключом. Они сами просили закрывать их с внешней стороны, чтобы никто не мог их побеспокоить. Если бы даже кто-то пришел, они бы не открыли дверь. Они вообще по собственной воле не хотели никого видеть. Телефона у них в квартире не было, они сами отказались от него. В семь

часов утра соседка приходила к ним открыть дверь. За уход они не платили. Но в благодарность Бахтин многие страници кандидатской диссертации написал за зятя своей соседки. Им был тот самый Юрий Федосеевич.

Дом у Бахтиных был запущенным. Никаких штор, никаких занавесок. Он носил обручальное кольцо, а она – нет. Антонина Максимовна помнит своеобразную улыбочку Бахтина, его желчные замечания. Не по поводу событий современной жизни, об этом он не говорил, ибо боялся. «Тормозной механизм у него работал и сбоев не давал, – авторитетно заметила Антонина Максимовна. – Между собой супруги, конечно, откровенничали. Друг от друга секретов никаких не было».

В квартиру к Бахтиным Антонина Максимовна заходила как в кочегарку. Дома валялось много пепельниц и огромное количество сигарет почему-то всегда в смятых пачках. Когда соседка выходила от них, то ее одежда была пропитана запахом табачного дыма. Супруг ругал ее за частые посещения соседей. Но та слушать увещеваний мужа не стала. Юрий Федосеевич, ее зять, тоже не прислушивался к словам тестя и продолжалходить к Бахтину. Но дружбы у них, по ее мнению, быть не могло. Бахтин к этому времени был уже в таком состоянии, что все чувства в нем умерли, сгорели, были уничтожены жестокой жизнью, которая ему досталась. Эта человеческая часть его существа умерла. Остался только интеллект и больная физическая оболочка, а также физиологический страх животного, у которого могут отнять даже эту жизнь. Философ сам признавался в этом своей соседке. А доверял ей Бахтин только потому, что ее исключили из комсомола: Антонина Максимовна не сообщила своим товарищам о муже собственной сестры, который был объявлен врагом народа.

«Я с вами вот сейчас разговариваю, – прервала вдруг воспоминания Шепелева, – а сейчас как будто вижу его... Как он идет по лестнице... Ему на-

до подняться еще на одну площадку, а он задыхается от усталости и будто пытается собрать силы, чтобы подняться выше... Супруга его всегда ждала, он сам дверь не открывал. Он запрещал помогать себе, не разрешал, все сам, сам».

Я был не первым, кто пришел к Шепелевой с расспросами о Бахтине. Приезжают незнакомые люди. Крутятся возле дверей квартиры Бахтина, потом звонят в соседнюю квартиру, к Шепелевой. На ее глазах они кланяются дверям, за которыми столько лет жил и страдал их кумир. Так что того и гляди скоро начнется паломничество. Но никакой дьявольщины с квартирой она не помнит. А кто жил здесь после Бахтина, она сбилась со счета! Помнит только, что квартира после отъезда Бахтиных долго стояла пустой с их вещами. Они с собой ничего не взяли, даже одежду оставили. Елена Александровна вообще в халате поехала. Так поспешно бежали, как только поняли, что могут покинуть Саранск.

После Бахтиных заселился бывший партийный работник, чья супруга жаловалась соседке, что квартира очень запущенная и главное – никак не могут выветрить табачный запах. «А еще антиллигент!» – возмущалась она.

Антонина Максимовна уговорила нынешних хозяев бахтинской квартиры впустить нас. Мы вошли. Когда-то тут у порога стояла и моя преподавательница, которая писала работу по Виланду, а Бахтин, провожая ее, целовал ей руки... И кто был виноват в той драме с мужем дочери Антонины Максимовны? Любовь, Бахтин, карнавал?

В комнате, где раньше стоял стол Бахтина, бродил бульдог новых хозяев. Он залаял на нас, а потом улегся и стал грызть кости. Как все это похоже на карнавал: великий мыслитель с супругой голодали в этой комнате, а теперь здесь собака от скуки гладает кости. Невольно на память пришла цитата из Бахтина: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения». ■

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР

Из архива

Все французские кладбища так же бездушны, как и отлаженная бюрократическая машина Французской Республики, – ни тебе деревца, ни чахлого кустика. Все, кроме одного, – русского некрополя Сен-Женевьев-де-Буа, где по нашей традиции есть и деревья, и скамейки... Русские приходят на это кладбище не просто поклониться усопшим, но и поговорить, выпить, посоветоваться, а то и отчитаться о своей земной жизни. В поисках громких имен русского и советского зарубежья на могильных плитах немногие из посетителей обращают внимание на скромную табличку «Зиновий Пешков, Легионер».

Василий ЖУРАВЛЕВ

Марсель–Обань–Париж–Москва

Безрукого генерала сегодня мало кто помнит. Россия отвернулась от него и отобрала единственную дочь, Франция отобрала руку, но наградила почетом и уважением. Теперь прожитая им жизнь – удел историков. Для советских он был отцепенцем, для истинно русских в Париже – выкрестом и высокочкой, а для французов – генералом и героем, но все же чужим. Иностранцем. Легионером.

Разобраться в хитросплетениях жизни этого человека непро-

сто: вся его жизнь похожа на метания перепуганного зайца под ружьями охотников... но только до того момента, как он стал полноправным членом мужского братства – Французского Иностранных легионов...

...Граверных дел мастер Свердлов оторвался от инструментов, близоруко прищурился и признал в высоком господине, заглянувшем в его лавочку на Нижегородской ярмарке, ссыльного писателя Пешкова. Книг его он не читал, но слыхал от соседей, что молодой барин нажил неприятности от властей и внаказание был сослан под надзор полиции в родной Нижний, по-

ближе к своему папаше – купцу. У нижегородского мещанства ссыльный литератор вызывал смешанные чувства: вроде как «свой» да к тому же невинно пострадавший, но держаться от него лучше подальше, иначе можно нажить неприятности.

Вдовствующему еврею Свердлову с детьми на руках терять было уже нечего: он и так сидит на трехногой табуретке на самом дне социального колодца российского общества. Без суетливого подобострастия спросил: «Что угодно-с?» Оказалось, писателю понадобились суетные бумажные свидетельства нашего пребывания на земле – визитные

карточки. «Не извольте беспокоиться. Будут готовы с через три дня. Заходите».

Спустя несколько дней Пешков заглянул к Свердовым на Большую Покровскую. Карточки были готовы. «Извольте познакомиться – дети мои, – прорубомотал Михаил Израилевич. – Сиротки: дочь Софья, Вениамин, Яков – младшенький и Зиновий – старший. Моя опора, так сказать...»

По пути домой писатель вспоминал случайное знакомство: «Софья весьма недурна... Если повезет, то папаша выдаст ее за богатого еврея, и к тридцати она превратится в матрону, озабоченную только тем, чтобы дома «было что кушать». Малец букой смотрит... словно на классового врага. А вот старший занятный паренек. Открытый. Есть в нем какое-то обаяние. Уверенность в себе, что ли. И не затравленный, взгляд смелый».

Алексей Максимович стал захаживать к Свердовым «попить чайку». Вначале братья ревновали: думали, опальному «инженеру человеческих душ» приглянулась сестрица Софья, оказалось – нет.

Буревестник грядущего цунами пристроил всю еврейскую семью к «движению». Отец сирот стал безвозмездно изготавливать столь нужные подполью фальшивые печати, а юноши выполняли различные поручения нижегородских дантонов: стояли «на атаке» во время модных тогда «маевок», когда сознательные пролетарии в лучших своих картизах и смазанных сапогах и пролетарки в ситцевых платьях лузгали семечки и внимали крамольным речам чахоточных пророков.

Кончилось все достаточно быстро: в 1901 году охранка Нижнего замела всех «несогласных», не забыв и отца сирот.

Две отсидки в тюрьме. Они сблизили Алексея Максимовича и Зиновия Михайловича. Правда, в отличие от тех тюрем, в обустройстве которых примет живейшее участие младший из двух Свердовых, в царских застенках к молодым социалистам относились не как к врагам, а как к за-

блудшим овечкам, соотечественникам, еще не совсем потерянным для лечения и социальной адаптации.

После освобождения из нижегородского застенка Пешков одарил Зиновия своим портретом и начертал: «На добрую память о днях совместной веселой жизни!» И не без боязного ухарства добавил: «За каменной стеной». Яков никакого фотопоощрения не получил, зато приобрел бесценный опыт, который вскоре учтет: с врагами, как с ним, не церемонятся.

А вот Зиновий понял другое: это игра, но не его. Поразило в движении и отвратило одно: идеалистов в нем – единицы. Как юная пропагандистка Лидочка, которая снабдила Зиновия запрещенной литературой, а заодно помогла избавиться ему от отягчающей повседневность девственности. Или тот же Пешков. На одну честную и тихую Лидочку, готовую идти на каторгу ради мечты о всеобщем счастье, – десятки невостребованных истеричек. Остальные – все те же «Бесы» из Достоевского. Они готовы на самосуд и убийство. Уголовщина – вот имя «идеи», которую к тому же формулируют весьма путанно.

Писатель Пешков привязался к своему юному соратнику по борьбе и дал ему добрую кличку Зинка. Зиновий обращается к нему на «ты» и зовет «Алексеем». Но при этом боготворит.

В апреле 1902-го поднадзорного Пешкова отправляют в Арзамас. Ему нужен библиотекарь. Не раздумывая, он приглашает на эту роль Зиновия. К концу лета писатель заканчивает пьесу. Он называет ее «На дне жизни». Ни он, ни домочадцы еще не знают, что пьеса о дне жизни для автора – всплытие на ее поверхность. Успех, слава, деньги.

Немирович-Данченко в Арзамас пожаловал сам. Пьесу ставят без промедления – в квартире Пешкова. Зиновий играет роль Васьки Пепла.

Сам Мастер предлагает Зиновию отправиться в Москву и попробовать свои силы на столичных подмостках. Уже от одного этого у еврейского сироты кру-

жится голова. Режиссер МХТ, заручившись поддержкой самого Шаляпина, начинает хлопотать о зачислении юного протеже Буревестника на драматические курсы. Но как часто бывает с нашей интеллигенцией, в этих хлопотах никто так и не поинтересовался, в какой стране живет, – доброхотам невдомек, что лицам не православного вероисповедания в обеих столицах жить воспрещается: империя Романовых неукоснительно блюла черту оседлости. Выход был только один: из еврейского юноши сделать русского. Буревестник берется устроить это чудесное превращение: он усыновляет Зиновия и дает ему свою фамилию. Но для полноты картины нужно креститься в православную веру.

Таинство вскоре свершается в арзамасской Троицкой церкви. Метрическая книга свидетельствует: «Мещанин иудейской веры Ешуа Золомон Мовшев Свердов принял православное крещение под именем Зиновия Пешкова».

Семейство Свердовых к вынужденному православию старшего сына отнеслось спокойно. Все, кроме Якова: для него поступок брата – предательство. В глазах Якова брат-погодок стал приспособленцем.

В октябре 1903 года власти спохватились – в Троицкую церковь пришел императорский указ об исправлении этой записи: Пешкову надлежит вернуть фамилию Свердов. Поздно. Юноша уже затерялся в Москве.

В МХТ горьковский приемыш стал своим, его полюбили взрослые. Через Зиновия Федор Шаляпин передавал студентам билеты на свои концерты в ложу 4-го яруса Большого театра.

Памятая об успехе на прогоне горьковской пьесы в арзамасской квартире ссыльного, в спектакле «На дне» Станиславский доверяет Зинке роль Меланхолика: юноша в мизансцене поддерживал гневную Василису, готовую эффектно упасть.

Овации сотрясают зал каждый вечер, а после театрального разъезда Зиновий уже не сдерживает театральных барышень,

East News/AFP

■ Родные братья Зиновий и Яков Свердловы

РИА «Новости»

Предоставлено М. Золотаревым

■ Саломея Андronикова

готовых упасть в его объятия. Чего большего желать вчерашнему провинциальному? Но Зиновия Москва тяготит: все эти видимые успехи – не его заслуга. Все – по протекции.

Заграниценный вояж

Конец душевным терзаниям положили обстоятельства: Россия схлестнулась с Японией за Дальний Восток. Пусть и выкrest, но раз уж православный, то обязан умереть за отчество. Отсрочки от армии школа МХТ не давала. Призыв Зиновия был неминуем. Он окончил всего четыре класса гимназии – служить ему придется в нижних чинах, а значит, «еврейчику» в казарме не поздоровится.

Бежать – вот выход. Посоветовался с приемным отцом. Буревестник был пасмурен и краток: «Сынок, нетрезона сложить свою голову за эту шайку. Бездарный выбор. Война эта – не твоя. Уезжай». Пешков по загранпаспорту, сделанному то ли Горьким, то ли нелегально, через Финляндию уехал в Швецию. Оттуда перебрался в страну всех беглецов – Америку. Но и там долго не задержался. Опять прочитанные книжки подсказали сюжетный ход: он отправляется в страну настоящих мужчин – в Канаду, на Юкон, в рассказы Джека Лондона.

Увы, никаких собачьих упряжек, снегоступов и индейцев:

приходится работать сначала в прачечной, потом в типографии. Он возвращается в Штаты и учится работать локтями в Нью-Йорке. Но Америка – не его страна. Ему тошно в ней. Он делится с Горьким своими чувствами: «Нет гармонии разнообразия типов, нет общности интересов и характеров. Всеми руководят требования желудка. Еще много станций надо проехать этим людям Нового Света, чтобы обрести свой путь, чтобы стать народом и выработать национальную идею и путь к культуре и духовному величию». Бедный, но наблюдательный и думающий эмигрант обречен стать неудачником в любой стране. Денег на жизнь Зиновию катастрофически не хватает, и он «балуется пером» – пишет рассказы и отправляет их на суд маститому писателю – приемному отцу. Один из них, «Без работы», Горький опубликовал. Но про себя Зиновий знает, что писательство – это не его каторга.

В марте 1906 года Горький едет в турне по Америке, где его встречают весьма восторженно. Там же он пишет хрестоматийную «Мать». Зиновий находит приемного отца и остается при говорящем только по-русски с характерным волжским оканьем, то есть «немом» писателе, переводчиком. Жене Горького приемыш не нравится.

Буревестник отправляется в Италию, в Неаполь, а Зиновий – в Новую Зеландию, о которой грезил еще в детстве. Год отработал Зиновий крючником и продолжал писать рассказы – еще одной детской мечтой стало меньше. Гонораров и заработанных «крючничеством» денег едва хватило для покупки билета на пароход до Италии: Зиновий не сдается, но даже героям нужна передышка. К тому же так заманчиво звучит «вилла Спинола» – дом, где поселился приемный отец.

Итальянские каникулы

На Капри Зинка ведет бухгалтерию писателя. Горький через него общается с островитянами – к английскому Пешкова быстро прибавляются ломаные французский и итальянский.

Кто только не отметился тогда на вилле Горького на Капри! Ильич с Инессой и Наденькой поочередно, польский карбонарий Дзержинский, интеллигентный до приторности Луначарский, рефлектирующий Бунин, Новиков-Прибой, саркастический Саша Черный, статистик из Черниговской управы ласковый Коцюбинский, год копивший средства для подобного вояжа, занудно мучающий себя и окружающих «вечными вопросами» Викентий Вересаев, успешный Репин – всех не вспомнить. Но как шутил издатель пролетарской литературы Пятниц-

кий: «В этом водовороте людей и солнца у Горького было только два друга: попугай и Зинка». Вилла Спинола, где тогда обитал глашатай революции, постепенно превратилась в странно-приимный дом гонимых марксистов. Этот дискуссионный клуб советские марксологи впоследствии назовут «Школой на Капри». Увы, большинство ее «выпускников» – членов «Общества политкаторжан», то есть тех старых большевиков, которые привели Сталина к власти, будут безжалостно уничтожены как «враги народа». Но даже в застенках Лубянки, помногу раз оклеветав друг друга вслух и письменно, «про себя» эти старики не отрекутся от того, что говорили тогда в Италии. Их убеждение что вера апостолов.

В то время Алексей Максимович пишет Пешковой: «Людей видел я несть числа, а ныне чувствую, что всего ближе мне – Зиновий, сей маленький и сурово правдивый человек, – за что по всему ненавидим».

Но все больше времени Зиновий проводил не с приемным отцом, а с Амфитеатровым в портовом городе Специи. (А.В. Амфитеатров, 1862–1923, известный фельетонист и беллетрист, в 1902 году был сослан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы», то есть Романовы. – **Прим. ред.**). Уже тогда Амфитеатров был ему ближе, чем вся «модная тусовка» русских ниспровержателей. Происходит это задолго до всех войн и революций, которые, свершившись, разлучат навсегда Александра Валентиновича с Алексеем Максимовичем: не до «не по-датия руки», а до презрения до гробовой доски.

Как-то в Специи Зиновий познакомился с милым «даттиографом» – машинисткой, перепечатывавшей рукописи Амфитеатрова. Синьорина Бураго была дочерью полковника-казака и хороша собой. Зиновий уже начал было подумывать... но тут на вакации приехала ее младшая сестра, Лида. Пешков был сражен наповал: его идеал, женщина его мечты, пусть и значительно выше ростом. Рост Зиновия не превышал 162 см.

Предоставлено М. Золотаревым

■ В.И. Ленин играет в шахматы с А.А. Богдановым. Слева (в шляпе) стоит Владимир Базаров, справа от Горького – Зиновий Пешков, женщина – Наталья Богданова, за Лениным Иван Лодыжников. Капри. 1908 год

Ровно через пять дней знакомства юная казачка в объятиях пылкого еврейского юноши прошептала: «Да!» Легко представить, что сделалось с папенькой курортницы, когда его донцы узнали, что полковничья-то дочка выходит за выкреста.

Русская семья так же отреклась от Лидии, как еврейская – от Зиновия.

Приглашение на свадьбу было напечатано на русском и итальянском: «Мария и Алексей Пешковы имеют честь Вам сообщить о предстоящем бракосочетании их сына Зиновия и синьорины Лидии Бураго. Оно состоится на Капри, на вилле Спинола. Будем счастливы видеть...» И один только Горький не разделял всеобщего веселья: мезальянс был ему не по душе...

«Этот красивый паренек вел себя по отношению ко мне удивительно по-хамски, и моя с ним дружба – кончена. Очень грустно и тяжело», – сообщает Горький жене.

Зиновий пытается объясняться с пролетарским писателем. Но попытка поговорить по душам, как и прежде, не удалась: «Зиновий – хам, – пишет с Капри

Алексей Максимович супруге, – слезы его – слезы виноватого». А в это же время новобрачные наивно шепчут друг другу: «Лишь только смерть разлучит нас!» Никакие казацкие «монтекки» и еврейские «капулетти» не помешают им быть «вместе навеки».

...Так они тогда думали. То был упоительный день, как все сумасшедшие свадьбы по любви! Никаких родителей со стороны жениха и невесты, зато более шестисот гостей восторженных островитян – жители юга понимают безумство неожиданно нагрянувшей любви.

Его первая война

В тот день, когда Гаврило Принцип столь удачно разрядил свой «браунинг» в тишишего эрцгерцога Фердинанда и его жену, дочери Пешковых шел уже второй годик. Зиновию было тридцать, и, кроме этой даты, у него не было ровным счетом ничего: ни своей квартиры, ни доходного места, ни славы. Его очаровательная казачка все больше стала походить на Ксантиппу при Сократе и давила своими материальными запросами его без-

границную свободу мироощущения.

Зиновий обычно влюблялся в то место, где жил, и в тех людей, что его окружали. И становился таким местным патриотом, что готов был сражаться за свою влюбленность в этот уголок земли. Он стал агитировать итальянцев добровольно вступать в армию и идти на войну с немцами. Его неподдельная вера в правоту произносимых им слов нравилась организаторам пропагандистской кампании – в добровольцы «пушечное мясо» записывалось толпами. Но «шовинистическая» деятельность Зиновия, как ее назвал приемный отец, окончательно отвратила от него Горького...

В результате страстный агитатор задумался: какое же он имеет право уговаривать людей идти на смерть, а сам отсиживаться в тылу? Это верх цинизма! Решение созрело мгновенно: в русской армии служить нельзя, остается Марсель. Зиновий отправляется на Ривьеру с сотней лир в кармане. Немного шарма, пламенные рассказы о своих способностях – и он принят в пехотный полк в Ницце. Писарем. Зиновий разбирает и систематизирует полковую почту. Его способности к «логистике» приводят штабных вояк в восторг. Зиновий уже грезит офицерскими погонами на своих плечах и гламурной штабной карьерой, но тут все разом и заканчивается: принят вердикт, по которому единственное подразделение, где могут служить иноземцы во Франции, – это Иностранный легион. Так Пешкова стал легионером.

В Легионе он встретил немало соотечественников: в патриотическом порыве русские студенты Сорбонны и других французских школ и университетов вступили в Легион. Одним из тех немногих, кто пережил ту войну и вернулся в СССР, был Виктор Финк. Его книга «Иностранный легион» выйдет в «Советском писателе» в 1933 году. В ней – окопная правда, как и в «Огне» Барбюса.

Куда же попал Зиновий? Из письма убитого легионера, которое приводится в книге, мно-

гое становится ясно: «Я понял, что не застрахован от неприятных неожиданностей, и ушел в Иностранный легион. Для людей чести, которые хотят похоронить свое прошлое, нет лучшего кладбища, чем Легион, его суровая дисциплина военной каторги и его жизнь, исполненная трудностей, лишений и военных опасностей. Я пришел сюда в поисках смерти или успокоения». Легионер Блоегар пришел в Легион ради смерти и получил ее.

Вчерашний писарь «Пешкофф» вскоре отличился в боях под Реймсом. Ему присваивают звание капрала и назначают командиром отделения 2-го пехотного полка. При больших потерях продвижение в чинах происходит быстро.

В мае 1915 года военный атташе России во Франции граф Игнатьев, тот самый, что вскоре «переметнется к красным», докладывал в Петроград о действиях 2-го пехотного полка Иностранных легионов: «Как полковое, так и высшее начальство отзываются с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальностей сражались в последних упорных боях, где потеряли более половины своего состава». Именно эти «последние упорные бои» и стоили Пешкову правой руки...

Будущий нарком просвещения Луначарский в войну был военным корреспондентом «Киевской мысли». В июле 1915 года был опубликован его очерк с фронта, в котором он приводит рассказ Пешкова: «Это было широкое утро – когда начался артналет, то воздух ревел, а со стороны неприятельских траншей фонтаном разлетались деревья, земля, люди, камни. Капитан мне крикнул:

– Не прекрасно ли это, Пешков?

– Да, мой капитан, это как извержение Везувия.

Солнце освещало поле золотом, на поле разворачивалась грандиозная картина ада. По команде мы высекаем из своих окопов. Я вместе со своим отделением бегу вперед, по нам оживают немецкие пулеметы, и вдруг моя рука падает как плеть, что-то

меня толкает, и я лечу на землю. Нет сил встать... Кое-как достал нож, разрезал ремни и постарался ими стянуть правую руку».

Легионеру Пешкову очень хотелось жить: в полуобморочном состоянии он умудрился добрести до перевязочного пункта, а оттуда до железнодорожной станции. С приключениями добрался до Парижа, в пригороде которого был американский госпиталь. Позднее Зиновий писал: «При осмотре одна из сестер, высокая блондинка в ослепительно белом халате, сдирая с меня грязь, по-английски сказала: «Ну, этот умрет». Я посмотрел на нее и сказал: «А может быть, еще не совсем?» Боже мой, что с ней сделалось!» Именно эта блондинка «в ослепительно белом халате» в нужный момент вернула Зиновия к жизни: их роман напоминает историю раненого «тенента» из романа Хемингуэя «Прощай, оружие!». Руку Пешкова, в отличие от ноги лейтенанта Генри, спасти не удалось – теперь Зиновий навеки калека...

В своих воспоминаниях секретарь Сталина Бажанов утверждает, что когда до Нижнего дошла весть, что Зиновий потерял руку на фронте, то старик Свердлов оживился: «Какую руку?» Он страшно развелся, а когда узнал, что сын лишился правой, то восторжествовал: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку.

28 августа маршал Жоффр подписал приказ о награждении капрала Пешкова Военным крестом с пальмовой ветвью. На торжественной церемонии во Дворе чести Дома инвалидов Зиновию вдобавок вручили именное оружие. В свите маршала Франции оказался долговязый офицер с длинным носом по фамилии Де Голль – он подошел к легионеру и разговорился с ним. Взаимную симпатию, возникшую во время светского разговора с бокалом шампанского в руке, оба тогда молодых офицера пронесут через всю жизнь...

После пережитых потрясений и неожиданно свалившейся сла-

Предоставлено автором

■ **Легионеры на параде на Елисейских Полях во время войны в Алжире. Париж, 14 июля 1958 года**

■ **Общая победа Британии и «Свободной Франции»: флаг 13-го полка Легиона развевается над Массая (Эритрея)**

вы герою Пешкову дали отпуск. Как он был некстати, этот долгожданный отпуск! Война отобрала у Зиновия сначала правую руку, а теперь и жену. Жена могла бы стать его правой рукой... но она сообщает однорукому герою Арраса, что уходит от него, потому что он не помогает материально. И не делает ей никаких практических предложений. Как содержать семью? От него одни идеи... Герой войны в полной растерянности. Что же делать? В чем он виноват? Он знает, что в сражении с таким врагом, как нужда, он всегда проигрывает.

Легионер Пешков решает вернуться в Россию и уйти в монастырь. Он понимает: дома его ждет лишь каторга – охранка не забывает ничего... Зинка остается в полном одиночестве: для своих он не герой, а никому не нужный человек.

В минуту отчаяния его спасает служба: теперь Легион – его единственная семья. Он возвращается в полк лейтенантом.

Триумф брата Якова

В России – революция! В мае 1917-го Пешков уже капитан и кавалер ордена Почетного легиона – высшей награды Французской Республики. Его направляют с деликатной миссией на родину – в качестве представителя военной миссии

Франции при Временном правительстве.

Зиновий сопровождает Керенского в его вояжах на фронт, но быстро впадает в немилость: он слишком прямо говорит о разброде в русской армии, о ее грядущем развале и о том, что «война до победного конца» в этих условиях – бред. После возвращения в милую Францию, ставшую ему еще более милой после посещения родины, Пешкова принимает президент республики. «Мажер Пешкофф» делает четкий и нeliцеприятный доклад о положении дел в России и в ее армии. Врать ему ни к чему.

И тут, прослышиав о его быстром взлете, казачка Лидия предлагает сойтись. Зиновий не-преклонен: он вычеркивает из своей жизни тех, кто предал и заставил его страдать. Он спокоен: у Лидии давно уже появился итальянский покровитель, который воспитает их bambino и сотворит еще несколько bambini.

После Октябрьской революции, как и многие русские интеллигенты, французы надеются, что большевики долго не протянут. А вот Пешков в это не верит. Он слишком хорошо знает брата Якова и его товарищей... да и гости виллы Спинола еще не забылись. Конечно, Амфитеатров ему ближе, чем приемный отец... Не зря же Амфитеатров доказывал,

что этот режим – «позорное мелочное рабство закабаленных масс», но режим воцарился на долго и приведет лишь к дегенерации русской культуры. Трагическая смерть Блока, расстрел Гумилева, постыдная политическая «двуумысленность» поведения Горького – все это Амфитеатров воспринимал как верные приметы начала гибели великой культурной традиции.

Пешков далек от эмиграции с ее спорами о грядущем. Из Нового Света он отправляется в Сибирь, к Колчаку.

В сентябре 1919-го Верховный правитель лично награждает «майора французской службы» орденом Святого Владимира третьей степени.

Колчаку – большевистская пуля на рассвете и могила в проруби, а Пешкову – следующее задание от Генштаба французской армии...

Как скажет спустя двадцать лет в микрофон лондонского радио друг и покровитель однорукого легионера, беженец полковник Де Голль, «мы проиграли сражение, но не войну!», так же Париж в 1919 году пытается спасти Кавказ от большевизма. Пешков едет в независимую от призрака коммунизма Грузию, в Тифлис. Но расчет французов опять ошибочен: распад страны даже иностранец остановить не может.

Тот грузин, что командует в это время войсками под Царичаном, пустил бы Зиновия, не задумываясь, «в расход». Грузины, что командают Тифлисом в тот год, выказывают советнику представителя Франции всяческое уважение.

В Тифлисе Зиновию заниматься особенно нечем: ему ясно, что, как только через Кавказский хребет перевалит Красная армия, марионеточный режим рухнет. Как и во все свои прошлые приезды на родину, Пешков чувствует себя здесь снова чужим среди своих. Легионер с удовольствием пользуется своим новым статусом: теперь его охотно принимают там, куда раньше еврейского юношу не пустили бы дальше прихожей. На одном из таких *soire champagne* в обреченнном городе, где вместо шампанского рекой течет кахетинское, он знакомится с Саломеей Николаевной Андрониковой – одной из самых красивых и неординарных женщин своего времени. Саломея принимает ухаживания и комплименты однорукого выкresta в форме офицера французской армии, но не более того: она думает, что есть, пусть и слабая, но надежда вернуться к прошлой жизни. Саломея, та самая, чьи портреты по очереди писали восторженные художники, которой посвящала свои рифмы Ахматова, а позже писала благодарственные письма обнищавшая в эмиграции Марина Цветаева... Та самая Саломея, что стала символом, последним отблеском заката русского Серебряного века – бархатного сезона исчезающей страны.

Ночной разговор краток: «Меня отзывают. Завтра. Поедете со мной?» Похоже на эвакуацию посольства дружественной страны, когда страна ломается под накопившимся гнетом этой дружбы. Ни бонны, ни гувернантки из Питера взять с собой невозможно – только вы. Одно место багажа. Вернее, два: Саломея и ее чемодан. Ответ краток: «На рассвете? Что ж, в путь...»

Шустрая канонерка – русский корабль, который скоро тоже превратится во французский металлом в тунисской Бизер-

те. Торопливый стук дамских ка-блучков по трапу – матрос вот-вот сдернет его. Майор Пешков ретирируется с трофеем. Самому не верится, но Саломея – его!

План непродуманного бегства мог рухнуть: в новом паспорте, второпях сляпанным во французской миссии, была транзитная виза. Тем, кто приходит ночью на канонерку, печать от болгарских пограничников не требуется, но при посадке на поезд до Парижа в Софии в болгарах вдруг взыграла турецкая кровь – смесь «обиды за державу» и привычки к «бакшишу». Месье француз может следовать домой, а вот его русскую мадам придется оставить здесь – нет въездной болгарской печати! Деньгами вопрос не решить – при свидетелях не примут «малую лепту». Паровоз дает нетерпеливый гудок и выпускает облако пара – ему невтерпеж.

Пешков левой рукой решительно поднимет валявшуюся на столе печать почтовой службы и грохает ею что есть силы о девственном паспорте своего драгоценного багажа. Вам нужна печать – силь ву пле, другари! Какие еще будут вопросы к важному представителю дружественной страны?

9 мая 1982 года лондонская газета «Таймс» сообщила: «Вчера на 94-м году жизни скончалась Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн, последняя из самых блестательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии, одна из самых известных красавиц той эпохи. Она славилась умом, обаянием и остроумием. В числе ее друзей были знаменитые русские поэты и художники...» В списке друзей Пешкова нет. Свой роман с легионером-выкrestом Саломея Николаевна не афишировала до глубокой старости.

Их отношения продолжались и в Париже, но ждать возвращения офицера из опасных командировок Саломея была не приучена: Зиновий не Одиссей, а она не Пенелопа, да и вообще профессиональные красавицы – не важные подруги фронтовикам.

Расстались они без претензий: каждый получил то, что желал.

...А Зиновий снова возвращается в Крым, в качестве прикомандированного военного советника, или спецпредставителя. И вместе с остатками армии Врангеля уходит из России. Теперь уже навсегда...

Снова в Париже

Противоречивость характера Пешкова (или верность Легиону?) выражалась и в том, что после разгрома Белого движения в 1921 году он становится общественным секретарем Международной комиссии помощи голодающим в России. Познакомившись с «красным графом» Алексеем Толстым, французский легионер организовывает движение помощи русским школьникам. Благодаря своим связям он привлек к этой деятельности девять правительства и семь национальных «Красных Крестов».

Разумеется, для соратников брата Якова он остается врагом.

В январе 1922 года Пешков подает рапорт на имя министра иностранных дел господина де Переттии. Сегодня из него ясно, что Зиновия больше никто и ничто не связывает с прошлым. Теперь он – настоящий легионер. Ничто не отвлекает Зиновия от тяжелого душевного состояния: он живет жизнью «штабной крысы» – каждое утро заставляет себя в тоске отправляться на работу в штаб, где до шести перекладывают бумажки. Он пишет рапорт за рапортом и наконец получает новое назначение: приказано убыть в полк, расквартированный в Марокко. Там разгорается война с берберийскими племенами.

Жаркий песок Марокко

Пешкова назначают командиром роты 1-го полка Легиона, который расквартирован в Северной Африке. В ординарцах у него – казацкий есаул. Нет-нет да усмехнется про себя Зиновий, представив себе никогда не виданного им тестя полковника Бураго... «Казак в услужении у жида». Но в действительности командир роты очень привязан к своему соотечественнику и тяжело переживает его потерю: ординарец

Предоставлено автором

■ Девиз легионера в Сахаре: «Маршируй или умри». Алжир, Сиди-Бель-Аббес. 1912 год

■ Иностранцы-легионеры всегда остаются верны идеям Французской Республики: Де Голль проводит смотр тех, кто не струсили

погибает не в бою – его зарезал в городе какой-то марокканец.

Зиновий наконец-то счастлив – он снова среди своих. Мужское братство ему всего дороже! «Наш Великолепный Однорукий» называют его за глаза солдаты. «Мои бояки» – ласково величает он про себя своих подчиненных.

Год службы промелькнул в стычках с непокорными племенами рифов под началом Абд аль-Керима и изматывающих маршах по пустыне, когда выбившихся из сил оставляют умирать среди песков, лишь вынув затвор из его винтовки – чтобы ею не смогли воспользоваться повстанцы.

Во время одной из таких рутинных операций – это и есть все колониальные войны – отряд Пешкова приблизился к пригороду возле оазиса. Он едва успел сказать себе тогда: «Вот идеальное место для засады» – как полетели пули. Одна из первых досталась командиру: восставшие всегда сначала отстреливают офицеров.

Ранение на этот раз в левую ногу. Был у Пешкова тогда шанс стать еще и безногим, но ногу спасли. В госпитале Рабата его навещает маршал Илоте и вручает ему второй Военный крест с пальмовой ветвью.

Сент-Экзюпери нашел себя в своих полетах над Сахарой, а Пешков – среди песков той же самой пустыни. Еще в рабатском госпитале он начинает писать книгу «Иностранный легион». Андре Моруа выдаст большой кредит его работе – снабдит книгу своим лестным предисловием.

О Легионе уже написано более двух сотен книг, но эта – одна из лучших. По этой книге в Голливуде в 30-е годы снимут фильм...

Междурядья

Автора книги о Легионе голливудским продюсерам долго искали не пришлось: полковник Пешков теперь частый гость в Штатах. Скорее всего, он собирает информацию, интересующую французский Генштаб. Но все эти вояжи и амплуа «рыцаря плаща и кинжала» ему не по душе: он снова скучает, тоскует по пустыне и своим боякам и отчаянно флиртует. Однажды, обняв дочь автомагната, к тому же графиню, мадам Комбетт, привычно шепнул на ушко: «Будьте моей», но зачемто добавил: – «...женой». Должно быть, от долгого одиночества и скуки большого города.

Свадьба в 1933 году была долгой – в лучших буржуазных традициях месяцами выбирали

платье и составляли списки гостей, – а вот брак оказался скоротечным.

Потом возникла испанская аристократка. Ровно на столько, чтобы на свет мог появиться ребенок, а потом они разошлись. Впрочем, их мальчик прожил всего десять дней: роду Свердловых было предназначено исчезнуть навек. Он любил эту искреннюю в своей взбалмошности испанку, но после смерти ребенка они разошлись идейно. Космополит-легионер старался, но так и не смог принять ее веру в националистов и каудильо Франко... в той гражданской, войне он снова был на стороне слабых и побеждаемых.

В старости они встретятся вновь, и сеньора, холеная сухонькая старушка, признает его правоту...

Пешкову везло на войне, а вот в любви и карьере удача слишком часто поворачивалась к нему спиной. Незадолго до европейского танкового турнира австрийского троекника Гитлера Зиновий случайно встретился с Де Голлем. Два офицера обедали в парижской закусочной – brasserie, смеясь над тем, что оба все еще полковники, когда все вокруг давно генералы. «Мой несносный ха-

■ Для одних – грязная колониальная война в Индокитае, для других – просто работа

Предоставлено автором

■ Приблудный пес стал талисманом для кавалеристов 4-го эскадрона 1-го кавалерийского полка в Марокко

рактер – вот причина», – улыбнулся Де Голль. Пешков мог бы сказать то же, вспомнив приемного отца: «слишком прям со всеми» и добавить уже от себя: «к тому же чужой».

Пешков тогда жил между двух огней: русская эмиграция не забывает о том, что именами его брата и приемного отца названы два города в ненавистной ей «совдепии», а бдительная французская контрразведка учитывает ее мнение, да и всякий легионер для французов никогда не сможет стать своим «солдатиком», пусть и осыпает его республика наградами.

Тогда же он в последний раз видится с дочерью. Лиза вышла замуж за советского дипломата и счастлива: она едет домой! Карьера и жизнь дипломата вскоре закончатся на Лубянке, а она проведет долгие годы в лагерях, поселившись после ссылки в Сочи, хотя бы чем-то напоминавшем ей детство на Капри...

Вторая война

В 1940 году полковник снова командует батальоном. Свою «странную войну» Пешков ведет в Марокко: по выслуге лет ему положено подать в отставку и получить пенсию от правительства Виши, но французы все еще сдерживают атаки немецкого «Африканкорпа». Исход бит-

вы ясен – это тот же Крым, тот же Дюнкерк, пусть и в песках Северной Африки.

В этот момент старый друг Де Голль обращается ко всем французам из Лондона, призывая всех патриотов своей страны не сдаваться, а продолжать борьбу: «Проиграно лишь сражение, но не война».

Все почти как тогда, во времена Тифлиса и Саломеи, только теперь уже сами французы собирают добровольческую армию и патриоты станут пробираться не на Дон, а в Лондон. Разумеется, Пешков один из первых, хорошо замаскировавшись под «штрафирку», покупает билет на пароход в Лондон. Его место не на пенсии, а под знаменем «Свободной Франции».

Никто из легионеров тогда не пошел за «законным правительством» Виши. Такие вот странные иностранцы...

Их «белые кепи» видны среди касок-кастрюлок британских солдат под ливийским Тобруком и египетским Эль-Аламейном, Бир-Хакеймом – этими арабскими словами теперь названа самая близкая к Эйфелевой башне станция метро. Марокканский опыт не раз выручал Пешкова и его «босяков» в этой смертельной схватке с солдатами «лиса пустыни» – маршала Роммеля.

Де Голль выводит старого друга из боя – отзывает полковника Пешкова с Африканского фронта и отправляет его специальным послом в Южную Африку: французам катастрофически не хватает оружия. Зиновий должен убедить нейтральных буров поделиться своими арсеналами. Миссия успешна, как всегда. В 1943 году Зиновий Алексеевич, имея четыре класса нижегородской гимназии, заказывает генеральский мундир и примеряет новые погоны.

Теперь он генерал, как и друг Де Голль. Новоиспеченный «женераль» отправляется с новой миссией: приказано установить дружеские отношения с Чан Кайши. Для выполнения этого приказа пришлось выучить китайский язык – похоже, нижегородская гимназия давала хорошее базовое образование!

Его дипломатические способности уникальны: он не только устанавливает хорошие отношения с «западным» человеком Чан Кайши. Встреча с Мао Цзедуном Зиновию запомнится на всю жизнь. Он поражен тем, как не похож китайский вариант коммунизма на привычный российский – сколько в нем конфуцианской мудрости!

Война еще не окончена, но новый передел мира наступит уже завтра: неутомимый Пеш-

ков быстро передвигается между Китаем, Камбоджей, Лаосом, Вьетнамом и Индией, но никогда не забывает о нуждах ветеранов-легионеров – теперь у них появился «свой человек в Париже».

В марте 1946 года 62-летний генерал назначен главой французской миссии союзного командования на Дальнем Востоке. Он старательно учит японский. За работу в Стране восходящего солнца его наградили Большим крестом Почетного легиона, но отчеты о его успехах до сих пор пылятся в засекреченных архивах.

Генеральская пенсия

В начале 1950 года прошение одинокого легионера об отставке было удовлетворено. Двухкомнатная парижская квартира на rue Loriston и полусотня наград разных государств – вот все, что нажил этот русско-французский генерал. Можно добавить почетное членство в дюжине различных общественных организаций и ассоциаций и домработницу. Вожделенная старость французского буржуа.

Званые обеды для немногочисленных друзей по выходным. Служба в русской церкви по воскресеньям. Походы в русский ресторан «Новый», где, сидя за столиком, так приятно послушать рассказы о войнах и есть с кем поделиться своими воспоминаниями.

А вот по ночам трудно уснуть: вспоминается Лиза, о судьбе которой он ничего не знает. Да и юность, проведенная в России, теперь воспринимается уже совсем по-другому.

Старея, легионер Пешков становился все больше и больше русским генералом-эмигрантом – как те белые генералы. Один из французских дипломатов, встречавшихся с Пешковым в те годы, написал так: «Кризисы, которые тогда переживала Франция, задевали за живое великолушного и чувствительного человека, каким был Зиновий Пешков... Не называя Россию, он в разговорах мало-помалу начинал говорить о ней, о русской литературе, о Чехове, об отце и о прочих, прочих. Он искал

и вновь находил в различных современных формах вечную Россию. Он верил в русского человека, в его жизненную силу, в его добродетель».

И в это тоскливоое время обеспеченной старости в жизнь Пешкова врывается свежий ветер, имя ему – Эдмонда Шарль-Ру. Ему под семьдесят, а ей всего за тридцать. Даже в дочери годится с трудом... Их разделяют десятилетия, но объединяет пережитая война и Легион. Медсестра Эдмона прошла с легионерами всю войну. У нее меньше наград, чем у Зиновия, зато они так хорошо понимают друг друга. Пешков обретает в ней то, чего так и не нашел в других женщинах за всю свою долгую жизнь: собеседника, друга и супутыльника.

Эдмонда работает корреспондентом Elle и пишет романы. Ее первая книга – о судьбе сицилийских эмигрантов в Америке. «Прощай, Палермо» получает Гонкуровскую премию и переводится на 27 языков. Сегодня этот роман мало кто вспомнит, зато ее книгу о Коко Шанель охотно раскупают от Москвы до Владивостока по сей день...

Вскоре Эдмона становится бессменным главным редактором Vogue: в Зиновии был *charme*, а Эдмонда создавала *chic*. Так шарм объединился с шиком...

Однажды в штаб-квартире экзистенциалистов в Café de Flore на бульваре Сен-Жермен, теперь одном из самых «попсовых» заведений города, Эдмона представляет «своего генерала» своим знакомым – Сартру и всем тем, кто с ним ищет новый духовный путь меняющейся Франции. Старому легионеру прибавляется размышлений в его «яхтенном» кресле, выставленном в солнечный день на балкон: новомодные философские идеи о персональной ответственности за происходящее так далеки от его привычного русского «авось» и работы в мужицкой артели под названием «Легион».

А тем временем Франция теряет колонии, Франция теряет свое величие – *La grandeur*.

Любимое словечко стареющего друга Де Голля. Сначала Индокитай, затем Алжир... катастрофа не у ворот, а уже на пороге. Как и прежде, Зиновий Алексеевич – патриот того места, куда его определила судьба.

В этот момент кто-то «наверху» вдруг вспоминает о старом солдате: всегда найдутся деликатные миссии, которые разумные правители поручают только своей «старой гвардии». Восьмидесятилетнего Зиновия Алексеевича просят отправиться на другой край света и убедить его старого приятеля Чан Кайши, а заодно и великого Мао в том, что Франция – им обоим лучший друг. Пешкову удалось это сделать: пусть и ненадолго, но о Франции снова заговорили как о великой державе, творящей судьбы мира.

Это была последняя миссия старого легионера – 27 ноября 1966 года Пешкова не стало. Все газеты вышли с некрологом под заголовком «Ушел Солдат». Его написали Луи Арагон и Эльза Триоле. В православной церкви на рю Дарю, чьим прихожанином был Зиновий Алексеевич, его старый друг священник Николай Оболенский отслужил по нему заупокойную панихиду. Были высокие французские и иностранные чины. Из советских, разумеется, никого. Почетный караул из легионеров. Ордена на подушечках. Застывшая в горе Эдмона – ушел не только солдат, но и самый близкий ей друг.

Кем же был этот человек, которого сын Лаврентия Беррии Серго в воспоминаниях даже умудрился приписать к ведомству своего отца? Авантурристом? Шпионом? Солдатом? Трудно сказать. Он относился к тому племени мальчишек, которые сначала долго не взрослеют, а затем категорически отказываются стареть. Редкая порода людей, для которых жизненный опыт не обрачивается цинизмом. Они живут так, будто у них много жизней. И пишут роман своей жизни, где главный герой – они сами. Но они же – его единственные настоящие читатели.

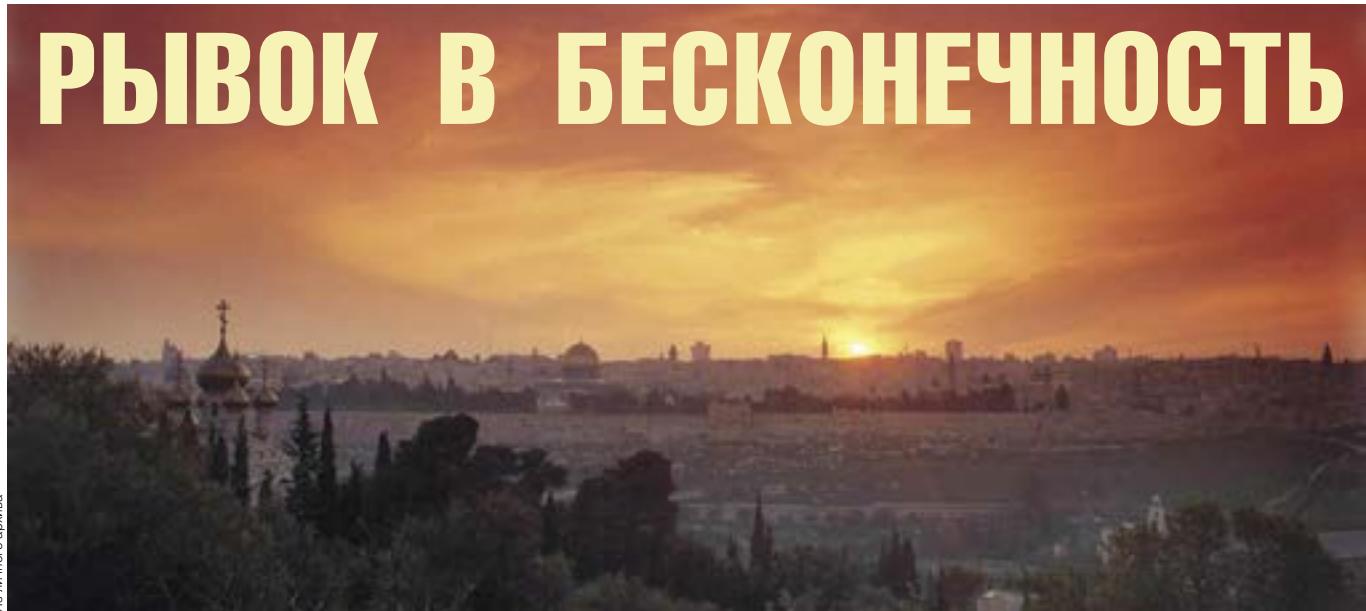

■ Колонна бичевания Спасителя. К ней был привязан Иисус Христос, когда его бичевали и надевали терновый венец

Из личного архива

РЫВОК В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Из личного архива

«Твое» мгновение приходит неожиданно. За одну секунду человек может бросить шоубизнес, учебу в Швейцарии и уйти в монастырь Костромской епархии. Затем стать единственной русской монахиней, которая участвует в богослужении у Гроба Господня в Иерусалиме, и пытаться привести к Богу Патрисию Каас. В общем, жизнь 37-летней матушки Евфросинии (Юлии МАТВЕЕВОЙ) сложилась чудесным образом.

Оксана ПРИЛЕПИНА

Детство матушки Евфросинии не назовешь безоблачным. Родилась в Тюмени в 1971 году в семье нефтяного руководителя, которая постоянно колесила по маршруту Нижневартовск–Нефтеюганск–Сургут. В советские годы нефтяных королей не было, и Юлия не видела ни неба в алмазах, ни в скромом времени и папы. Он ушел в другую семью, а девочка пообещала себе не потеряться в жизни. И «с помощью Божией добилась всего сама». Тем более что этому обещанию было на чем держаться. От папы Юлия унаследовала деловую хватку, которая первый раз проявилась в раннем возрасте.

«Мне тогда было лет шесть, – вспоминает м. Евфросиния. – С одной девочкой мы зашли в магазин. И так нам захотелось присоек! Я подошла к первому же мужчине: «Дядь, дядь, купи присеки». Он купил целый килограмм! Мы были так счастливы, что я до сих пор вспоминаю того человека и всегда за него молюсь. Хотя прошло уже более 30

лет. Добро с нами живет всю жизнь, особенно добро, полученное в детстве».

От мамы Юлии досталась вера.

«Мама моя – человек глубоко верующий, – продолжает рассказ м. Евфросиния. – Ее папа, мой дед, был крестьянином, в церковь ходил, но маму не крестил, ведь это были советские времена. И она в шесть лет сама пошла в храм. По тропинке проторила 12 км, нашла батюшку – и крестилась».

О своей юности и молодости матушка говорить не хочет, отмахивается: «Прошлую жизнь вспоминать грех». Но по оброненным вскользь словам можно немного восстановить цепь событий. В 15 лет начала помогать в организации концертов в «Олимпийском». Познакомилась с Патрисией Каас, приезжавшей в Россию на гастроли. Встреча девушки так потрясла, что Юлия втайне пожелала встретиться со звездой еще когда-нибудь. Стала администратором у певицы Ольги Кормухиной. Уехала в Цюрих (Швейцария), где поступила в университет и начала работу над собственным сольным альбомом. И тут у 20-летней девушки начались проблемы с сердцем. Врачи

настаивали на операции, намекая на неопределенный исход.

«Тогда, – говорит м. Евфросиния, – я впервые обратилась к Иисусу Христу: «Господи, если Ты есть, исцели меня – и я пойду служить Тебе в монастырь». Свершилось чудо, я в одну секунду стала на удивление швейцарским медикам. И моя жизнь в одно мгновение преобразилась. Я бросила все и постриглась в монахини Богоявленско-Анастасииного женского монастыря Костромской епархии».

Так слова из песни Ольги Кормухиной раньше были для Юлии работой, а затем – судьбой: «Вся жизнь – один рывок в бесконечность». И этот рывок был сделан в начале 90-х, когда монастыри лежали в руинах. Костромской владыка Александр наложил на Евфросинию послушание эконома, поскольку девушка проявляла неординарные коммерческие таланты. Она самостоятельно писала бизнес-планы, ездила по директорам предприятий просить кирпич, трактора, рабочих. За восемь лет с помощью Божией м. Евфросиния восстановила целых четыре женских монастыря: Богоявленско-Анастасиин,

■ Храм Воскресения. В нем находится Гроб Господень, Камень миропомазания и Голгофа

Из личного архива

■ Голгофа. Под Престолом располагается отверстие, куда был вставлен Крест Христов. Через это отверстие можно дотронуться до самой горы

Макариево-Писемский, Знаменский, Свято-Успенский. А потом и трехэтажную резиденцию владыке с домашней церковью. У юной монахини не было никаких пожеланий для себя, кроме одного: спасти свою душу и увидеть Гроб Господень.

В 1993 году Борис Ельцин организовал первую паломническую поездку на Святую землю. Покойный Патриарх Алексий II благословил по два человека от каждой епархии, и так для м. Евфросинии начался жизненный период, о котором она даже не смела мечтать.

«Я приложилась ко Гробу Господню, и у меня было чувство, будто Господь меня обнял, - говорит матушка. - Это настроение радости, Пасхи и любви. Мне было так хорошо, что я взмолилась: «Господи, оставь меня здесь! Я бы тут умерла».

Вернувшись в родной монастырь, м. Евфросиния поняла, что подхватила «иерусалимский синдром». Среди священнослужителей есть такое заболевание, когда человек влюбляется в испытанныю благодать и за пределами Иерусалима начинает болеть физически и духовно: ему бывает трудно даже дышать. Ко-

стромской владыка Александр не мог равнодушно взирать на страдания молодой монахини, поэтому ежегодно отправлял ее по святым местам как гида и организатора паломнических поездок. А вскоре, в 1997 году, помог и получить у Патриарха благословение на жизнь в Горнем монастыре в Иерусалиме. Казалось бы, чего было желать еще? Но старая болезнь помогла м. Евфросинии еще раз. Монахиня больше не могла выполнять тяжелую работу, ее перевели в греческий монастырь, и Патриарх Иерусалимский Феофил III назначил ей послушание читать записки у Гроба Господня. Греческие батюшки по-русски не понимают, а кто-то ведь должен произносить имена «за здравие», «за упокой». Священнослужители вынимают частицы, а матушка произносит имена. Евфросиния быстро освоила грамоту на десятках языков, и по ночам четыре раза в неделю у Гроба Господня звучит ее красивый чистый голос. Благодаря этим литургиям в течение года каждая записка находит путь на небеса.

«Бывают ночи, когда я по лености не иду ко Гробу, - говорит м. Евфросиния. - Наутро испытываю

бесконечную опустошенность. А в Иерусалиме она особенная. Здесь все пропитано человеческими слезами и кровью Иисуса Христа. В воздухе будто висит крик с Голгофы: «Господи, почему Ты меня оставил?!» Такая боль накатывает. А во мне ведь еще много страстей и грехов непокаянных. Иногда бесы так нападают, что приходится ночью в келье ложиться спать в простой гроб. Ложишься в него, накрываешься крышкой, вспоминаешь все грехи и плачешь. А у Гроба Господня - вечная Пасха и великая Божья благодать. Как сказал один греческий старец, Благодатный огонь сходит на Гроб Господень каждый день, но только один раз, в Великую Субботу, мы его видим».

Коммерческие таланты Евфросинии не пропали и на Святой земле. Матушка основала два паломнических центра: Jerusalem Pilgrim Service (Москва) и Jerusalem Holy Sepulchre Tours (Иерусалим). Jerusalem Holy Sepulchre Tours организовывает эксклюзивные программы: венчание в святых местах или присутствие наочных богослужениях у Гроба Господня при закрытых дверях. Компания м. Евфросинии еще специализируется и на

■ Гроб Господень. Отсюда в Великую Субботу исходит Благодатный огонь

■ Часовня Скорбящей Божией Матери. Отсюда Матерь Божия смотрела на Голгофу, когда распинали ее сына

турах для артистов со всего мира. В 2008 году израильский туризм пошел в гору из-за введения безвизового въезда. И м. Евфросиния задумалась о строительстве гостиницы, начав поиск инвестора. По ее словам, в израильские гостиницы вкладывать выгодно, потому что спрос на отели велик. Особенно привлекательны инвестиции в палестинские территории – например, в Вифлеем (9 км от Иерусалима). Пятизвездочная гостиница на сто номеров обойдется всего в \$6 млн. Кроме того, на территории Палестины арабская рабочая сила дешевая, налоги всего 6% против 47% в Израиле. В Иерусалиме такая же постройка будет стоить \$10–15 млн. Хотя в столице и цены в три раза выше, так что все вложения отбиваются за год.

Уже два года, как фирма матушки Евфросинии оказывает и медицинские услуги. Точнее, посреднические услуги на лечение, операции в лучших клиниках страны. Например, в Herzlia Pituah Israel Medical Center – частный американский центр, – куда приезжают лучшие врачи всего мира. Доходы от трудов м. Евфросинии идут в разных направлениях на благотворительность.

В Россию – на помощь монастырям и приютам для детей-сирот.

«Я не считаю себя талантливым организатором. Келья в 500 м от Гроба Господня – не сравнима ни с какими золотыми дворцами. Ты немного помогаешь людям: восстанавливаешь монастыри, заботишься о паломниках – и потом тебе все возвращается сторицей. Мы ведь живем, чтобы исправить, преобразить душу. Душа-то хочет вечно жить в раю».

Год назад с матушкой приключилась еще одна необычная история. Она открыла интернет-новости и увидела интервью с Патрисией Каас, где та говорит: «Я не верю в Бога после того, как осталась сиротой в раннем возрасте». Матушка ощутила острое чувство жалости. Настолько глубокое, что написала письмо менеджеру Патрисии Серилу Приеру. Состоялась встреча, при которой монахиня подарила менеджеру флакончик нардового мири, ею заново восстановленного с евангельских времен. Мири ему так понравилось, что он предложил совместный проект. Из цветков нарда, который растет только в Индии, во Франции делать выжимку и доставлять ее на Святую землю для освящения

у Гроба Господня, а уж потом – в магазины. Когда продукт станет узнаваемым, его выставят в «Л'Этуаль», лицом которого является Патрисия Каас. Пока его можно найти только на православных выставках.

Про миро матушка прочитала в Евангелии: им жертвовала Мария, когда помазала ноги Христа в благодарность за то, что Он воскресил ее брата Лазаря. Нардовое миро было жидкостью драгоценной. Оно привозилось из Индии. Женщины долго экономили на еде, покупая его по капле. Это был способкопить деньги, думая о будущем семейном счастье. Христиане всех веков мазали этой жидкостью больные места и получали через него благодать Святой земли.

«И вот мы встретились с Патрисией, – рассказывает монахиня. – Я ее пригласила в Святую землю в Иерусалим, подумав, что благодать Святой земли может привлечь ее к Богу. Не знаю, получится ли у меня это. Но попытаться – буду».

АНОНСЫ МЕРОПРИЯТИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПРОБЛЕМАМ РАЗВИТИЯ И СОХРАНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

4-5 марта

Всероссийская научно-практическая конференция
«XIX Ершовские чтения»

Ишим (Тюменская область)

12-13 марта

V Международная научно-практическая конференция
«Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания в школах и вузах»

Киев

14 марта

VIII Научно-методическая конференция

«Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании»

Москва

18-20 марта

V Чеховские Международные чтения

«Литературные и мемориальные музеи в социально-культурном пространстве современной России»

Мелихово (Московская область)

18-20 марта

II Международная научно-практическая конференция студентов, магистрантов, молодых ученых, преподавателей

«Мир науки и духовной культуры в современных условиях»

Нукус (Узбекистан)

24-26 марта

Международный научный симпозиум

«Славянские языки и культуры в современном мире»

Москва

25-27 марта

III Культурологические чтения

«Русская эмиграция XX века»

Москва

30-31 марта

Хлестаковские чтения

Саратов